

ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ISSN 1994–9065

2(10)
2012

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ

РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ имени М. В. Ломоносова

Выходит 2 раза в год

Издается с 2008 г.

Шеф-редактор
Л. Е. Гринин

Главный редактор
А. Н. Чумаков

Редакционная коллегия:

Барлыбаев Х. А., Гирусов Э. В., Ивахнюк И. В., Ильин И. В., Калачёв Б. Ф., Калининченко П. А., Кацура А. В., Кефели И. Ф., Королёв А. Д., Мамедов Н. М., Митрофанова А. В., Мозговой С. А., Попков В. В., Пырин А. Г., Режабек Б. Г., Снакин В. В.

Международный редакционный совет:

Абылгазиев И. И. (Россия), Акаев А. А. (Киргизия), Ань Циньянь (Китай), Бондаренко Д. М. (Россия), Вебер А. Б. (Россия), Гэй У. (США), Гусейнов А. А. (Россия), Данилов-Данильян В. И. (Россия), Дафферн Т. (Великобритания), Добровольский Г. В. (Россия), Ечимович Т. (Словения), Израэль Ю. А. (Россия), Иноземцев В. Л. (Россия), Камуселла Т. (Польша), Капица С. П. (Россия), Киш Э. (Венгрия), Калбаси Х. (Иран), Коротаяев А. В. (Россия), Кучуради И. (Турция), Лисеев И. К. (Россия), Мазур И. И. (Россия), Назаретян А. П. (Россия), Степин В. С. (Россия), Трубецков Д. И. (Россия), Урсул А. Д. (Россия), Хасбулатов Р. И. (Россия), Чилингаров А. Н. (Россия), Юдин Б. Г. (Россия).

Адрес редакции:

119992, г. Москва, ул. Волхонка, д. 14, к. 102, Президиум РФО.

Тел.: (495) 609-90-76. E-mail: chumakov@iph.ras.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.

E-mail: peruch@mail.ru Сайт: www.socionauki.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Красавина Л. Н. Валютная глобализация: тенденции и перспективы развития	3
Урсул А. Д. Космоглобалистика: генезис и направления исследований	17
Чумаков А. Н. Проблема управления как повод для дискуссии	32

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Гринин Л. Е. Китайская модель и перспективы лидерства Китая в мире ...	43
Ганчев П. Глобальный кризис: необходимость новых принципов, институтов, ценностей	62
Бондаренко В. М. Глобальные процессы: две парадигмы развития	79
Силина Е. В. Феномен глобализации: социальный аспект	89

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Алешковский И. А. Демографический кризис как угроза национальной безопасности России	96
Розанов А. С. Международный терроризм как глобальная проблема современности	115

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

Теймури В. Мировое лидерство и культурное разнообразие	119
Василенко В. Н. «РИО+20»: безопасность граждан глобального общества	128
Лебедев С. А. Наука в глобальном мире	145

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Запесоцкий А. С. Российский капитализм в контексте глобального спора социалистической и либеральной идеологий	152
Шапкин И. Н., Бондаренко Н. Е. Создание национальной инновационной системы как условие повышения конкурентоспособности стран в глобальной экономике	160
Иманов Г. М. Россия и Турция в XXI в.: от многопланового стратегического партнерства к императиву евразийской интеграции	174

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Филохина С. В. Глобальные тенденции развития мира	179
Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник	189

<i>Наши авторы</i>	190
<i>Contents</i>	191

ТЕОРИЯ

ВАЛЮТНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Красавина Л. Н.

д. э. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ,
директор Центра исследований международных экономических
отношений Института финансово-экономических исследований
ФГОБУ ВПО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации».

E-mail: Mvikhreva@mail.ru

В статье анализируются тенденции и перспективы развития валютной глобализации с учетом новых явлений в глобализирующейся мировой экономике. Обоснован вывод о расширении и углублении валютной глобализации в функциональном и институциональном аспектах. Выявлено соотношение между валютной глобализацией и региональной валютной интеграцией. Обоснована тенденция развития глобализации валютного регулирования с учетом уроков современного валютного регулирования, мирового финансово-экономического кризиса и предстоящей реформы мировой валютной системы.

Ключевые слова: *мировая валюта, международные валютные отношения, валютная глобализация, региональная валютная интеграция, валютная либерализация, мировая экономика, доллар, евро, специальные права заимствования.*

The article analyses the trends and prospects of monetary globalization with the account of new phenomena in the globalizing world economy. The conclusion is validated about the expanding and deepening monetary globalization with respect to the functional and institutional aspects. The correlation is revealed between monetary globalization and regional monetary integration. The author proves the tendency of development of global monetary regulation with the account of the outcomes of the global financial-economic crisis and forthcoming reform of the world monetary system.

Keywords: *world currency, international monetary economics, monetary globalization, regional monetary integration, monetary liberalization, global economy, dollar, euro, special drawing rights.*

В российской экономической науке значительное внимание уделяется анализу глобализации мировой экономики. Большой вклад в изучение этого сравнительно нового процесса, начавшегося в конце 1990-х – начале 2000-х гг., внесли

А. Н. Чумаков, Э. Г. Кочетов, А. И. Татаркин, В. С. Паньков, Ю. В. Шишков, Е. С. Хесин, Р. И. Хасбулатов и другие ученые.

Однако проблемы валютной глобализации недостаточно исследованы. Между тем глобализация мировой экономики определяет первостепенную тенденцию и перспективу развития международных валютных отношений.

Исходный пункт данного анализа относится к онтологии – понятию валютной глобализации как одной из форм глобализации мировой экономики с учетом специфики международных валютных отношений. В связи с этим, на наш взгляд, валютная глобализация – высшая степень интернационализации валютных отношений, связанных с функционированием валют в мировой экономике и институциональной организацией этих отношений в соответствии с принципами мировой валютной системы. Сочетание функционального и институционального подходов дает возможность глубже раскрыть сущность развития валютной глобализации.

Фундаментальная причина валютной глобализации как одной из форм экономической и финансовой глобализации коренится в противоречии между интернационализацией процесса общественного воспроизводства и сохранением его национальной специфики. Непосредственной причиной валютной глобализации является, с одной стороны, противоречие между возросшей степенью интернационализации валютных отношений и их организацией в форме мировой валютной системы, а с другой – сохранение национальных особенностей международных валютных отношений стран и валютной системы. Валютная глобализация как одна из форм финансовой глобализации обгоняет глобализацию в сфере материального производства.

Однако, на наш взгляд, некорректно на этом основании утверждать, будто финансовый капитал «оторвался от своей основы» и на практике это превращение приняло вид явления, неудачно названного «финансиализацией» [Бузгалин, Колганов 2009: 42].

Такое понимание противоречит сложившемуся в российской экономической литературе понятию финансового капитала как продукта сращивания промышленного и банковского капитала. Западный термин «финансиализация» в переводе на русский язык означает, видимо, характерное для финансовой глобализации увеличение масштаба мировых финансовых потоков, перераспределяемых через мировой финансовый рынок, развитие финансового сектора, опережающего производственный сектор экономики. Но эти финансовые, в том числе валютные, потоки не могут целиком оторваться от реального капитала, который служит их основой, поскольку они связаны с временным высвобождением денежного капитала в процессе воспроизводства. Поэтому речь идет не об отрыве финансового капитала от своей основы – реального капитала, а об опережающем возрастании фиктивного капитала по сравнению с реальным в условиях глобализации экономики.

Поскольку валютные отношения обслуживают микрохозяйственные связи, это определяет *многоуровневый характер валютной глобализации*, сопровождающей интернационализацию процесса воспроизводства. Происходит расширение валютной глобализации, так как валютные отношения опосредствуют растущий объем мировой торговли товарами и услугами, и особенно международного

движения капитала, включая фиктивный, в том числе базовых и производственных финансовых инструментов. Это явление отражено в «Руководстве МВФ по составлению платежного баланса», которое публикуется с 1993 г. (его шестое издание было опубликовано в 2009 г.). Традиционный раздел платежного баланса «движение капиталов и кредитов дан в новой редакции» – «движение капиталов и финансовых инструментов» [Balance... 2009].

В российской экономической литературе справедливо подчеркивается возрастающее в условиях глобализации экономики противоречие между фиктивным и реальным капиталом в структуре мировой экономики [Татаркин, Бурьков 2005: 144]. Однако, на наш взгляд, опережающий рост мировых финансовых потоков по сравнению с ростом объема товарной продукции не идентичен увеличению объема только фиктивного капитала, так как мировые финансовые и валютные потоки связаны с движением и фиктивного, и реального денежного капитала, например в форме прямых иностранных инвестиций и кредитов.

О масштабах валютной глобализации свидетельствует растущий оборот мирового валютного рынка, который в десятки раз повышает объем торговли товарами и услугами, что свидетельствует о диспропорции между валютной и товарной массой в мировом обороте. Суточный объем операций на мировом валютном рынке возрос с 10–20 млн долларов в 1979 г. до 1,5 трлн в начале 2000-х гг. и 2,3 трлн долларов в 2009 г. [Красавина 2011].

В условиях глобализации мирового валютного рынка как одного из сегментов мирового финансового рынка формируются его институциональные и функциональные особенности. В институциональном аспекте на этом рынке усиливаются позиции ТНК и ТНБ, новых институциональных небанковских посредников, коллективных инвесторов, разнообразных фондов (в том числе хедж-фондов), активизируется роль международных финансовых институтов.

Под влиянием экономической и валютной глобализации сформировались функциональные особенности мирового валютного рынка: небывалый рост емкости и глубины рынка, диверсификация инструментов валютных сделок, в том числе производных валютных инструментов (форварды, фьючерсы, опционы, свопы и т. д.). Усиливается виртуализация валютных операций с использованием современных технологий и средств информации, стандартизация валютных сделок, увеличивается объем спекулятивных валютных сделок. В итоге возрастает отрыв деятельности валютного рынка от интернационализации процесса производства.

Чрезмерная либерализация мирового валютного рынка как сегмента мирового финансового рынка привела к снижению эффективности надзора и контроля за его деятельностью, она стала одной из причин мирового финансово-экономического кризиса.

Понятие валютной глобализации основано не только на количественной, но и на качественной ее характеристике. Углубление данного процесса обусловлено влиянием следующих тенденций:

– развитие интернационализации валютных отношений, связанное с новым видом международного разделения труда, который Ю. В. Шишков назвал международным разделением производственного процесса, меняющим облик мировой экономики [Шишков 2004: 15];

- глобализация рынка товаров, услуг, трудовых ресурсов, капиталов в результате интеграции национальных рынков в мировой;
- внедрение новых технологий и стандартов межстранового перераспределения мировых валютных потоков с использованием электронного банкинга, Интернета;
- развитие институционального аспекта валютной глобализации, проявляющегося в тенденции адаптировать существующие институты межгосударственного валютно-экономического регулирования к условиям глобализации.

Научно-практический интерес представляет новое направление исследований – прогнозирование перспектив валютной глобализации. При разработке логической модели ее будущего развития целесообразно выделить два предметных поля. В их числе сочетание изучения палеоглобалистики (от греч. *palais* – древний, в данном контексте – предшествующий) и валютной футуроглобалистики (от лат. *futurum* – будущий) по аналогии с терминологией глобалистики, разработанной ведущими специалистами [Чумаков 2011; Кочетов 2006б].

Специфика предметного поля валютной палеоглобалистики заключается в выявлении преемственности развития исторически сложившихся тенденций по мере интернационализации валютных отношений. Эта специфика обусловлена особенностями валютных отношений. Во-первых, исторический экскурс свидетельствует о том, что еще до глобализации экономики в условиях свободной рыночной конкуренции была создана первая мировая валютная система (в 1867 г.). Во-вторых, валютная сфера отличается определенной инертностью и медленным изменением ее элементов и формы организации в виде структурных принципов мировой валютной системы. Например, после Первой мировой войны новая – Генуэзская – мировая валютная система была создана лишь в 1922 г., несмотря на длительный валютный кризис в послевоенный период. Приведем другой пример: потребовалось 10 лет дискуссий и подготовительной работы для создания в 1976–1978 гг. ныне существующей Ямайской мировой валютной системы после развала Бреттон-Вудской системы. Давно назрела необходимость реформирования Ямайской валютной системы, но, несмотря на обещающие заявления на саммитах «Группы 20», наступило затишье, так как ее структурные принципы устраивают ведущие страны, валюты которых используются в качестве мировых и включены Фондом в перечень свободно используемых валют, входящих в корзину СДР.

Предметное поле исследования валютной футуроглобалистики включает анализ перспектив не только эволюции и модификации исторически сложившихся тенденций, но и новых явлений. Прогнозирование этих перспектив должно сочетаться с оценкой роли валютного фактора в обеспечении стабильного развития мировой и национальных экономик с учетом уроков современного мирового финансово-экономического кризиса. Важной составляющей перспектив валютной глобализации является прогнозирование направлений реформы Ямайской мировой валютной системы, которая не обеспечивает валютно-экономическую стабильность в мире.

Подобное ценностное ранжирование перспектив предметного поля изучения тенденций валютной глобализации, включающее модификацию сложившихся

тенденций и новых явлений в этой сфере, имеет научно-практическое значение, так как валютная стабильность способствует устойчивому развитию экономики в национальном и глобальном масштабах.

Изучение перспектив валютной глобализации включает прогнозирование их позитивных, негативных, альтернативных тенденций и контртенденций. Однако их определение и оценка перспектив возможны лишь в качественном, а не в количественном аспекте в связи с отсутствием достоверной статистической информации и приемлемых сценарных условий их развития в обозримом будущем.

Прогнозирование развития глобализации мировой экономики определяет перспективу расширения и углубления валютной глобализации, которая приобретет количественные и качественные изменения.

М. Афанасьев и Л. Мясникова считают, что глобализация в ее современной форме охватывает лишь 30 % стран мира, то есть примерно 60 стран [Афанасьев, Мясникова 2005: 11]. В. С. Паньков справедливо оспаривает это мнение, противоречащее сущности глобализации, которая «неуклонно втягивает в себя все хозяйственное пространство планеты Земля, хотя и с разной интенсивностью по отношению к его отдельным элементам (странам, регионам, секторам и т. д.)» [Паньков 2009: 37–38]. Напомним, что в ВТО участвуют 154 страны с учетом присоединения России в 2012 г., в мировой валютной системе – 187 стран – членов Международного валютного фонда.

Перспектива усиления валютной глобализации обусловлена взаимосвязью международных валютных отношений со всеми сферами международных экономических отношений и сегментами мирового финансового рынка (фондовым, кредитным, валютным, страховым и рынком золота). В будущем эти взаимосвязи будут возрастать по мере развития глобализации экономики и особенно финансовой глобализации, обгоняющей уровень интернационализации хозяйственных связей в сфере материального производства. В перспективе, вероятно, сохранится тенденция к ослаблению связи международной миграции финансовых, в том числе валютных, потоков с динамикой мирового ВВП. Это объясняется тем, что между производителями ВВП и торговой сетью его реализации на мировых рынках расширяется сеть многочисленных посредников – участников мирового и национальных финансовых рынков. В их числе – корпорации и банки, особенно ТНК и ТНБ, специализированные финансово-кредитные институты, биржи, многочисленные фонды.

Углубление валютной глобализации в перспективе связано с повышением степени интернационализации процесса воспроизводства и межстранового перераспределения мировых финансовых потоков, номинированных в разных валютах. Возрастание этих потоков связано с дальнейшим развитием виртуализации сделок с фиктивным капиталом, так как невозможно запретить участникам мирового финансового рынка осуществлять доходные спекулятивные операции с ценными бумагами, в том числе с производными финансовыми инструментами.

В связи с этим в перспективе сохранятся высокие риски, связанные с валютной глобализацией, что осложнит валютное обеспечение стабильного и устойчивого развития мировой экономики. Риски валютной глобализации обусловлены также неизбежным возобновлением практики надувания финансовых «пузырей»

путем завышенной оценки реальных активов в результате спекулятивных сделок с ценными бумагами, недвижимостью, а также кредитных «пузырей» в связи с банковским перекредитованием клиентов, снижением требовательности к оценке их кредито- и платежеспособности. Сохранение системных рисков, обусловленных циклическим развитием экономики, создает риск очередного мирового финансово-экономического, в том числе валютного, кризиса.

В перспективе валютная глобализация будет эволюционировать, принимать новые формы, метаморфозы в связи с вероятностью качественной трансформации основных элементов и формы организации международных валютных отношений.

Противоречивость валютной глобализации обусловлена одновременным развитием валютного полицентризма и регионализма. Объективной основой этого процесса является дальнейшее изменение соотношения сил между мировыми экономическими и финансовыми центрами в результате неравномерности развития стран. Прогнозируется снижение доли трех традиционных центров – США, Западной Европы, Японии – с 40 % в 2009 г. до 28 % в 2030 г., увеличение доли Китая и Индии до 25 % объема мировой экономики к 2020 г. и до 33 % – в 2030 г. [О сценарных условиях... 2011].

Перспективы появления новых национальных валют – претендентов на статус мировых денег – определяются также степенью включения стран, эмитирующих эти валюты, в глобализационный процесс. По имеющимся данным, до мирового финансово-экономического кризиса к наиболее глобализированным относились 72 страны, на долю которых приходилось 97 % мирового ВВП и 88 % населения мира, включая пять европейских небольших стран, США, Канаду, а также азиатские страны – Сингапур, Гонконг, Иорданию [Кириллов 2007]. Однако эта оценка глобализированности стран основана лишь на 12 количественных показателях. В их числе степени экономической интеграции, личных контактов, технологической совместимости, политического участия. Эти показатели при всей их значимости не дают качественной оценки степени участия стран в глобализации мировой экономики. Например, в соответствии с приведенным выше рейтингом в числе пяти наиболее глобализированных европейских государств оказались четыре малые страны из 27 государств Европейского сообщества (Нидерланды, Ирландия, Дания, Эстония), которые не определяют международные позиции евро, а также Швейцария, валюта которой при всей ее привлекательности занимает незначительную нишу среди мировых валют.

Другой пример несоответствия количественных показателей включения страны в процесс глобализации степени и места ее валюты в валютном полицентризме касается ранжирования США после европейских стран без учета качественного показателя американского доминирования в этих процессах, в частности международной конкурентоспособности доллара.

Что касается Канады, которая по количественным показателям отнесена к десятке лидеров по степени включенности в глобализацию мировой экономики, ее валюта не фигурирует среди претендентов на статус мировых денег.

Включение Сингапура, Гонконга, Иордании в число стран – лидеров по степени интегрированности в глобализирующуюся экономику не проявляется в их

участию в валютном полицентризме, так как они используют преимущественно доллары, евро и некоторые другие зарекомендовавшие себя мировые валюты. Новым явлением стало использование офшорного юаня в Гонконгском мировом финансовом центре.

Следовательно, лидерство стран в валютном полицентризме зависит не только и не столько от количественных показателей их включенности в процесс глобализации мировой экономики, сколько от вклада этих стран в мировой ВВП, их экономического и валютного потенциала, эффективности валютной политики и валютной стратегии, ориентированной на интернационализацию использования национальной валюты и повышение ее рыночной конкурентоспособности.

Перспективы развития валютной глобализации формируются под воздействием новых явлений, обозначившихся под влиянием мирового финансово-экономического кризиса и изменения соотношения сил в мировой экономике. В их числе:

- 1) дифференциация двух ведущих мировых экономических и финансовых центров – США и еврозоны;
- 2) усиление роли стран с быстро развивающейся экономикой;
- 3) накопление докризисных и послекризисных негативных рисков в развитии мировой и национальных экономик в период после кризиса [Ершов 2011].

Новым фактором, определяющим развитие валютной глобализации как формы проявления части глобализации мировой экономики, стал современный мировой финансово-экономический кризис и его уроки. Негативные последствия кризиса, разная степень его воздействия на национальные экономики способствуют усилению неравномерности экономического развития стран и регионов, обострению глобальных противоречий, в том числе в валютной сфере.

Доминирующей тенденцией является использование нескольких конкурирующих национальных валют в качестве мировых. Ушел в прошлое валютный монополизм в виде господства фунта стерлингов в XIX в. и доллара США – в XX в., особенно после Второй мировой войны. Господство фунта стерлингов было обусловлено лидирующими позициями Великобритании в мировом производстве и торговле, морских перевозках грузов, банковской и страховой деятельности. Эта крупная колониальная держава достигла высокого уровня развития экономики, внешней торговли, банковской системы, финансового рынка. Лондонский мировой финансовый центр доминировал до Первой мировой войны. Этому способствовало лидерство Великобритании во введении золотомонетного стандарта фактически в конце XVIII в., а юридически – в 1816 г., то есть раньше других стран, и в развитии зарубежной банковской сети. С 1830 г. английские банки стали открывать филиалы в Австралии, Канаде и в своих колониях для обслуживания торговых и инвестиционных операций своих клиентов. В конце Первой мировой войны из 2600 зарубежных банковских подразделений в мире 80 % принадлежали британским банкам [Slager 2005: 23].

Благодаря лидерству фунта стерлингов как мировой валюты Великобритания покрывала дефицит своего платежного баланса не золотом, как другие страны, а национальной валютой. Тем самым впервые в истории международных валютных отношений Великобритания как страна – валютный гегемон использовала валютный механизм перераспределения части мирового ВВП в свою пользу. Этот

опыт был использован США после Второй мировой войны, когда доллар стал господствующей мировой валютой.

Валютный монополизм Великобритании был ликвидирован по окончании Первой мировой войны, когда изменилась расстановка сил в мировой экономике в пользу США. Мировой финансовый центр переместился из Западной Европы в Америку. США стали нетто-кредитором. Их внешний долг (7 млрд долларов в 1913 г.) сократился более чем вдвое к 1926 г., а международные требования возросли в 6 раз (с 2 млрд до 12 млрд долларов). В результате притока в США золота, в основном из Европы (2,3 млрд долларов в 1914–1921 гг.), их доля в мировых золотых резервах удвоилась (с 23 % в 1914 г. до 46 % в 1924 г.). США остались почти единственной страной, сохранившей золотомонетный стандарт, а курс доллара к иностранным валютам в этот период повысился на 10–90 %.

В результате укрепления валютно-экономического потенциала США в итоге Первой мировой войны валютный монополизм в форме господства фунта стерлингов сменился полицентризмом, основанным на его жесткой рыночной конкуренции с окрепшим долларом США. Однако в Генуэзской валютной системе (созданной в 1922 г.) статус мировой официально не был закреплен ни за одной валютой.

После окончания Второй мировой войны вновь сформировался валютный моноцентризм, на этот раз в форме господства доллара. Объективной основой американоцентризма стало изменение соотношения сил между мировыми центрами в пользу США за счет Западной Европы и Японии. В 1949 г. США сосредоточили 54,6 % промышленного производства (без СССР), 33 % экспорта, около 75 % золотых резервов стран всего мира. Доля стран Западной Европы в промышленном производстве упала с 38,3 % в 1937 г. до 31 % в 1949 г., в экспорте товаров – с 34,5 % до 28 %. Их золотые резервы снизились с 9 млрд до 4 млрд долларов, что было в 6 раз меньше, чем у США (24,6 млрд долларов), размер их неравномерно распределялся между странами [Международные... 2007].

Особенностью долларовой гегемонии после Второй мировой войны стало закрепление за долларом статуса резервной валюты Бреттон-Вудским соглашением. Одновременно этот статус был присвоен ослабевшему фунту стерлингов, учитывая его историческую роль как мировой валюты. Также сохранилась значительная доля фунта стерлингов в международных расчетах, хотя она снизилась до 40 % против 80 % в 1913 г.

США использовали гегемонию доллара для укрепления своих позиций в мировой экономике, для перераспределения части национального дохода других стран в свою пользу. Долларовый монополизм обострил валютно-экономические противоречия стран. С конца 1960-х гг. на основе формирования трех мировых экономических и валютных центров партнерства и соперничества (США – Западная Европа, особенно Европейское экономическое сообщество [ЕЭС] – Япония) в противовес американоцентризму стала развиваться тенденция к валютному полицентризму. В 1984 г. на долю стран ЕЭС приходилось 36 % промышленного производства стран ОЭСР (США – 34,3 %); 33,7 % экспорта (США – 12,7 %); 38 % золотых резервов (США – 23 % против 75 % в 1949 г.); 53 % валютных резервов (США – 10,8 %).

Ухудшились валютные позиции США. «Долларовый голод» в мире сменился «долларовым пресыщением». Избыток долларов в виде лавины «горячих» денег периодически обрушивался на финансовые рынки то одних, то других стран, вызывая валютные потрясения и «бегство» от нестабильного доллара к другим валютам. Долларовый моноцентризм стал одной из причин кризиса Бреттон-Вудской валютной системы. В разгар кризиса центральные банки ряда стран Европы и Японии отказывались конвертировать обесценивающиеся доллары в свои национальные валюты.

Кризис доллара как резервной валюты достиг апогея при его девальвации (в декабре 1971 г. на 7,89 % и в феврале 1972 г. – на 10 %), прекращении размена долларов на золото в американском казначействе для иностранных центральных банков по заниженной официальной цене желтого металла. Следовательно, тенденция к снижению монопольной роли доллара как мировой резервной валюты началась с конца 1960-х гг. в условиях кризиса Бреттон-Вудской системы, а не с начала 2000-х гг., как считают некоторые авторы [Паньков 2009].

Наступление окрепших западноевропейских валют (еще до введения евро) и японской иены на доллар подорвало валютный монополизм США. Возродилась и усилилась тенденция к валютному полицентризму, которая проявилась в создании ныне функционирующей Ямайской мировой валютной системы (1976–1978 гг.) на базе стандарта СДР – международной валютной единицы, средне-взвешенный курс которой определяется на базе валютной корзины (ныне доллар, евро, фунт стерлингов, иена).

Идея многовалютного стандарта, конкретизированная в виде набора валют, входящих в валютную корзину международной валютной единицы, может получить развитие в перспективе при реформе современной мировой валютной системы [Красавина 2011].

Изменение соотношения сил в условиях полицентризма глобализирующейся экономики стимулирует развитие тенденции интернационализации национальных валют, не имеющих статуса мировых денег, то есть не включенных МВФ в перечень «свободно используемых валют», входящих в корзину СДР. Кстати, в измененном уставе Фонда нет Бреттон-Вудского термина «резервная валюта», хотя в силу инерции он часто употребляется. Мировой финансово-экономический кризис повлиял на использование национальных валют быстроразвивающихся стран даже при отсутствии их свободной конвертируемости. Проявлением этой тенденции стало применение российского рубля во внешнеторговых расчетах стран ЕврАзЭС, а также с некоторыми странами БРИКС на основе двусторонних соглашений о взаимном использовании национальных валют (с Китаем, Бразилией в 2011 г.). Страны БРИКС на своем форуме в 2012 г. приняли решение о взаимном использовании национальных валют вместо доллара в сфере торговых и кредитных отношений. На мировом валютном рынке Forex рубль постепенно внедряется в расчеты. Формируется рынок рублевых финансовых инструментов, ценных бумаг, номинированных в рублях, путем эмиссии депозитарных расписок, еврооблигаций [Мишина и др. 2011]. В 2010 г. был создан межведомственный совет по усилению роли рубля в международных взаиморасчетах. Для повышения эффективности интернационализации использования рубля необходи-

ма разработка концепции этого нового направления внешней валютной политики России с учетом мирового опыта трансформации национальных валют в мировые [Красавина 2008].

Новым явлением стала интернационализация использования юаня на основе ускорения темпов развития экономики Китая. Разработана стратегия превращения данной страны в крупную мировую державу к 2030 г., создания в Шанхае мирового финансового центра, введения свободной конвертируемости юаня к 2015 г. [Ву и др. 2010]. В преддверии создания инфраструктуры, необходимой для внедрения юаня в международный оборот, Китай сделал ставку на использование офшорного юаня во внешнеэкономических операциях через мировой финансовый центр в Гонконге, где китайская валюта с 2003 г. обращается в основном в туристическом секторе и розничной торговле.

Развитие валютного регионализма в глобализирующейся мировой экономике проявляется в тенденции использования региональных валют и валютных единиц в интеграционных экономических объединениях разных регионов. По масштабу валютная регионализация отстает от валютной глобализации, но по глубине развития опережает интернационализацию валютных отношений, так как базируется на экономической интеграции в регионе. Как свидетельствует опыт формирования евро, единой валюты 17 стран еврозоны из 27 стран Евросоюза, ее фундаментальной предпосылкой является создание регионального экономического союза, а затем на его основе – валютного союза. Напомним, что создание европейской экономической интеграции началось с 1957 г. (Римский договор), а завершающим этапом стало создание валютного союза с 1992 г. (Маастрихтский договор). Венцом интеграционного процесса стало создание европейского Экономического и валютного союза (ЭВС) в 1999 г. и введение евро. Это единственная региональная валюта, которая в результате рыночной конкуренции с долларом стала второй по значению мировой валютой.

Другие региональные валюты используются лишь в пределах экономических объединений разных регионов. Например, «африканский франк» – в Экономическом и валютном сообществе государств Центральной Африки, западноафриканский франк КФА – в Экономическом и валютном союзе Западной Африки. Обе валюты прикреплены к евро.

В остальных региональных экономических объединениях используются соответствующие мировые валюты и региональные валютные единицы, но разрабатываются проекты региональных валют, таких как АКЮ (в АСЕАН+3), единой арабской валюты, единой африканской валюты и т. д.

Тенденция валютного регионализма развивается на пространстве СНГ, особенно в ЕвразЭС, где формируется Евразийский экономический союз. С этой целью с 2012 г. начался переход к Единому экономическому пространству стран – членов Таможенного союза (Россия, Казахстан, Белоруссия) в 2015 г. На основе создания Евразийского экономического союза станет возможным формирование валютного союза и, возможно, единой валюты.

Анализ тенденций к валютному полицентризму и регионализму позволяет сделать вывод, что они противостоят валютной глобализации в *функциональном*

аспекте, то есть в сфере отношений, связанных с функционированием валют в мировом обороте. Наиболее развита валютная глобализация в *институциональном аспекте* в форме организации валютных отношений, регламентируемых принципами мировой валютной системы.

Исторический экскурс свидетельствует о тенденции к межгосударственному валютному регулированию с созданием первой мировой валютной системы в 1867 г. еще в условиях капитализма свободной рыночной конкуренции. В этой связи вызывает сомнение утверждение, будто рыночному хозяйству зрелого капитализма последней трети XIX – начала XX в., когда господствовал золотой стандарт, был «присущ “однослойный механизм” регулирования хозяйственной жизни, включавший в себя только уровень спонтанно-рыночного регулирования» [Паньков 2009]. В действительности преобладающее рыночное валютное регулирование сочеталось с межгосударственным регулированием структурных принципов мировых валютных систем: Парижской (с 1867 г.), далее – Генуэзской (с 1922 г.), Бреттон-Вудской (с 1944 г.), Ямайской (с 1976–1978 гг.).

Предпосылки современной глобализации валютного регулирования постепенно формировались в процессе развития четырех валютных систем. Ее новое качество характеризуется повышением степени интернационализации валютного регулирования по линии расширения и углубления.

О расширении масштаба межгосударственного валютного регулирования свидетельствует увеличение числа стран, участвующих в мировой валютной системе – с 39 в 1944 г. при создании Бреттон-Вудской системы до 187 в современной Ямайской мировой валютной системе. До 1990-х гг. межгосударственное валютное регулирование развивалось в рамках капиталистической системы мировой экономики, не распространяясь на социалистическую систему хозяйства, так как существовали два мира и две валютные системы. С переходом России и других бывших социалистических стран от планово-централизованной экономики к рыночной и вступлением их в МВФ, устав которого регламентирует принципы мировой валютной системы, межгосударственное валютное регулирование приобрело глобальный масштаб, охватив почти все страны.

Развитие глобализации валютного регулирования на межгосударственном уровне вглубь проявляется в разработке документов двух видов. В их числе нормативные документы – межгосударственные валютные соглашения, обязательные для стран, которые их ратифицировали. Устав МВФ возложил на страны-члены обязательство соблюдать структурные принципы мировой валютной системы – Бреттон-Вудской, затем Ямайской. За несоблюдение этих обязательств предусмотрены санкции в виде разных методов принуждения, включая отказ Фонда предоставлять кредиты странам, нарушающим международные договоренности. Однако в уставе МВФ не предусмотрены исключения из этого правила, если международные обязательства по регулированию валютных отношений противоречат национальному законодательству и интересам страны – члена МВФ. В связи с этим в целях национальной валютно-экономической безопасности многие страны не соблюдали установленные МВФ сроки введения конвертируемости национальных валют, порядок заблаговременного оповещения Фонда об их девальвации, рекомендованный режим фиксированного валютного курса. Проявлением

валютной глобализации с центральными банками ведущих стран является подписание соглашения МВФ о регулировании ежегодной продажи золота из официальных резервов в целях стабилизации рынка монетарного золота, поскольку изменение его цены влияет на валютный курс.

Другой вид документов, относящийся к межгосударственному валютному регулированию, – декларации, конвенции, рекомендации. Их цель – внедрить новые формы валютного регулирования, смягчить валютные противоречия между странами, применить валютные санкции, решить проблемы, связанные с международными валютно-кредитными отношениями.

С середины 1970-х гг. своеобразным органом межгосударственного валютного регулирования стали регулярные совещания на высшем уровне с определенным числом участников. Впервые в 1975 г. в связи с мировым энергетическим кризисом одним из побудительных мотивов их проведения стала необходимость принятия согласованных мер по сдерживанию отрицательных последствий повышения мировых цен на нефть для защиты интересов развитых стран – импортеров нефти. С тех пор на совещаниях в верхах обсуждаются и принимаются решения по актуальным мировым экономическим и политическим проблемам. В мае 1998 г. «семерка» («G-7») официально стала «Группой-8», включая Россию, хотя она остается нетипичным участником этого закрытого клуба.

В условиях современного мирового финансово-экономического кризиса новое качество глобализации валютного регулирования на межгосударственном уровне проявилось в формировании более представительной «Группы 20» («G-20»). Ее решения по преодолению кризиса и обеспечению финансово-экономической стабильности приобрели обязательный и в известной мере наднациональный характер. Страны – участницы регулярных встреч должны регулярно сообщать рабочей группе «G-20» об их участии в выполнении решений саммитов. С учетом уроков современного мирового кризиса особое внимание уделено проблеме надзора и контроля, усилению регламентации деятельности ТНК и ТНБ – главных участников мировой экономики и мирового финансового рынка. В частности, это проявляется в ужесточении рекомендаций Базельского комитета по банковскому надзору. Появилась тенденция к усилению требований к банкам в рамках рекомендаций «Базель-2», а впоследствии – «Базель-3». Глобализация валютного регулирования проявляется в стремлении международных организаций ввести глобальные правила, регламентирующие деятельность участников мирового финансового рынка.

В стратегиях глобализации валютного регулирования переплетаются тенденции то его ослабления, то усиления.

Дерегулирование межгосударственных экономических, в том числе валютных, отношений считалось «столбовой дорожкой» глобализации экономики в 1990-х гг. и особенно в начале 2000-х гг., до мирового кризиса. Это проявилось в снижении регулирующей роли международных организаций (ОЭСР, специализированных органов ООН), международных финансовых институтов, в том числе МВФ, группы Всемирного банка и других. ВТО, созданная в 1995 г. на базе ГАТТ, приняла решение о либерализации нетарифного регулирования с целью снижения таможенных пошлин.

Валютная либерализация проявилась в отмене валютных ограничений и введении вначале частичной, затем свободной конвертируемости валют, в переходе стран от фиксированных к плавающим валютным курсам. От либерализации валютного регулирования выиграли страны, занимающие лидирующие позиции в мировой экономике. Проиграли менее конкурентоспособные страны, которые нередко прибегали и прибегают к валютному протекционизму для защиты национальных интересов.

Либеральная модель экономического регулирования оказалась неэффективной, привела к ослаблению надзора и контроля за деятельностью участников мирового финансового рынка и в итоге стала детонатором глобального финансово-экономического кризиса. В связи с кризисом либеральной модели регулирования на саммитах «G-20» были разработаны основы антикризисной модели глобализации экономического, в том числе финансового, валютного, регулирования с целью повышения управляемости мировой экономикой и валютной системой путем усиления межгосударственного надзора и контроля, особенно за деятельностью мирового финансового рынка.

Учитывая критику в адрес МВФ, в антикризисных программах, принятых на саммите «G-20», большое внимание уделено мерам по активизации его антикризисной деятельности и повышению роли как органа глобального валютного регулирования. В их числе предусмотрено утроение капитала МВФ (до 750 млрд долларов за счет стран-членов) и предоставление Фонду средств в рамках нового соглашения о займах с «Группой десяти» в сумме 100 млрд долларов. Эта мера предназначена для активизации кредитной деятельности Фонда в целях выхода стран из мирового финансово-экономического кризиса и обеспечения стабильного развития мировой экономики.

Современный кризис стимулировал новое направление глобального экономического, в том числе валютного, регулирования, направленное на обеспечение устойчивого развития мировой экономики и валютных отношений и на раннее предупреждение стран о возникновении кризисных потрясений.

Литература

Афанасьев М., Мясникова Л. Время глобализации // *Мировая экономика и международные отношения*. 2005. № 10. С. 11–19.

Бузгалин А. В., Колганов А. Н. Экономика кризиса: пределы рынка и капитала // *Главная книга о кризисе* / ред.-сост. А. В. Бузгалин. М. : Яуза, 2009.

Ву Ф., Пан Р., Ванг Д. Сможет ли юань стать мировой валютой? // *ЭКО*. 2010. № 12. С. 145–160.

Ершов М. *Мировой финансовый кризис. Что дальше?* М. : Экономика, 2011.

Кириллов Р. Самые глобализированные страны. РБК. Рейтинг [сайт]. URL: <http://rating.rbc.ru/article.shtml.2007/ii/09/31705095>

Кочетов Э. Г. *Геоэкономика. Освоение мирового экономического пространства: учеб. для вузов*. М. : Норма, 2006а.

Кочетов Э. Г. *Геоэкономический (глобальный) толковый словарь*. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2006б.

Красавина Л. Н. Российский рубль как мировая валюта: стратегический вызов инновационного развития России // Деньги и кредит. 2008. № 5. С. 11–18.

Красавина Л. Н. Тенденции и перспективы реформы мировой валютной системы // Век глобализации. 2011. № 2. С. 29–43.

Международные валютно-кредитные и финансовые отношения: учеб. / под ред. Л. Н. Красавиной. 3-е изд. М. : Финансы и статистика, 2007.

Мишина В. Ю., Москалев С. В., Федоренко И. Б. Тенденции и перспективы развития российского валютного рынка // Деньги и кредит. 2011. № 7. С. 25–32.

О сценарных условиях долгосрочного прогноза социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года. Материалы Министерства экономического развития РФ. М., 2011.

Паньков В. С. Глобализация экономики: сущность, проявление, вызовы и возможности для России. Ярославль : Верхняя Волга, 2009.

Татаркин А., Бурьков С. Об определении сущности процессов глобализации // Мир перемен. 2005. № 2. С. 144.

Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. 2-е изд. М. : Прогресс, 2011.

Шишков Ю. Международное разделение производственного процесса меняет облик мировой экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 10. С. 15–25.

Balance of Payments Manual. Washington: International Monetary Fund, 2009 [1993].

Slager A. Internationalization of Banks: Patterns Strategy, and Performance // The European Money and Finance Forum. Vienne, 2005. P. 23.

КОСМОГЛОБАЛИСТИКА: ГЕНЕЗИС И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Урсул А. Д.

академик Академии наук Республики Молдова, д. ф. н., профессор,
директор Центра исследований глобальных процессов и устойчивого
развития Российского государственного торгово-экономического
университета, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова.

E-mail: ursul-ad@mail.ru

В статье рассматриваются истоки и становление нового направления глобалистики, исследующего взаимосвязь глобальных и космических факторов, воздействие последних на развитие глобальных процессов и систем, проблему развития космонавтики на планете и перерастание глобальных процессов в космические. Особое внимание уделяется проблеме возможных глобальных катастроф и обеспечения геокосмической безопасности. Рассматриваются возможности введения в предметное поле космоглобалистики природных процессов, перспективы развития «экзопланетной глобалистики», а также «глобальной методологии» исследования проблемы внеземных цивилизаций.

Ключевые слова: антропокосмизм, внеземные цивилизации, геокосмическая безопасность, глобалистика, глобальные катастрофы, глобальные проблемы, глобальные процессы, глобальная эволюция, космонавтика, космоглобалистика, экзопланеты.

This article investigates the origins and formation of a new trend of global studies, investigating the relationship of global and cosmic factors, the impact of the latter on the development of global processes and systems, the problem of space exploration on the planet and global processes growing into the space ones. Special attention is paid to possible global catastrophes and providing geocosmic security. The possibilities are considered to introduce natural processes, developmental prospects, "exoplanetary globalistics" and "global methodology" of the problems of extraterrestrial civilizations into the subject field of cosmo-globalistics.

Keywords: cosmic consciousness, extraterrestrial civilizations, geocosmic security, globalistics, global catastrophes, global problems, global processes, global evolution, cosmo-globalistics, exoplanets.

Глобалистика довольно быстро выдвигается в лидеры современного научно-образовательного процесса и становится фундаментом сегодняшних взглядов на научную картину мира и мировоззрений. Между тем осознание глобальных вопросов научного направления, их исследование главным образом обязано размышлениям о космических проблемах, связи этих проблем с земными. Часто такое влияние оказывает практическая космонавтика: ведь именно взгляд на нашу

планету из космоса показал ее пространственную ограниченность и глобально-природную целостность, выявил необходимость формирования единства человечества перед космической стихией. Это стимулировало развитие нового этапа осознания связи человека, всего человечества как с космосом, так и с окружающей природой Земли.

В статье я попытаюсь выразить космическую (и вместе с тем историко-эволюционную) точку зрения на глобальные исследования, о необходимости которых говорил еще К. Э. Циолковский. К этому великому ученому, на мой взгляд, восходят истоки не только теоретической космонавтики, но и космоглобалистики. История глобалистики в гносеологическом аспекте как бы повторяет реальную историю становления нашей планеты, имеющей космическое происхождение и продолжающей активное взаимодействие с космосом.

1. От антропокосмизма к космоглобалистике

Освоение космоса продолжает те глобальные процессы и проблемы, которые характеризуют не только социальное развитие, но и его взаимосвязь с природой. Социоприродная часть глобальных проблем и процессов, с моей точки зрения, составляющая основу дальнейшего глобального развития человечества и выражающая взаимосвязь земного и космического, уходит своими корнями в далекое прошлое.

Идея о единстве человека и Вселенной имеет солидную традицию в восточной и западной античности. В дальнейшем проблема отношения человека и мира начала развиваться в трудах ряда видных естествоиспытателей, создавших естественно-научную концепцию антропокосмизма (в нашей стране в работах прежде всего К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского, Н. Г. Холодного и ряда других ученых).

В настоящее время под влиянием развития междисциплинарных исследований и философско-методологических проблем космонавтики, астрономии, космологии и космогонии происходит переход к современному этапу антропокосмизма, развивающемуся на основе междисциплинарно-общенаучных знаний и достижений науки эры космоса. Современный антропокосмизм, разрабатываемый на базе глобального эволюционизма как общенаучной идеи и принципа, соединяет в целостную мировоззренческую концепцию некоторые наиболее общие положения общественных, естественных, технических и других наук, тенденции гуманизации и космизации науки на пути к ее единству. Именно на этом этапе стала развиваться космоглобалистика, которая теперь является важной составной частью современного и будущего антропокосмизма, особенно в его антропогеокосмической версии [Урсул 1977].

Предложенная мною концепция антропогеокосмизма исходит из того, что основное направление космической деятельности в ближайшей исторической перспективе предполагает использование космонавтики для решения земных и особенно глобальных проблем и перехода к социоприродному устойчивому развитию на планете. Эта концепция предполагает, что человечество еще долго будет привязано к нашей планете и основные усилия и средства будут расходоваться на жизнеобеспечение человечества, проживающего на Земле. Расставание нашей цивилизации со своим земным прошлым (и настоящим) будет длиться еще не од-

но столетие (а скорее, еще тысячелетия), и рост космической составляющей в существовании и развитии человечества будет осуществляться достаточно медленным эволюционным путем, а не столь быстрыми темпами, как это предполагали «прямолинейные» космисты, ратующие за скорейший массовый выход с Земли и перенесение акцента социальной деятельности с земных проблем на космические.

Концепция антропогеокосмизма явилась методологической основой космической глобалистики, как и глобализм для глобалистики. Под глобализмом мы подразумеваем не какое-то идеологическое течение, а миропонимание, базирующееся на представлении мира как единого целого, а человечества – как взаимосвязанного мирового сообщества, способ видения мира, в котором общепланетарные характеристики превалируют и формируют особую целостность, как и сопричастность к общечеловеческим проблемам и глобальным процессам. Концепция антропогеокосмизма объединяет в одно целое космизм и глобализм и пока может рассматриваться как основной предложенный вариант космоглобализма – особого типа мировидения, связывающего земные и космические аспекты как человеческой деятельности, так и земного и космического пространства. В этом смысле космоглобализм отличается и от геоцентризма, и от космизма в его упрощенно-прямолинейной версии.

Формирование глобалистики в отечественной литературе обычно датируется концом 1960-х – началом 1970-х гг. Именно это время, как отмечает А. И. Костин, характеризуется углубленным изучением двух глобальных проблем современности – освоения космоса и охраны окружающей среды [Костин 2003; 2005: 21]. Это не означает, что другие проблемы, которые позже получили наименование глобальных, никак не освещались в литературе. Просто их не осознавали как именно взаимосвязанные между собой глобальные проблемы, хотя некоторые из них исследовались авторами, принадлежавшими к течению мондиализма – идеологии и движения, ставящего целью переход от нынешнего многообразия форм существования народонаселения планеты к единому глобально управляемому целостному миру. Кроме того, для поддержания международного мира и безопасности в 1945 г. была создана ООН, цель которой заключалась в содействии решению приоритетной в то время глобальной (мировой) проблемы войны и мира.

Как видим, по меньшей мере три упомянутые глобальные проблемы уже исследовались и осознавались с середины прошлого века, но они изучались независимо друг от друга, хотя их общечеловеческий и потенциально-планетарный статус был очевиден. И если для осмысления проблемы войны и мира были свои известные всем причины и обстоятельства, то для изучения проблемы освоения космоса это был запуск Советским Союзом первого спутника и первого человека в космос. А для проблемы окружающей среды – первая в мире конференция ООН по окружающей среде, проходившая в Стокгольме в 1972 г.

Однако хотя осознание не только космического, но и глобального характера проблемы освоения космоса было стимулировано практической космонавтикой, тем не менее в основном оно опиралось на концептуальные построения основоположника теоретической космонавтики. Именно идеи К. Э. Циолковского легли в основу как космизма, так и космоглобализма, и эти мировоззренческие феномены в ходе их реализации позволили в дальнейшем перейти к становлению космонавтики и космоглобалистики [Урсул, Дронов 1988; 1990; Урсул 2010а; 2011б].

2. Космоглобалистика как направление глобальных исследований

К настоящему времени по своему предметно-методологическому содержанию глобалистика сформировалась как междисциплинарное направление научных исследований прежде всего человеческого общества в его особом качестве – общепланетарной целостности, где преобладают интеграционные глобальные эволюционные процессы. К тому же речь идет не просто о научном отражении совокупности процессов и проблем, объединенных понятием «глобальные», а именно о многоаспектном, всестороннем познании социальной реальности и вместе с тем пространственно-планетарном измерении – глобальной деятельности, субъектом которой выступает цивилизация как целостный социальный организм. Следовательно, в этом ракурсе глобалистика как интегративное направление научного поиска должна изучать глобальные процессы и включать все многообразие явлений, присущих обществу в его общемировом, планетарном качестве целостности и взаимодействию с окружающей природой планеты и космоса. Но, как будет показано далее, данные явления присущи не только обществу, но и глобальным социоприродным и даже природным процессам.

В последние годы основное внимание глобалистики было сосредоточено преимущественно на глобализации и глобальных проблемах, причем «центр тяжести» сместился в сторону исследования проблем глобализации. Уже это свидетельствует в пользу того, что с течением времени предметное поле глобалистики стало существенно изменяться, причем оно будет трансформироваться и далее. Становится очевидным, что среди глобальных феноменов, кроме упомянутых, существуют и другие, которые ранее оказались просто незамеченными и специально не выделенными в силу достаточно искусственного ограничения предмета глобалистики глобализацией и глобальными проблемами. Ведь эти глобальные процессы, скорее всего, являются лишь первыми явно проявившими себя «элементами» более содержательной и широкой системы сопряженных между собой глобальных процессов. Становится очевидным, что могут быть обнаружены и другие глобальные процессы, которые в дальнейшем станут изучаться глобалистикой, если ее осмысливать более широко и глубоко в смысле познания природы и генезиса этих явлений, чем принято в научных публикациях сегодня. Именно поэтому возникла необходимость перехода от перечисления вновь возникающих в предметном поле глобалистики исследуемых глобальных феноменов к более общему их пониманию и формулировке этого поля. В новой, эволюционной, интерпретации глобалистика представляется не только междисциплинарным направлением научного знания об обществе в его глобально-деятельностном измерении.

В более широком понимании глобалистика как междисциплинарная область знания акцентирует внимание на изучении глобальных процессов и систем, выявляя закономерности и тенденции их существования и развития [Ильин, Урсул 2009]. Этот «процессуально-системный» и вместе с тем эволюционный подход представляется более фундаментальной трактовкой глобалистики и предполагает достаточно широкое понимание того, что представляют собой глобальные процессы и системы. Под глобальными процессами понимаются природные, социальные и социоприродные процессы, происходящие на планете Земля и постепенно охватывающие все ее пространство. Среди таких процессов – глобализация, глобальные проблемы, глобальные кризисы и катастрофы (включая и пред-

полагаемые), другие общепланетарные негативно-деградационные явления, а также будущие позитивные, постепенно обретающие планетарный масштаб и содержание процессы, например такие, как устойчивое развитие, ноосферогенез и ряд других.

Такой более широкий подход к глобалистике дополняется эволюционным видением глобальных процессов и систем в предположении, что именно рассмотрение их в развитии дает дальнейшие возможности становления новых областей научного поиска. Например, во временном аспекте глобалистика может мыслиться как палеоглобалистика, неоглобалистика и футуроглобалистика. Эволюционное расширение в пространстве ведет глобальные исследования к космоглобалистике в ее различных формах, определяемых, например, структурой космоса. При этом предлагаемые эволюционные инновации в предметном поле глобалистики пока являются дискуссионными и потребуют определенного времени для их осознания, восприятия и критики научным сообществом, разрабатывающим обсуждаемые здесь проблемы.

На мой взгляд, поворотным моментом в новом, более широком видении глобалистики оказалось включение в ее предметное поле глобальных природных процессов (такой учебный курс уже несколько лет читался на факультете глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова, и эта проблематика нашла свое отражение в недавно вышедших учебных пособиях: [Абылгазиев и др. 2011; Габдуллин и др. 2011]). Важно было также понять, что глобализация как глобальный процесс хотя и вышла на приоритетное место в глобалистике, но все же не является единственным феноменом глобальных исследований даже тогда, когда подавляющее большинство ученых в данной области научного знания пока этого еще не осознает.

Уместно обратить внимание на то, что смысл понятия «глобальный» может существенно меняться в зависимости от типа глобальных исследований, которые далеко не все сводятся к глобалистике. В качестве примера можно привести современную космологию. Так, в разделе коллективной монографии по проблемам астрономии XXI в., написанном таким известным ученым, как А. Д. Чернин, имеется фрагмент, который озаглавлен «Глобальное и локальное» [Чернин 2007: 431–434]. Эти понятия имеют в трактовке упомянутого ученого вовсе не те значения, которые используются в глобалистике, они относятся к космосу, причем глобальное относится ко всей Вселенной, а отнюдь не к земному шару. В этой статье используется и термин «глобальная космология» (впрочем, такие трактовки характерны не только для этой книги и не только для этого ученого).

Мало кто знает, что основные значения понятия «глобальное» были выявлены еще до того, как они стали употребляться в глобалистике. Этому помог взгляд на нашу планету и проживающее на ней человечество «из космоса». В монографии «Человечество. Земля. Вселенная» [Урсул 1977], рассматривая вопрос о становлении человечества в качестве целостной цивилизации, которая наиболее эффективно сможет взаимодействовать с природой планеты и космоса, я выделил два основных аспекта этого единства (целостности) человечества. Первый аспект связан с системно-историческими, пространственными характеристиками (глобальными и космическими), а второй – с общими закономерностями, которые позволяют говорить об определенном единстве человечества задолго до появления устойчивых связей между ранее автономно развивающимися социумами (фрагмен-

тами) землян. Учитывая, что проблема формирования целостности человечества составляет суть и историческую «цель» процесса глобализации, речь в данном случае идет об используемых сейчас критериях глобальности и об их возможных космических трансформациях. В этом можно увидеть два встречных движения в познании феномена глобальности: одно – из космоса, к видению глобальных характеристик и целостности планеты, а другое – с самой планеты, из ее локальных мест проживания людей в направлении к глобальному, объединяющему все население планеты и отграничивающему Землю от космоса.

Вряд ли можно считать, что во всей науке будут употребляться термины «локальное» и «глобальное» в том же смысле, что и в глобалистике. Эта омонимия (многозначность) проявляется и в наименовании, например, глобального эволюционизма, который почти с равной вероятностью именуют также универсальным эволюционизмом. В данном случае термин «универсальный» берет начало от лат. *universalis* в значении всеобщего, всеобъемлющего, распространяющегося на всю Вселенную. Вместе с тем сторонники иного наименования могут сослаться на то, что во французском и даже английском языках термин *global* имеет смысл всеобщего, взятого в целом, простирающегося на Вселенную, все мироздание в целом. Из планетарно-земного своего значения в современной глобалистике этот термин может обретать смысл как всеохватывающий, всеобщий и всепроникающий, каким он предстает в очень многих отраслях знания, сейчас пока далеких от глобалистики.

Отметив многозначность термина «глобальный» (и далеко не чуждый понятию космического), будем использовать его преимущественно так, как это принято в глобалистике. В результате этого направления глобальных исследований генерируется особая форма междисциплинарно-научного знания, которую можно назвать глобальным знанием как научным, отображающим все глобальные процессы и системы, существующие и развивающиеся на планете Земля в контексте общепланетарной целостности и эволюционной значимости.

Глобалистика не может изолироваться от космических проблем хотя бы даже в силу природно-пространственной связи планеты с внеземным ее окружением, а тем более в силу начавшегося освоения внепланетарной среды. Космонавтика в своем развитии вначале была глобальной проблемой в том смысле, что до выхода человека в космос, да в основном и сейчас, эта интегративная область науки, техники и производства имела и имеет глобально-земную биосферную и деятельностную основу. В этом же смысле космизация (как процесс воздействия космических факторов на земные процессы и системы), развертывающаяся параллельно с глобализацией (но гораздо раньше), существенно способствовала этому последнему глобальному процессу.

Представляется, что уже можно выделить особый раздел в составе (структуре) общей глобалистики, а именно – специальную область, или направление, космическую глобалистику, или (более кратко) космоглобалистику. Причем некоторые статьи в журнале «Век глобализации» уже были напечатаны в русле этого направления, хотя и без констатации факта принадлежности к нему [Казютинский 2009; Авилов, Авилова 2011]. Когда было выделено это направление глобалистики, предполагалось, что оно прежде всего будет заниматься изучением общих закономерностей и тенденций в процессах глобально-космического масштаба, места и роли освоения космоса в системе других глобальных проблем (и процессов),

возможностей и перспектив участия космонавтики в их решении. Космоглобалистика представлялась в качестве особой, делающей первые шаги формирующейся области глобалистики, изучающей влияние космических факторов на развитие глобальных процессов, проблему развития космонавтики на планете и перерастание данных процессов в космические. Короче говоря, речь шла о трансформации глобальной деятельности в космическую (и их взаимосвязи), а глобального развития – в космическую эволюцию.

Однако этот деятельностный подход, как сейчас представляется, может и должен быть дополнен включением в предметную область космоглобалистики глобальных и космических природных процессов в их взаимодействии, что придаст необходимую эволюционную целостность этому направлению глобалистики и вместе с тем наукам о космосе. Включение в космоглобалистику природных глобально-космических процессов в их отношении к человеку и человечеству – это определенная концептуально-теоретическая инновация, обусловленная новым пониманием глобальных исследований и появлением эволюционной глобалистики. Вполне понятно, что и ранее ряд этих процессов изучался в науках о космосе и Земле, однако глобалистика выделяет свой ракурс исследования, который в принципе имеет наиболее широкий социоприродный характер, поскольку важно знать, как эти процессы влияют на человечество и как оно воздействует на глобально-космические процессы, о чем дальше еще будет идти речь.

3. Глобальные катастрофы и геокосмическая безопасность

Современный мир наполняется новым опасным содержанием, причем речь идет об угрозах и опасностях мирового масштаба, которые вызваны принятым во всем мире способом хозяйствования и неконтролируемой ориентацией на экономический и научно-технический рост, производство новых искусственных потребностей. Умножение вызовов, угроз и опасностей в ходе развертывания глобальных процессов означает, что обеспечение национальной, глобальной и иных форм и видов безопасности оказывается одной из главных общечеловеческих целей, ценностей и проблем XXI в., обеспечивающих сохранение и дальнейшее развитие цивилизации.

Одной из причин достаточно бурного развития глобалистики является то, что глобальные феномены современности показали огромную зависимость судьбы нашей цивилизации от дальнейшего развертывания глобальных процессов. Именно осознание опасностей со стороны глобальных проблем, особенно после первых докладов Римского клуба, как отмечает А. Н. Чумаков [2008: 8], вызвали к жизни употребление термина «глобалистика». Проблема безопасности явно недооценена в науке и требует гораздо большего внимания, чем это имеет место сейчас. Это же замечание можно отнести и к развитию глобалистики, так как проблемы безопасности в глобальном ракурсе практически мало исследованы.

Еще К. Э. Циолковский считал, что и на Земле, и в космосе существуют угрозы и опасности или, как он писал, «мировые враждебные силы, которые могут погубить человечество, если оно не примет против них соответствующих мер спасения. Знание всех угрожающих сил космоса поможет развитию людей, то есть грозящая гибель заставит их быть настороже, заставит напрячь все свои ум-

ственные и технические средства, чтобы победить природу» [Циолковский]. Этот тезис, очень характерный для творчества К. Э. Циолковского, позволяет сделать некоторые важные выводы. Прежде всего (что подтверждают и многочисленные его труды) ученый понимал, что проблема безопасности (как она сейчас называется) неразрывно связана с развитием человека и общества, всего человечества в целом; для того, чтобы цивилизация могла эффективно развиваться, необходимо обеспечить безопасность этого развития (и наоборот). Ученый выявляет эти возможные враждебные силы, грозящие человечеству либо стагнацией, либо даже гибелью: мощные вулканические процессы, потопа, тектонические катастрофы, кометно-астероидная опасность, возможное охлаждение Солнца и т. д. Впрочем, и современная наука признает (с определенной коррекцией) все эти угрозы и опасность возможных космических и глобальных катастроф, добавляя и новые, более конкретные.

Боле того, К. Э. Циолковский считал, что земное тяготение сильно мешает прогрессу человечества, поэтому выход в свободное от гравитации пространство существенно ускорит этот процесс. Анализируя труды ученого, можно прийти к выводу: именно осознание проблемы обеспечения безопасности сыграло важную роль в том, что он стал основоположником теоретической космонавтики. Задумавшись о безопасности дальнейшего прогресса человечества, он изобрел средство, которое способно обеспечить эту безопасность в аспекте выхода в «свободное пространство» (так ученый именовал космос).

В качестве универсального и не существовавшего в его время способа парирования (предотвращения) этих угроз К. Э. Циолковский предложил создание ракетно-космических средств, благодаря которым человечество сможет освоить не только околосолнечное пространство, но и область иных звезд, «свежую энергию» которых оно может использовать для своего развития. Возможность спасения человечества с помощью космонавтики (или, как писал ученый, звездоплавания) от губительных катастроф на планете на пути освоения внеземных пространств вселяет надежду на предотвращение гибели цивилизации, колыбелью которой стала Земля.

Вторую часть знаменитого труда ученого «Исследование мировых пространств реактивными приборами» (1911 г.) венчает мысль: «Нет конца жизни, конца разуму и совершенствованию человечества. Прогресс его вечен. А если это так, то невозможно сомневаться и в достижении бессмертия» [Циолковский 1954: 139].

Итак, идея К. Э. Циолковского об устойчивом развитии в космосе (в современной интерпретации) стала одним из первых (если не первым) выражений идеи выживания и непрерывного развития человечества, хотя космический вариант этой идеи не может быть пока реализован: необходимо обеспечить выживание человечества на планете. Во всяком случае, в ближайшие десятилетия (а может, и столетия) космонавтике придется «работать» на выживание цивилизации на Земле, постепенно формируя новую социоприродную систему «Человечество – Земля – Вселенная». В сложившейся планетарно-космической ситуации глобальные процессы оказываются более важными для понимания сути происходящих событий с точки зрения грядущего перехода цивилизации к устойчивому развитию.

А если учесть возможность астероидно-кометной опасности, то космические средства могут оказаться единственным и уникальным механизмом предотвращения возможной вселенской катастрофы. Это реальность современного бытия цивилизации, судьба которой зависит не только от планетарно-земных факторов, но и в неменьшей степени от космических. Эта зависимость от космоса стала осознаваться именно в последние годы, особенно после столкновения кометы Шумейкеров – Леви-9 с Юпитером, близкой к Земле траектории полета кометы Галлея, прохождения крупного астероида между Луной и Землей, приближения большого (около километра в поперечнике) астероида Апофиса и т. д. Проблема кометно-астероидной опасности признана приоритетной и требующей создания объединенной в масштабе всей планеты защитной системы, что в принципе вполне осуществимо уже в ближайшие годы, а тем более десятилетия. Земля может подвергнуться бомбардировке кометами, метеорами, астероидами – такого рода катастрофы неоднократно происходили в эволюции биосферы.

В последнее время средства массовой информации и ученые уделяют особое внимание упомянутому крупному астероиду Апофису, представляющему для человечества не только потенциальную, но уже и вполне реальную угрозу, поскольку его столкновение с Землей может повлечь за собой катастрофу регионального, континентального либо даже глобального масштаба. Столкновение Апофиса с Землей может вызвать серьезные климатические изменения на всей территории планеты. Если астероид упадет в океан и вызовет колоссальное цунами, то катастрофа может стать глобальной – произойдет выброс миллиардов тонн водяного пара в атмосферу. При падении астероида на сушу в воздух поднимется пыль, которая значительно затруднит доступ солнечных лучей к поверхности планеты, вызвав эффект наподобие «ядерной зимы». Реальность угрозы столкновения Апофиса с Землей в 2035–2036 гг. достаточно велика, и сейчас специалисты ищут способы, как избежать возможной катастрофы, оценивают, каким образом человечество сможет противостоять астероидно-кометной угрозе из космоса.

Неоднозначность будущей эволюции мироздания касается и судеб человеческого рода. Ранее казалось очевидным, что человек погибнет вместе с биосферой. Освоение космоса породило идею массового исхода человечества за пределы планеты, где ему не будут страшны земные и многие более масштабные космические катастрофы. В самом же человечестве не видели причин гибели, полагая, что они скрываются во внешних факторах и обстоятельствах. Сейчас ситуация изменилась. Человечество накопило ядерный потенциал, способный многократно уничтожить цивилизацию и жизнь на Земле, отбросить ее эволюцию на миллиарды лет назад. Но, как оказалось, вероятность самоубийства человечества не исчезнет даже в случае полного уничтожения ядерного и иного смертоносного оружия, исключения войн, нормализации международных отношений. Другая, не менее веская причина возможной гибели лежит в нерациональном – экофобном – развитии хозяйственной деятельности в модели неустойчивого развития.

Особое внимание уделяется прогнозу относительно того, как изменение климата в результате повышения температуры скажется на планете. Некоторые ученые составили весьма неутешительный прогноз, считая, что глобальное потепление приведет к тому, что через несколько столетий человечество не сможет жить на нашей планете. Уже через три столетия около 40 % суши может оказаться под водой, а на оставшейся части суши Земли человечество израсходует имеющиеся

ресурсы, и планета станет непригодной для жизни. Впрочем, есть иные точки зрения, например: нашу планету ожидает очередной ледниковый период, остановка течения Гольфстрима, похолодание в Западной Европе и т. п.

В последнее время начало развиваться исследовательское направление, которое занимается анализом разного рода глобальных катастроф и возможных опасностей, угрожающих гибелью человечеству (Н. Бостром, А. В. Турчин, Э. Юджовский и др.). Рассматриваются глобальные катастрофы космического, планетарного и антропогенного характера, оценивается их влияние на будущее существование человечества на планете Земля [Турчин, Батин].

Под глобальными катастрофами природного или антропогенного происхождения (а также их сочетаниями) имеются в виду окончательные катастрофы, ведущие к гибели цивилизации. Считается, что подобные катаклизмы еще не имели места в истории Земли, но могут произойти в будущем. К ним относятся, в частности, такие предполагаемые природные глобальные катастрофы, как близкий к Земле гамма-всплеск, сверхвспышка на Солнце, падение огромного астероида, извержение супервулкана, разрушение озонового слоя планеты и т. п. Это и возможные антропогенные глобальные катастрофы, такие как биокатастрофа, вызванная неудачным генетическим конструированием (либо биотерроризмом), термоядерная катастрофа, непрогнозируемый физический эксперимент при использовании больших энергий и т. д.

Согласно данным современной науки, ожидается, что эволюционные процессы Солнца еще пять-шесть миллиардов лет не будут ощутимо влиять на температурный режим Земли. Значит, этот фактор не оказывается той главной причиной, которая угрожает гибелью человечеству (по крайней мере, в ближайшие тысячелетия). Вместе с тем этот и ряд других обстоятельств нельзя полностью игнорировать, ибо космос представляет собой не только пространство, куда устремляется человек, но и условия его обитания, от которых зависит судьба человеческого рода.

Все это подтверждает опасения К. Э. Циолковского в отношении возможности глобальной (теллурической, по его терминологии) катастрофы. Вот почему все более широкое освоение космоса связывают и с обеспечением так называемой геокосмической безопасности, которую можно представить как состояние защищенности планеты Земля (особенно биосферы), человечества от угроз естественных космических воздействий (астероидов, комет и т. д.) и антропогенной деятельности в космосе. Несмотря на возможность воздействия на нас внеземных цивилизаций, все же реальная и сравнимая с экологической опасностью угроза исходит прежде всего от малых небесных тел – комет и астероидов. Таким образом, космос открывает новые возможности развития и вместе с тем создает не только глобальные, но и космические угрозы существованию человечества.

И все же освоение космоса как глобальная проблема обладает, конечно, своеобразным положением в глобалистике. В своем проблемном выражении оно как будто бы удовлетворяет признакам глобальности, поскольку потребность в освоении космоса объективно характерна для всех стран и народов мира, для всего человечества в целом. Основоположник теоретической космонавтики К. Э. Циолковский иначе целевое назначение космической деятельности и не

мыслил. Он никогда не исходил из узконациональных интересов и считал, что только на пути увеличения объема жизненного пространства и расселения людей в космосе все земное человечество приобретет новые энергетические, пространственные, сырьевые источники расширения материального производства. С этой точки зрения очевидно, что доступный для человеческой практики космос должен быть (и по сути является) достоянием всего человечества, это в определенной мере уже закреплено в Договоре о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (1967 г.), и других договорах и нормах международного космического права.

Нужно отметить, что эта отрасль международного права распространяется на космос и космическую деятельность, но в то же время имеет не просто международный, но и глобальный характер, являясь как бы прообразом и маяком дальнейшего формирования глобального права, которое, на мой взгляд, будет основано на концепции устойчивого развития как будущей форме развития цивилизации (формирование международного космического права во многом предвосхитило ряд принципов, позже вошедших в концепцию стратегии устойчивого развития) [Урсул 2010б]. Международное космическое право даже в его современном несовершенном виде представляет собой «опережающее право», которое, как считает Г. П. Жуков, «призвано предвосхищать поведение отдельных государств в сфере космической деятельности на многие десятилетия и даже столетия вперед» [Жуков 2011: 397]. Также важно отметить, что хотя международное космическое право «устремлено» в космос, оно не ограничивается только сферой космического пространства. Как опять-таки отмечает упомянутый ученый-юрист, оно может распространяться и на Землю, если деятельность связана либо с запуском космического объекта в космос и его эксплуатацией, либо с возвращением этого объекта на Землю. Тем самым международное космическое право в действительности представляет собой юридическую реализацию концепции космоглобализма и космоглобалистики, причем последняя кроме правовой имеет и другие репрезентации и направления развития. Упомянутая отрасль права выступает как юридическая экспликация космоэкологических и космоглобалистических идей и принципов, распространяя их на земное и космическое пространство.

4. Возможные пути космического расширения глобалистики

Чисто деятельностный подход к космоглобалистике, как уже отмечалось, уже оказывается узким, хотя он только начал разрабатываться. Поэтому такое расширенное понимание космоглобалистики, существенно дополняя «космодеятельностное» его начальное представление, влияет на связь и соотношение глобалистики и космоглобалистики. Ведь в этом варианте предметное поле космоглобалистики оказывается даже шире глобалистики, поскольку охватывает и земное, и космическое пространство. Впрочем, деятельностная составляющая все же превалирует на планете, но все предметное содержание глобалистики погружается в новую, более широкую среду. Однако вряд ли такое чисто формальное видение будет воспринято как более общее, поскольку все-таки глобалистика будет в большей степени «привязана» к планете, а космоглобалистика – к взаимосвязи Земли и космоса, причем как в деятельностном, так и в природном аспектах. Что касается более широкого видения взаимосвязи глобальных и космических про-

цессов, то они отображаются в универсальном (глобальном) эволюционизме, в котором понятие «глобальный» обретает уже всеобъемлюще-вселенский смысл.

Уже сейчас можно предвидеть дальнейшие возможные пути расширения космоглобалистики, установление ее связей с другими научными направлениями, о которых далее кратко пойдет речь. С конца прошлого века после открытия множества космических объектов вокруг иных звезд, именуемых теперь экзопланетами, или внесолнечными планетами, пришло понимание того, что планеты существуют в Галактике в весьма значительном количестве. Если совсем недавно считалось, что уже обнаружено более пятисот таких планет, то теперь их число перевалило за тысячу. Подавляющая часть их была обнаружена с помощью космического телескопа «Кеплер», выведенного в космос НАСА в 2009 г.

Выяснилось также, что характеристики большого числа экзопланет аналогичны свойствам земной и юпитеровой групп планет Солнечной системы. Составлен список планет, на которых с наибольшей вероятностью может быть жизнь, причем приоритетные позиции занимают спутник Сатурна Титан и экзопланета, которая находится на расстоянии более 20 световых лет от Земли в созвездии Весы. Планеты, которые теоретически могут находиться в «зоне жизни», в существенной степени оценивались с позиций сходства этих небесных тел с Землей. В состав характеристик, по которым различные космические объекты сравнивались с нашей планетой, входят их размер, удаленность от своей звезды, характер поверхности, наличие магнитного поля, масса планеты и др. Для экзопланетных исследований важно выявить потенциальных кандидатов на возможное переселение человечества с Земли, если такая необходимость появится в будущем, как об этом мечтал К. Э. Циолковский.

Такую цель, конечно, не ставит современная планетология, представляющая комплекс наук, изучающих планеты, их спутники, а также нашу звездную систему в целом, внесолнечные планеты и другие планетные системы во Вселенной. Но не исключено, что в этом направлении, используя данные планетологии, будет развиваться и космоглобалистика как «экзопланетная глобалистика», во всяком случае, если глобальные (экзопланетарные) процессы окажутся в предметном поле глобальных исследований.

Однако в перспективе речь пойдет не только о поисках жизни на экзопланетах и о возможностях переселения на другие подходящие небесные тела с целью продления существования человечества. Возможно, что одним из направлений космоглобалистики окажется проблема поиска внеземных цивилизаций (ВЦ) и связи с ними, но уже в ракурсе «глобальной методологии» исследования этих проблем.

Исследуя проблему ВЦ, мы вступаем уже на территорию зарождающейся науки эпохи ноосферы: здесь не только не меньше гипотез, чем в космологии, а гораздо больше. Ведь космология имеет дело с уже существующим объектом исследования – Вселенной, многие фрагменты которой еще пока мало изучены. А астрономия и делающая первые шаги астросоциология в поиске внеземного разума пока своего объекта не обнаружили и вынуждены довольствоваться своего рода «глобальной методологией»: строить рассуждения по «земной аналогии», ориентируясь на человечество, которое, казалось бы, вовсе не является искомым внеземным объектом научного интереса.

Выявление общих закономерностей космического развития человечества, на мой взгляд, не должно отрываться от попыток исследования закономерностей и тенденций развития предполагаемых наукой иных цивилизаций космоса, а следовательно, в такой постановке вопроса – от изучения общих закономерностей развития социальной ступени на Земле и в космосе, как нашей, земной цивилизации, так и иных пока гипотетических представителей разумной жизни во Вселенной. Тем самым ставится вопрос о том, каким образом закономерности развития цивилизационных процессов во Вселенной находятся в связи с принципами и общими закономерностями глобальной эволюции материи.

Проблема ВЦ «вписывается» в концепцию антропогеокосмизма (социогео-космизма), в которой обосновывается идея приоритетной роли развития космонавтики для решения земных, общепланетарных проблем человечества и формирования единой суперсистемы «Человечество – Земля – Вселенная», ставшей методологической основой космоглобалистики. Одной из наиболее важных задач поиска внеземных цивилизаций является содействие развитию тех наук и земных проблем человечества (прежде всего глобальных), которые требуют подхода к нашей цивилизации как к системно-целостному прогрессивно развивающемуся объекту.

Думается, что такая постановка вопроса, не делающая акцента на проблеме ВЦ, а объединяющая в единое целое и космозирующееся человечество, и гипотетические для современной науки иные цивилизационные процессы, является методологической позицией, позволяющей органически соединить исследовательские программы в области философских проблем космонавтики и методологических проблем ВЦ, актуализировать в результате этого «инвариантного синтеза» постановку проблемы космической сущности социальной ступени эволюции.

При таком подходе «глобально-земной аспект» проблемы ВЦ, как и попытки распространения на них некоторых общих характеристик и закономерностей развития нашей земной цивилизации, получают свое оправдание не столько по отношению к еще не обнаруженным ВЦ, сколько к реально существующей человеческой цивилизации, постепенно раскрывающей свои космические потенции и становящейся новым фактором глобальной эволюции в космосе. Тем самым намечается методологический синтез, позволяющий на основе достижений современной науки, и прежде всего ее астрономических и астронавтических комплексов и дисциплин, раскрыть, как закономерности глобальной эволюции ведут к появлению ее высшей (пока) – социальной – ступени и как эволюция этой последней влияет на общие тенденции и характеристики развития материи во Вселенной и даже на эволюцию Вселенной как единого целого [Голдсмит, Оуэн 1983; Панов 1981; Проблема... 1986; Гиндилис 2004].

Интересно, что неявно парадигма научного поиска ВЦ имеет принципиально информационно-культурологический характер; мы с В. В. Рубцовым уже обращали на это внимание [Рубцов, Урсул 1987: 59–72]. В самом деле, акцент с самого начала этих исследований делается на информационных проблемах, прежде всего информационной связи с ВЦ (эта проблема получила аббревиатуру СЕТИ, от англ. – связь с внеземным разумом). Однако в дальнейшем, примерно с конца 70-х гг., появился новый термин – SETI (поиск внеземного разума). Замена термина «связь» на «поиск» вполне оправдана – ведь вначале ВЦ необходимо обнаружить [Гиндилис 2004; 2007; Панов 2008]. Как видим, это тоже культурно-

информационный аспект, но коммуникативный акцент здесь выходит на первый план по отношению к когнитивному.

Поиск ВЦ исходит из представления о том, что мы можем обнаружить во Вселенной некоторые артефакты, то есть созданные деятельностью иных разумных существ сверхприродные, неестественные образования как культурные феномены, имеющие внеземное происхождение. И в сигналах, идущих из космоса, астрономы также пытаются обнаружить «мир смыслов» и знаков, которые можно трактовать как послания внеземной культуры, если удастся их отличить от естественных излучений и шумов космоса. И хотя говорят о поиске ВЦ и связи с ними, на самом деле имплицитно подразумевается обнаружение иных культур внеземного происхождения, получение информации о них и ее передача как от ВЦ человечеству, так и от него иным проявлениям социальной ступени эволюции во Вселенной.

Возможное дальнейшее расширение космоглобалистики, панорама развертывания которой была схематично очерчена в статье, показывает, что у нового направления глобальных исследований может быть большое будущее. Если этот сценарий и не реализуется в полной мере, тем не менее интегративно-концептуальный потенциал предлагаемого космического расширения глобалистики сыграет свою роль в развитии междисциплинарных связей и исследований в науке в целом.

Литература

Абылгазиев И. И., Габдуллин Р. Р., Ильин И. В., Иванов А. В., Яшков И. А. Глобальные социоприродные процессы и системы: уч. пособ. М. : МГУ, 2011.

Авилов В. И., Авилова С. Д. Российская космология в решении глобальных проблем // Век глобализации. 2011. № 2. С. 163–173.

Габдуллин Р. Р., Ильин И. В., Иванов А. В. Введение в палеоглобалистику: уч. пособ. М. : МГУ, 2011.

Гиндилис Л. М. SETI: поиск внеземного разума. М. : Физматлит, 2004.

Гиндилис Л. М. Поиски внеземных цивилизаций: астрономия и не только... // Астрономия: век XXI / ред.-сост. В. Г. Сурдин. Фрязино : Век 2, 2007.

Голдсмит Д., Оуэн Т. Поиски жизни во Вселенной. М. : Наука, 1983.

Жуков Г. П. Международное космическое право и вызовы XXI столетия // Космонавтика XXI века. Попытка прогноза развития до 2101 года / под ред. Б. Е. Чертока. М. : РТСофт, 2011.

Ильин И. В., Урсул А. Д. Эволюционная глобалистика (концепция развития глобальных процессов). М. : МГУ, 2009.

Казютинский В. В. К. Э. Циолковский и глобалистика // Век глобализации. 2009. № 1. С. 163–171.

Костин А. И. Формирование глобалистики // Глобалистика. Энциклопедия / под ред. И. И. Мазура, А. Н. Чумакова. М. : Радуга, 2003.

Костин А. И. Экополитология и глобалистика. М. : Аспект Пресс, 2005.

Панов А. Д. Универсальная эволюция и проблема поиска внеземного разума (SETI). М. : ЛИБРОКОМ, 2008.

Панов А. Д. Проблема поиска внеземных цивилизаций. М. : Наука, 1981.

Проблема поиска жизни во Вселенной. Труды Таллиннского симпозиума. М. : Наука, 1986.

Рубцов В. В., Урсул А. Д. Проблема внеземных цивилизаций. 2-е изд., доп. Кишинев : Картя молдовеняскэ, 1987. С. 59–72.

Турчин А., Батин М. Футурология. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа [Электронный ресурс]. URL: <http://bit.ly/dn2kNV>

Урсул А. Д. Человечество. Земля. Вселенная. Философские проблемы космонавтики. М. : Мысль, 1977.

Урсул А. Д. Становление космоглобалистики // Философия и культура. 2010а. № 11. С. 60–70.

Урсул А. Д. Становление права устойчивого развития в условиях глобализации: методологические аспекты // Право и политика. 2010б. № 5. С. 995–1004.

Урсул А. Д. Космическая глобалистика в ракурсе информационной гипотезы освоения мира // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания / под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина. Вып. 5. М. : МАКС Пресс, 2011а.

Урсул А. Д. На пути к космоглобалистике // Глобальные процессы и устойчивое развитие / отв. ред. А. Д. Урсул. М. : РГТЭУ, 2011б.

Урсул А. Д., Дронов А. И. Глобальные проблемы освоения космоса (к формированию космической глобалистики) // Глобальные проблемы социального развития (философско-методологические аспекты) / отв. ред. А. Д. Урсул. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1988.

Урсул А. Д., Дронов А. И. Формирование космоглобалистики и проблема экоразвития // Освоение космоса и проблемы экологии, Социально-философские очерки / отв. ред. А. Д. Урсул. Кишинев : Картя молдовеняскэ, 1990.

Циолковский К. Э. Земные катастрофы (мировые катастрофы) // Архив РАН. Ф. 555. Оп. 1. Л. 51.

Циолковский К. Э. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1954.

Чернин А. Д. Открытие темной энергии в ближней Вселенной // *Астрономия: век XXI*. Фрязино: Век 2, 2007. С. 431–434.

Чумаков А. Н. О предмете и границах глобалистики // *Век глобализации*. 2008. № 1. С. 7–16.

ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ КАК ПОВОД ДЛЯ ДИСКУССИИ

Чумаков А. Н.

д. ф. н., профессор, заведующий кафедрой философии Финансового университета при Правительстве РФ, первый вице-президент РФО.

E-mail: chumakov@iph.ras.ru

Статья продолжает дискуссию, развернувшуюся на страницах журнала «Век глобализации» по проблемам глобального управления. Автор в полемической форме отстаивает актуальность данной проблемы и развивает свои подходы к ее решению, высказанные в предыдущей публикации.

Ключевые слова: *глобальный мир, глобализация, управление, регулирование, глобальное управление, мировое сообщество, целостность, государство, право, мораль.*

The article continues the discussion started on the pages of the journal “Age of Globalization” concerning the problems of global government. The author in a polemic way argues the urgency of the problem and develops his own view to its solution that have been presented in the previous article.

Keywords: *global world, globalization, government, regulation, global government, world community, entity, state, law, morals.*

Идея управления общественными процессами на мировом уровне в принципе не нова. Она имеет свою историю, к тому же вполне значительную. При этом важно подчеркнуть, что расхожие разговоры о «глобальном правительстве», «едином центре», принимающем решения в отношении всего человечества, и т. п., к чему обычно сводятся рассуждения на эту тему, лежат в стороне от сути проблемы, которая заключается в необходимости создания полноценной системы управления глобальным миром, способной обеспечить принятие и исполнение управленческих решений на этом уровне посредством формирования и эффективной работы соответствующих структур и механизмов. Однако, несмотря на все возрастающую необходимость решения такой задачи, сегодня она не только не решается, но даже теоретические разработки в этой области значительно отстают от требований времени. Причин тому несколько, но сначала немного истории.

Первые рассуждения о необходимости взять под контроль общественное развитие, высказывавшиеся еще в XVII в. теологом Хуго Гротусом, министром Генриха IV Сюлли, аббатом Сен-Пьером, философом Э. Кантом и др., ставили данную проблему в принципе и говорили преимущественно об установлении «вечного мира», в частности посредством формирования международного права. В дальнейшем идея управляемости мировым сообществом не раз становилась предметом серьезных дискуссий, которые особенно накалялись, когда человечество переживало потрясения, а то и вовсе трагические времена своей истории. Итогом такого развития событий и их осмысления стало появление в свое время

Век глобализации 2/2012 32–42

Лиги Наций, ООН, Пагуошского движения, РИО-92 и других аналогичных им организаций и структур.

Что касается теоретических дискуссий, то они лишь усиливались по мере нарастания процессов глобализации, примером чего может быть, например, полемика Б. Рассела со своими оппонентами, когда он, озабоченный стихийным развитием мирового сообщества, отмечал: «Раньше я занимался различными социологическими проблемами... но испытания на Бикини 1 марта 1954 г. убедили меня в том, что сейчас нет времени для долгих рассуждений и что для спасения человечества необходимо действовать более решительно и быстро... Ведь если вы увидите, как кто-то бросает горящие спички на складе тротила, вы поспешите остановить его, не дожидаясь выхода в свет планов по широкомасштабной социальной реформе» [Уильям...].

Такая мировоззренческая позиция была близка А. Эйнштейну, который полагал, что в ядерный век «человечество больше всего нуждается в скамеечке, чтобы сесть и подумать» [Дума...], а потому поддержал предложение Рассела подписать воззвание к мировому научному сообществу выступить за предотвращение ядерной войны и сохранение мира на Земле. При этом он был убежден, что «мировое правительство с полномочиями, достаточными для обеспечения безопасности, не является призрачным идеалом далекого будущего». «Это насущная необходимость, – говорил он, – если наша цивилизация хочет выжить» [Security...].

С тех пор прошло немало лет, но и до сегодняшнего дня тема глобального управления остается хотя и часто упоминаемой, но мало разработанной. Мне представляется, что два принципиальных (все еще не осознанных) препятствия, два основных заблуждения стоят на пути творческого обсуждения и конструктивного решения данной проблемы.

Во-первых, как только речь заходит об управленческих решениях в планетарном масштабе, дело обычно сводится к рассуждениям о «мировом правительстве» как некоем едином центре, якобы способном навязывать волю избранного меньшинства большинству в ущерб его национальным, экономическим, политическим и т. п. интересам, что порождает по большей части необоснованные домыслы, страхи, фобии, протесты. При этом без внимания остается тот очевидный факт, что любое правительство всегда и непременно является лишь составной частью гораздо более сложного механизма управления той или иной общественной системой и само по себе вне такого механизма никакого социального управления обеспечить не может. По этой причине любые разговоры о правительстве вообще и «мировом правительстве» в частности оказываются беспочвенными и пустыми, если они вырываются из контекста рассуждений о создании полноценной системы управления с ее многообразными элементами, соответствующими структурами, наконец, правилами и принципами их функционирования. К общественному управлению, если говорить о нем с точки зрения глобальных масштабов, то есть применительно к человечеству в целом, это относится в полной мере.

Во-вторых, как ни странно, в теоретических дискуссиях до сих пор еще не придается значения принципиальному различию между *регулированием* и *управлением*, когда дело касается общественных систем и процессов, без чего поставленная выше проблема попросту не имеет решения. Однако в реальности мы сплошь и рядом сталкиваемся с таким положением дел, когда то, что по существу является общественным регулированием, именуется управлением. При этом

в других сферах такого смешения, во всяком случае явного, не наблюдается. Регулирование и управление, например, относительно технических систем или естественных процессов осознаются, различаются и учитываются, как правило, без особых затруднений. Так, никто не станет спорить с тем, что естественный сток воды в реке можно регулировать, но им нельзя управлять. То есть можно уменьшать или увеличивать этот сток, построив, допустим, дамбу или отводной канал. Можно даже изменить направление русла, но нельзя управлять естественным стоком воды произвольно. Иначе говоря, нельзя заставить реку течь вспять, даже если очень хочется, поскольку вода может течь только с большей высоты в сторону меньшей и никак иначе. Нельзя также управлять атмосферными осадками или потоками воздуха, ростом растений или высотой волн в океане...

Иначе говоря, при регулировании той или иной системы мы имеем дело лишь с одним или несколькими ее параметрами, которые в определенных пределах можем изменять по своему усмотрению, тогда как остальные параметры остаются вне поля зрения и могут в принципе игнорироваться. Управление же предполагает системный подход, когда даже те элементы системы или параметры ее функционирования, которые непосредственно не задействованы или в какой-то момент не принимаются во внимание, тем не менее не могут быть проигнорированы. Система здесь берется целостно, как единый механизм или организм, работа (деятельность) которого подчинена определенной логике. В основе ее всегда лежат целеполагание (достижение определенной цели) и обратная связь, постоянно коррелирующая способ достижения цели в зависимости от меняющихся обстоятельств. Без соответствующих принципов, подходов и механизмов, способных обеспечить принятие и исполнение управленческих решений, можно рассчитывать в лучшем случае на регулирование, но не на управление сложными системами. А поскольку в мировом масштабе еще никогда не было и сегодня нет адекватного глобальному миру механизма управления, то любые разговоры о «глобальном правительстве» или некоей закулисе, якобы «управляющей» мировыми делами, следует рассматривать как профессионально несостоятельные или идеологически ангажированные.

Вместе с тем, поскольку по мере усиления процессов глобализации современный мир все больше обнаруживает свою целостность в качестве единой геобиосоциосистемы, задача обеспечения управляемости мировым сообществом в качестве составляющей этой целостности будет только обостряться. Эта тема в последние десятилетия уже вышла на первый план научных и философских дискуссий, она также во множестве представлена различными публикациями как в отечественной, так и в зарубежной литературе, а актуальность ее сегодня практически никем не оспаривается [Глобалистика... 2012]. Не стал исключением и наш журнал, где этой теме посвящены специальные публикации, выявившие серьезные разногласия в подходах к ее анализу и освещению [Вебер 2009; Чумаков 2010; Дробот 2011].

Так, две первые статьи (А. Б. Вебера и А. Н. Чумакова) ставили задачей привлечь внимание к целостности современного мира, лишеного управления, и ответственности человека за ход исторического развития, а также стремились выявить суть проблемы и предложить возможные варианты ее решения. При этом в статье А. Б. Вебера рассматривалось положение дел в современном мире на фоне разразившегося в 2008 г. глобального финансово-экономического кризиса,

прослеживались пути становления глобального общества, анализировались различные модели мироустройства и описывались контуры новой мировой архитектуры. В заключительной части своей статьи, получившей подзаголовок «Кажущееся утопией может сбыться», А. Б. Вебер приходит к выводу, что «для оценки предлагаемых проектов и концепций глобального управления необходим соответствующий временной масштаб. То, что кажется невозможным сегодня, может осуществиться в будущем. Кто бы мог в середине XIX в. вообразить себе появление спустя сто лет Организации Объединенных Наций? Кто мог полвека назад представить себе, что из Европейского объединения угля и стали вырастет нынешний Европейский союз? Разница в том, что для решения осаждающих человечество проблем остается все меньше времени. Поэтому действовать надо сегодня – только так можно приблизиться к установлению приоритета человека в XXI в.» [Вебер 2009: 15].

Разделяя принципиальные оценки и выводы А. Б. Вебера относительно состояния дел в современном мире и придавая серьезное значение опасным тенденциям неуправляемого развития складывающейся мировой системы, я в своей статье «Глобальный мир: проблема управления» предпринял попытку выявить базисные возможности, основные принципы и необходимые условия управления мировым сообществом в условиях нарастающей глобализации [Чумаков 2010]. При этом отметил, что абсолютно необходимо «проводить различие между *регулированием* и *управлением*» общественными процессами (на что пока никто не обратил внимания), поскольку саморегулирующиеся процессы мирового развития лишь отчасти подвержены воздействию субъективного фактора, но полностью лишены управления. По этой причине «мировое сообщество, вступившее в эпоху глобальной взаимозависимости, должно осознать опасность неуправляемости современным миром и начать действовать согласованно и целенаправленно...» [Там же: 7].

Далее рассуждения были построены вокруг принципиального вопроса – *возможно ли глобальное управление в принципе, и если да, то как?* Полагая, что сегодня не только обнаруживается настоятельная необходимость такого управления, но и имеются уже определенные предпосылки для его формирования, я попытался проанализировать с этих позиций сложившуюся ситуацию в современном мире и обозначил некоторые, как мне представляется, возможные подходы к решению данной проблемы. Разумеется, ни о каких готовых решениях, однозначно и с необходимостью вытекающих из проведенного анализа, речи не было да и быть не могло, поскольку дело касается не только предельно сложных и пока еще мало исследованных вопросов, но и динамично развивающегося мира, где в калейдоскопе событий еще необходимо научиться выделять и учитывать главное, принципиальное, определяющее.

Отсюда любые критические замечания, творческие дискуссии и иные подходы к осмыслению означенной проблемы следует только приветствовать. С точки зрения развития научного знания и ведения философских дискуссий подобную позицию необходимо признать не только полезной, но и предельно важной, поскольку лишь в сопоставлении различных взглядов и мнений, в критическом восприятии даже, казалось бы, хорошо аргументированных идей и выводов только и могут выстраиваться наиболее оптимальные решения спорных вопросов. Особенно ценными в таких дискуссиях являются хорошее владение темой и знаком-

ство с опубликованной в данной области знания литературой, умение сосредоточиться на главном, высокопрофессиональная и конструктивная критика основных положений оппонента и пропонента, отсутствие в их высказываниях необоснованных заявлений и домыслов, наконец, выдвижение новых идей взамен критикуемых.

Хотелось бы думать, что именно с таких позиций и планировала подойти к делу Г. А. Дробот – автор третьей статьи по проблемам глобального управления, опубликованной в нашем журнале [Дробот 2011: 41]. Она предприняла попытку критического осмысления как предыдущей публикации, так и проблемы глобального управления в принципе. Однако уже с самого начала ею был взят курс не столько на полемику по поводу обсуждаемой проблемы, сколько на дискуссию с автором конкретной статьи¹, поскольку, по ее мнению, с позиции теории международных отношений «то крыло глобалистики, которое представляет Чумаков (глобалистов-оптимистов), вызывает много критических замечаний»².

В целом анализ взглядов того или иного автора без обращения к более широкому контексту (то есть к разговору о самой проблеме) – дело также полезное и вполне соответствующее канонам научных дискуссий, но лишь с тем замечанием, что здесь, как правило, в центре внимания оказывается не столько суть, содержание теоретических вопросов, сколько правильность или неправильность (праота – неправота) полемизирующих сторон.

Откровенно говоря, у меня нет ни времени, ни большого желания вести какие-то личные дискуссии с кем бы то ни было, выясняя мировоззренческие позиции, авторские предпочтения и т. п. Однако поскольку дело касается предельно актуальной, одной из ключевых проблем современного человечества, то отреагировать на критическую статью все-таки придется, оставляя без внимания вопрос о том, кто прав или не прав в своих подходах, оценках и выводах, но не отходя от главной темы – возможно ли глобальное управление в принципе, и если да, то как? К тому же критически оцениваемая статья опубликована в редактируемом мною журнале, где на первом плане всегда не занимаемые кем бы то ни было административные позиции, а содержательный разговор и обоснованная аргументация. В этой ситуации мне не хотелось бы быть невежливым по отношению к искренне уважаемому мною автору, тем более что в приватном разговоре я изначально приветствовал критический настрой предстоящей публикации и обещал в случае несогласия с критикой выступить с ответной публикацией.

Таким образом, как бы мне не хотелось, но отвечать надо. Почему «не хотелось» бы? Во-первых, и к сожалению, я не увидел в статье Галины Анатольевны серьезного погружения в поставленную А. Б. Вебером и мною проблему. Она, как мне представляется, «скользит» по ее поверхности, быть может, потому, что ведет разговор «с позиции теории международных отношений» и не касается сути того, что являет собою современная глобализация, человечество как целостность, не

¹ Как было показано выше, моя статья явилась продолжением и развитием разговора, начатого в нашем журнале А. Б. Вебером, публикация которого, как и имя этого автора, в статье Г. А. Дробот не были даже упомянуты.

² Я полагал, что статья, написанная Г. А. Дробот в остром полемическом стиле, практически игнорирующая проблему управления глобальным миром, вызовет отклики и поддержку или возражения. Но прошел год, а в редакцию никаких материалов в этой связи, к сожалению, так и не поступило. А поскольку я обещал Г. А. Дробот ответить на критику, то теперь должен сделать это сам.

затрагивает того, что есть управление и чем оно отличается от регулирования (тем более предельно сложными системами)... Возможно, с точки зрения предмета, где она специализируется, это вполне оправдано, поскольку у международных свои критерии и подходы, да к тому же здесь калейдоскоп событий часто, а порой и непредсказуемо меняется. Мне же в глобалистике больше по душе анализ проблем с позиции философии, когда преходящее, изменчивое, тактическое отступает на второй план по отношению к главному, существенному, стратегическому. И это вторая причина нежелания в данном конкретном случае вступать в содержательную полемику с оппонентом, который говорит, быть может, и правильные вещи, но уходит от главных, ключевых вопросов основной темы дискуссии.

Наконец, в-третьих, вести серьезную содержательную полемику с автором статьи не представляется возможным еще и потому, что даже по тем, пусть и актуальным, но по большей части косвенным для обсуждаемой темы вопросам, которые она затрагивает, ее личную авторскую позицию не так-то просто рассмотреть. Так, обращаясь к многочисленным зарубежным и отечественным авторитетам (причем в основном по вопросам международных отношений), она обильно цитирует и подробно излагает их точки зрения, выступая при этом вполне добросовестным интерпретатором чужих мнений, но (и это принципиально) не излагает собственных идей и взглядов, не предлагает своих решений или подходов, с которыми можно было бы полемизировать по содержанию. Важно подчеркнуть, что дело касается личных теоретических заключений автора (точнее, их отсутствия), а не идей авторитетных ученых, с каждым из которых можно было бы по дискутировать, прояви они интерес к обсуждению поставленной проблемы. Разумеется, речь не о том, чтобы реагировать только на первоисточники и мысли известных авторитетов, но вступать в полемику через посредников со множеством разноплановых ученых мне представляется малопродуктивным, тем более когда основной предмет дискуссии подменяется иным содержанием.

И все-таки ограничиться лишь только этим в оценке статьи Г. А. Дробот было бы не совсем правильно, так как в ней есть утверждения и отдельные высказывания, которые следует как минимум прокомментировать.

Так, утверждение о том, что Чумаков представляет некое крыло глобалистики, именуемое Г. А. Дробот «глобалисты-оптимисты», нуждается, по меньшей мере, в уточнении содержания данного понятия. Во всяком случае, мне неизвестны даже относительно серьезные источники в области глобалистики, где употреблялся бы данный термин, и тем более раскрывалось его содержание, не говоря уже об упоминании ученых, которые такому содержанию соответствовали бы. Разумеется, любой исследователь вправе не только брать за основу то или иное выделение каких-то направлений в науке (если оно уже кем-то предложено), но и сам свободен в своем творчестве на этом поприще. Однако в таком случае ему не обойтись без соответствующей аргументации и пояснений, которые можно принимать или не принимать, а при желании и вступать в содержательную дискуссию. Но как можно оспаривать или соглашаться с приведенным выше утверждением Г. А. Дробот, если она лишь одной фразой поставила «окончательный» диагноз позиции в глобалистике своего пропонента, не посчитав нужным ни аргументировать, ни хотя бы пояснить данное утверждение. И даже ссылки не сделала

на то, что же означает «глобалист-оптимист» и по каким таким критериям Чумакова следует зачислить в разряд сторонников именно такой позиции.

Вышеупомянутому высказыванию пришлось уделить столь пристальное внимание по той причине, что с него начинается статья Г. А. Дробот, дальнейшее содержание которой в силу неопределенности ее собственной позиции или по каким-то другим причинам вызывает массу вопросов, а то и просто недоумений. Оставляя в стороне детали, отмечу только то, мимо чего пройти ну никак нельзя. Так, она, в частности, пишет: «В теоретико-методологическом плане концепция А. Н. Чумакова строится на двух “китах”. **Первый “кит”** – понимание глобализации как потенциально бесконфликтного миросостояния» [Дробот 2011: 42]. **«Второй “кит”** методологии концепции Чумакова, – утверждает она, – роль морали и права в управлении общественными системами» [Там же: 45].

Никак не могу согласиться с подобными утверждениями, которые никоим образом не вытекают ни из написанной мною статьи, ни из других публикаций на эту тему. Прежде всего, о какой концепции говорит Г. А. Дробот? В моей статье не ставилась задача построить ту или иную концепцию. В ней речь идет о вполне конкретной, весьма актуальной проблеме и предпринимается попытка сформулировать некоторые подходы к ее осмыслению и принципиальному решению. При этом, конечно, в основе проведенного анализа и рассуждений лежат мои представления о глобальном мире, глобализации и порождаемых ею глобальных проблемах (что дает определенное представление о концептуальных взглядах автора), но в самой-то статье концепции, тем более такой, в которой можно было бы обнаружить «китов», на которых она покоится, попросту нет. Их можно «выловить» там разве что при большом желании подискутировать, не обращая внимание на «потерю тезиса», выражаясь языком формальной логики.

Ну а уж с содержательной стороной «китов» и вовсе конфуз какой-то! Кто хоть немного знаком с моими работами помимо данной статьи (хотя и в ней нет оснований для подобных утверждений), тот никак не согласится с заявлением, что «первым китом» концепции Чумакова является «понимание глобализации как потенциально бесконфликтного миросостояния». Это же как надо повернуть разговор, чтобы утверждать такое?! Так и хочется спросить: Вы в каких моих текстах, уважаемая Галина Анатольевна, нашли основание для такого утверждения? Если не найдете времени хотя бы бегло посмотреть мою монографию, где я на этот счет обстоятельно излагаю свою позицию и разве только прямо не заявляю, что «бесконфликтное миросостояние» возможно лишь на кладбище [Чумаков 2006], то посмотрите хотя бы те мои тексты, которые у Вас наверняка есть под рукой, например энциклопедию «Глобалистика», сборники трудов, издаваемые Факультетом глобальных процессов МГУ, или хотя бы журнал «Вопросы философии» [Он же 2009; 2012].

Ну а приводить Ваш аргумент в защиту данного утверждения даже как-то и неловко, настолько он, мягко говоря, не в тему, точнее, мимо цели... Неужели и в самом деле в том, что «...под влиянием процессов глобализации мировое общество практически по всем параметрам общественной жизни все больше становится единой целостной системой...» [Дробот 2011: 42], Вы усматриваете некие «логические противоречия»³, якобы дающие Вам основание сделать вывод

³ Чтобы можно было согласиться или не согласиться с таким утверждением, противоречия, если они действительно есть, следует не декларировать, а формулировать в явной логической форме, прямо указывая, какие конкретно законы логики нарушены и где именно.

совсем на другую тему – приписать мне «понимание глобализации как потенциально бесконфликтного миросостояния»?

Так что когда Вы, Галина Анатольевна, подробно изложив позицию очередного большого авторитета (в данном случае Валлерстайна), справедливо заключаете: «Как видим, прогноз развития глобализованного мира выдающегося ученого далеко не радужный. Скорее, наоборот. По его мнению, противоречия будут только нарастать» [Дробот 2011: 45], то не могу не задать Вам вопрос: как же Вы читали мою статью (не говоря уже о других моих публикациях), если таким образом противопоставляете «далеко не радужный» прогноз крупного ученого моему якобы «радужному оптимизму»? А писал я в статье, которую Вы критически разбираете (и трудно представить, что Вы этого не заметили), буквально следующее: «Вполне очевидно, что человечество подошло к тому рубежу, за которым лишь стихийно складывающееся регулирование общественных отношений продолжаться уже не может. Оно должно быть дополнено теперь сознательно и целенаправленно выстроенным управлением всей этой системой, ибо мир глобальных отношений без эффективного глобального управления *обречен на серьезные испытания...*

Мировое сообщество, вступившее в эпоху глобальной взаимозависимости, должно осознать опасность неуправляемости современным миром и начать действовать согласованно и целенаправленно. В противном случае, подобное положение дел *ничего хорошего для него не сулит*. Без эффективного управления *она будет только погружаться в пучину нарастающих конфликтов и противоречий*» [Чумаков 2010: 7].

Далее, вспоминая «Левиафана» Гоббса, я писал: «Но разве не так же обстоит дело и теперь? Не к той ли ситуации “войны всех против всех” как раз и пришло мировое сообщество с той лишь разницей, что *противоборство, но теперь уже в глобальном масштабе, практически без правил ведут не отдельные люди, как прежде, а суверенные национальные государства, вкупе с всевозможными международными структурами и организациями?*» [Там же: 7–8]. И это Вы называете тем «оптимизмом», которому противопоставляете «реализм» Валлерстайна? Помилуйте!

Стоит ли при этом удивляться выводу, к которому приходит Г. А. Дробот, когда на основе столь «тщательно» проведенного анализа моей статьи и «серьезного погружения» в суть «концепции» критикуемого автора пишет: «Таким образом, идея Чумакова о “единой целостной системе” современного миропорядка как минимум спорна. Мир полон противоречий, которые к тому же имеют тенденцию обостряться (вот спасибо за вразумление, а то бы я и дальше на этот счет заблуждался. – А. Ч.). Мы назвали только некоторые из них. А значит, **спорна и идея о реализации некоего наднационального механизма управления не только сейчас, но и в обозримом будущем** (выделено мною. – А. Ч.)» [Дробот 2011: 45].

Да, это очень серьезное заявление. И главное, сформулировано очень «убедительно», «доказательно», бескомпромиссно! Не понимаю только, почему Г. А. Дробот остановилась на «обозримом будущем»? Ведь на основе того, что на трех-четырёх страницах ее полемики «мимо цели» было сказано в обоснование столь далеко идущего вывода, можно было бы замахнуться и на куда большую перспективу – сказать, например, что **наднациональный механизм управления**

невозможен навеки и бесповоротно, а то и вовсе – в принципе, как невозможен, например, вечный двигатель. Тут бы все «глобалисты-оптимисты» и приумолкли пристыженно. А так они, горемычные, и далее будут терять время на поиски решения «псевдопроблемы» и рассуждать о необходимости построения «бесконфликтного будущего»...

Далее, где речь идет о неумещающемся количестве конфликтов, насилия и противоречий в современном мире, читаем: «И едва ли их сможет умерить предлагаемая Александром Николаевичем система глобального управления, потому что они носят объективный характер» [Дробот 2011: 43].

В этой связи следовало бы заметить, во-первых, что я не предлагаю «систему глобального управления», ибо у меня нет готовых рецептов решения столь сложной задачи, а лишь формулирую, как мне это видится, саму проблему, пытаюсь привлечь к ней внимание. При этом обсуждаю и высказываю возможные подходы к ее осмыслению и преодолению.

Во-вторых, индивидуальные противоречия, лежавшие некогда в основе «войны всех против всех», также носили (и теперь носят) объективный характер, но разве появление в свое время государства не диктовалось именно такой задачей – хотя бы как-то умерить их?! Так почему же теперь, когда в состоянии новой войны всех против всех все больше втягиваются субъекты современных глобальных отношений, мы не можем (проводя исторические параллели, но уже на более высоком, глобальном уровне) возлагать надежды на управление соответствующего масштаба? Конечно, то, что работает в локальном измерении, не обязательно будет эффективным и на более высоком уровне, но это один из возможных подходов к решению обсуждаемой проблемы, альтернатива которым – возврат к варварству, а то и дикости, если вообще не к самоистреблению.

Что касается того, как понимать цивилизацию, равно как и относительно «столкновения цивилизаций» (по С. Хантингтону), я уже давно и обстоятельно высказался не только в специально посвященной этому вопросу монографии [Чумаков 2006], но и во множестве печатных публикаций и устных выступлений, очередное из которых было пленарным докладом на Шестом Российском философском конгрессе (26–29 июня 2012 г., Нижний Новгород)⁴. В этой связи, если Г. А. Дробот хотя бы в общих чертах знакома с моей позицией, в соответствии с которой следует говорить не о цивилизациях, а о культурно-цивилизационных системах, то ее разговор о том, что «две разные цивилизации не могут понять друг друга и приспособиться друг к другу» [Дробот 2011: 43], теряет смысл, когда она пытается полемизировать со мной, не упоминая тех принципиальных разногласий, которые у нас имеются во взглядах на цивилизацию. По этой же причине никакого отношения к моей статье, ставящей и обсуждающей совсем другие вопросы, не имеет и другой ее пассаж, связанный с тем, что «цивилизационный фактор является одной из причин всплеска исламистского терроризма в современном мире...» [Там же]. Остается лишь допустить, что оппонент настолько увлеклась дискуссией ради дискуссии, что даже не заметила, говоря языком формальной логики, «подмену тезиса» и то, как перешла к теме, обсуждение которой предполагает как минимум знакомство с позицией проponenta по данно-

⁴ См. сайт VI Российского философского конгресса: <http://www.rfk2012.unn.ru>, а также «Вестник РФО». 2012. № 3(63).

му вопросу. По этой причине, а также поскольку я не вижу никакого смысла уходить от главной темы – *проблемы управления глобальным миром*, разговор о цивилизациях, к тому же полностью построенный Г. А. Дробот на мнениях Хантингтона, Валлерстайна, Мирского, Маркса и других «великих», следует признать если и заслуживающим внимания, то не для этого случая.

Поскольку мне, как и Галине Анатольевне, хотелось бы «закончить спор» так же на позитивной ноте, я воздержусь от дальнейших комментариев по поводу ее статьи, где она придерживается, мягко говоря, более чем спорных взглядов, притом, как правило, не своих, а позаимствованных у авторитетов. Нескольких примеров, думаю, будет достаточно, чтобы даже на основании сказанного мною в статье, которую «критически» разбирает Г. А. Дробот, понять мою позицию неприятия, в частности, такого рода пассажей:

«Нельзя применять нравственные нормы к мировой политике или нормы мировой политики к международной экономике», – говорит она в подражание Моргентау, критикуя позицию «морализма-легализма», то есть позицию «приверженности права и морали как регуляторов международных отношений», именуя это «либеральным идеализмом» [Дробот 2011: 45–46]. Не будем в свете сказанного беспокоить прах «посрамленного» Канта, да и Эйнштейна пожалеем, который не дождал до этих «великих открытий» и потому уже не «посыплет голову пеплом» за сказанное более полусотни лет тому назад, что «только глобальное право может обеспечить прогресс в направлении цивилизованного мирного сообщества» [Security...].

Когда же Г. А. Дробот пишет, что «роль исполнительной власти Чумаков прочит либо “Большой семерке”, либо “Большой двадцатке”», домысливая за меня, что будто бы «обозначенные выше структуры в обозримом будущем смогут стать глобальными центрами власти» [Там же: 47–48], то она либо вообще не поняла, о чем в моей статье шла речь применительно к исполнительной ветви власти и в каком контексте были упомянуты названные структуры, либо, когда писала это, мысленно отвлеклась на что-то свое, близкое и родное.

Наконец, ссылаясь «только на свой многолетний опыт работы на социологическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова и собственные конкретные социологические исследования», она с непоколебимой уверенностью заявляет, что «никакого общечеловеческого сознания не существует как сейчас, *так и не будет существовать в обозримой перспективе* (выделено мною. – А. Ч.)» [Там же: 48].

На этой завидной способности Г. А. Дробот предвидеть будущее можно и остановиться, тем более что в своих прогнозах она проявляет известную долю скромности, когда пишет в конце своей статьи, что «“заглядывать” далее чем на 30 лет вперед вряд ли разумно» [Там же: 51]. При этом она подчеркивает, что «великий социолог современности И. Валлерстайн делает некоторые свои прогнозы почти на 100 лет вперед. Но потому он и великий» [Там же], заключает она, окончательно расставляя все точки над *i*.

Литература

Вебер А. Б. Современный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. 2009. № 1(3). С. 3–15.

Глобалистика. Персоналии, организации, издания: энциклопедический справочник / гл. ред., сост. И. В. Ильин, И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.: Альфа-М, 2012.

Дробот Г. А. Проблема глобального управления в контексте теории международных отношений // Век глобализации. 2011. № 2(8). С. 41–52

Дума – дьявол. «Заповедник» Дмитрия Урбановича [сайт]. URL: <http://www.zapovednik.ru/glade/?section=2838895> (дата обращения: 01.10.2012).

Уильям Рассел. ФБР (Философская база Радуга) [сайт]. URL: <http://filosbank.narod.ru/Fails/Filosofi/Htm/Rassel.htm> (дата обращения: 01.10.2012).

Чумаков А. Н. Метафизика глобализации: культурно-цивилизационный контекст. М.: КАНОН+, 2006.

Чумаков А. Н. Глобализация и космополитизм в контексте современности // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 32–39.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. 2010. № 2(6). С. 3–15.

Чумаков А. Н. Глобалистика в системе современного научного знания // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 3–16.

Security Quotes. Better World [сайт]. URL: <http://www.betterworld.net/quotes/security-quotes.htm> (дата обращения: 02.10.2012).

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИДЕРСТВА КИТАЯ В МИРЕ

Гринин Л. Е.

д. ф. н., ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН,
шеф-редактор журнала «Век глобализации».

E-mail: lgrinin@mail.ru

В статье анализируются достоинства и недостатки китайской модели экономического роста, причины неизбежного замедления темпов роста. Делается вывод, что хотя технологический и инновационный уровень китайской экономики растет, в целом она остается экстенсивной, основанной на вовлечении в нее чрезмерного количества ресурсов и капиталов.

Показывается, что даже при условии, что Китай обойдет США по объему ВВП, он не сможет стать полноценным мировым лидером, так как многие лидерские функции США (идеологическая, военная, технологическая, инновационная, валютная и др.) Китай выполнять не сможет. Кроме того, стать полноценным лидером Мир-Системы Китаю помешают его уязвимость в области демократических прав, лидерство в области загрязнения окружающей среды, то, что все больше его граждан считают западные ценности приоритетными, и ряд других обстоятельств.

Ключевые слова: *Китай, китайская модель, восточноазиатская модель, мировое лидерство, реконфигурация мира, темпы роста, экологические проблемы, валовой продукт.*

The article reveals the merits and shortcomings of the Chinese economic development model as well as the causes for an inevitable slowdown of its growth. It is shown that although the technological and investment levels of the Chinese economy grows, it remains generally extensive and based on the consumption of excessive numbers of various resources and capital.

It is also shown that even if China surpasses the USA in GDP still it will be unable to become the world full-fledged leader as China will fail to fulfil many of the USA's leadership functions (ideological, military, technological, innovative, monetary etc.). Besides, China's weakness with respect to observance of human rights, to environment pollution, to the fact that more its citizens consider the Western values to be of prior importance as well as a number of other circumstances will prevent China from becoming the World-System leader.

Keywords: *China, Chinese model, East Asian model, world leadership, the world reconfiguration, growth rate, ecological problems, gross product.*

Китайские сценарии

С каждым годом число упоминаний о Китае в средствах массовой коммуникации и в Интернете увеличивается, что косвенно свидетельствует о растущей роли этой страны в мире. Затянувшийся экономический кризис, несомненно, повысил эту роль, в то же время обнажив слабости США и европейских стран. Достижения Китая одних восхищают, других – страшат, китайский феномен используется для подкрепления самых разнообразных идей и концепций. Писать о Китае беспристрастно стало довольно трудно. Неудивительно, что многие сценарии будущего развития Китая разнообразны и взаимоисключающи.

Позитивный для Китая прогноз исходит из того, что высокие темпы роста его экономики будут держаться долго, в результате чего в недалеком будущем он обгонит США, разрешит свои главные проблемы и станет лидером современного мира. В рамках данного прогноза можно выделить апологетический вариант безусловного восхищения, предсказывающий в ближайшее время наступление века Китая, и алармистский, который боится мощи этой страны и того, что она подомнет под себя Запад.

Взаимоисключаемость прогнозов связана не только с особенностями восприятия китайской действительности разными авторами и недостаточной информацией о внутренних процессах в Китае, но также с весьма противоречивыми тенденциями его развития. Определить, какие из этих тенденций победят и как трансформируются, очень сложно. Вариаций может быть много. Вот почему, образно говоря, китайская карта в мировой колоде остается джокером и при разном раскладе способна превратиться в любую карту. В настоящей статье предпринята попытка показать, почему Китай, даже при всех возможных будущих успехах, не сможет занять в мире место США. Обоснование этой идеи потребовало показать наиболее важные особенности китайской модели развития, а также сделать некоторые прогнозы ближайшего развития Китая. Будет показано, в чем сила, а в чем – ущербность современной китайской модели экономического развития и можно ли ее перестроить; почему темпы роста ВВП будут продолжать снижаться; по каким причинам для Китая было бы гораздо предпочтительнее стабилизировать темпы роста на более низком уровне, чем пытаться во что бы то ни стало поддержать прежний безудержный и дорогостоящий рост. Настоящая статья развивает некоторые из идей, бегло затронутых в моей статье 2009 г. [Гринин 2009]. Жизнь показала, что многие из этих выводов и оценок подтвердились.

Реконфигурация Мир-Системы и Китай

Грядущая потеря лидерства США и ее последствия. Еще лет пять тому назад все мы всерьез обсуждали возможность построения Pax Americana. Нынешний кризис развеял эти прожекты, показал ограниченность американского могущества и неуклонность его снижения. Сегодня происходит ослабление экономической роли США как центра Мир-Системы и в более широком смысле – ослабление в целом экономической роли развитых государств. Перспективы выхода США из системного, включая долговой, кризиса весьма туманны. Шансов на то, что они вновь обретут прежний динамизм, не так много. Отсюда нет сомнения, что раньше или позже значение США как лидера Мир-Системы снизится. И этим очень обеспокоены многие в самих США [см.: Мир... 2009].

Таким образом, роль США в обозримом будущем должна снижаться. Однако что это означает для мира и отдельных стран? Надо сказать, что такая коллизия – как бы к ней ни относиться – приведет к исключительно большим изменениям, многие из которых, к сожалению, не учитываются. Обычно предполагается, что место США займет кто-то другой, особенно часто на него прочат Китай (анализ таких взглядов см., например: Wang 2010). Мы не ставим под сомнение, что в ближайшей (скорее всего, и в среднесрочной) перспективе позиции Китая в разных сферах усилятся. Наша задача – показать, что, несмотря на обозначенные тенденции к снижению роли Америки и повышению значимости Китая, неправомерно вести речь о простой смене лидера. Мир сильно изменился и изменится еще больше, поэтому мы убеждены, что в обозримой перспективе появление нового мирового лидера в лице одного государства маловероятно по двум причинам. Первая: с закатом роли США и развитием глобализации конфигурация Мир-Системы пойдет уже по новым траекториям и линиям интеграции, так что роль отдельных государств будет меньше, а роль их коалиций и союзов – больше (при этом одни и те же страны будут одновременно участвовать во многих объединениях). Эту тему мы развивали в других статьях [см.: Гринин 2009; 2011] и здесь затрагивать ее не будем. Вторая причина заключается в том, что в обозримом будущем не может появиться государство, которое бы заменило США в совокупности их лидерских функций – от военных до идеологических, поскольку позиции Америки в этом плане являются уникальными. Поэтому (а также и по многим другим причинам) *утрата США главенствующей роли будет означать глубокую, весьма трудную и кризисную трансформацию самой Мир-Системы*, даже ближайшие последствия которой во многом не ясны.

Почему Китай не Америка? Рассмотрим теперь, что вытекает из сказанного для анализа будущего места Китая в Мир-Системе и почему, в частности, Китай не может быть реальным претендентом на место, занимаемое США. Основания, по которым предполагается, что Китай будет таким лидером, в сущности, заключаются в том, что его нынешний быстрый рост в ближайшие десятилетия позволит ему сначала обогнать по ВВП США, а затем и подтянуться к развитым странам по объему производства на душу населения. А это значит, что при полутора-миллиардном населении мощь Китая станет невероятной.

Такой подход, по сути, основан на двух не всегда ясно высказываемых посылах: 1) высокие темпы роста могут продолжаться очень долго; 2) объем производства равнозначен месту государства в мировой системе. На самом деле обе посылки ошибочны. Возможности быстрого роста в Китае весьма ограничены (об этом будет сказано далее), а быть даже первой по валовому продукту державой мира абсолютно не значит быть центром Мир-Системы по многим причинам.

Одна из главных причин заключается в том, что в США сегодня сосредоточивается *политическое, военное, финансовое, валютное, экономическое, технологическое, инновационное и идеологическое лидерство*. Уже одно это перечисление показывает: место в Мир-Системе, подобное положению США, не сможет занять никто, так как никто больше не сможет соединить одновременно столько ведущих функций [см. также: Zakaria 2009]. Ясно также, что почти все перечисленные аспекты лидерства будут недоступны для Китая [см. о некоторых аспектах: Фишер 2011]. В частности, у него есть огромные золотовалютные резервы,

с помощью которых, например, можно оказывать давление в некоторых вопросах на США. Но неконвертируемость юаня, жесткое регулирование многих аспектов финансовой деятельности не даст Китаю возможности превратиться в ведущий финансовый и тем более валютный центр мира. Да, Китай активно продвигает юань, договаривается о валютных свопах с торговыми партнерами, провозглашает, что в будущем юань будет свободно конвертируемым. Однако реально ли последнее? Пока это представляется маловероятным. Ведь сделать юань конвертируемым в современной ситуации – значит фактически ревальвировать его, что резко ухудшит возможности экспорта, то есть подорвет важнейший источник роста, а также откроет дорогу импорту.

Китай активно модернизирует армию и флот и быстро увеличивает объем своих военных расходов, усиливает работу в области разработки собственных видов оружия. Реально его вооруженные силы могут превратиться в довольно крупную силу. Но хотя Пентагон в целях проталкивания собственного военного бюджета запугивает общественное мнение китайской военной угрозой, мало шансов, что Китай окажется способным создать равноценные американским (и даже российским) военные технологии [см.: Zakaria 2009]. Кроме того, в истории не было примеров возникновения ведущей военной державы без соответствующих милитаристских традиций (определенной военной истории, включающей опыт крупномасштабных и победоносных войн; военного духа в обществе; школы военного искусства и т. п.). Франция, Великобритания, Германия, Россия и СССР, Япония, США имели или имеют подобные традиции. В Китае их нет. Великобритания в XIX в., СССР в XX в. имели, а США и по сию пору имеют идеологии, которые могли быть предметом восхищения и подражания со стороны других стран. Я считаю, что призывы к демократии и свободам при попытках навязать их странам, к ним не готовым, необходимо критиковать и даже развенчивать. Но это не умаляет факта, что данные идеи привлекают сотни миллионов людей в десятках развивающихся стран. События «арабской весны» в очередной раз это подтвердили. А что Китай может предложить миру в смысле идеологии? Ничего, ибо социализму и в самом Китае верит все меньше людей, а другой идеологии нет [см., например: Wang 2010]. Зато в Китае все больше тех, кто восхищается западными ценностями. Не может быть мировым лидером тот, кто не способен предложить миру привлекательную идеологию, тем более лидер, опасющийся революции в собственной стране. Наконец, может ли мировой лидер быть главным загрязнителем природы на планете? Ведь успехи китайской экономики основаны на почти бесплатной экологии. На долю Китая приходится примерно треть всего выброса CO₂ [Мельянцев 2007: 22]. Сегодня он уже обогнал США по вредным выбросам, не догнав их по ВВП. А что будет дальше? Ниже (в последнем разделе) будет показана неспособность Китая стать лидером в целом ряде других аспектов: инновационности, производительности труда, уровне жизни и т. д.

Китайская модель

Тем не менее, хотя стать полноценным (то есть равным по влиянию США пяти- или десятилетней давности) лидером Мир-Системы Китай и не сможет, стремительные темпы его развития сами по себе представляют фактор, способный серьезно повлиять на будущее. От того, как долго они продержатся и какой будет модель роста Китая, зависит многое в экономике и экологии мира в целом. По-

этому крайне важно рассмотреть основные характеристики и особенности китайского развития, учитывая и то, что Китай быстро меняется, и то, что в главном модель развития остается такой же, а основные проблемы, поднимаясь вместе со страной на иной уровень, продолжают сопровождать это развитие.

Для того чтобы понять китайскую модель, стоит рассмотреть несколько аспектов: какие факторы в целом способствовали столь быстрому и длительному росту, а также подъему технологического уровня китайской экономики; какие резервы лежали в основании роста и какова ситуация с этими резервами сейчас. Мы дадим характеристики китайской модели в ее основных чертах развития, а затем посмотрим, что будет тормозить рост этой экономики в ближайшей и долгосрочной перспективе.

Китайская модель: родовые черты

О китайской модели развития ведется довольно много споров, при этом некоторые исследователи вообще отрицают ее существование, а иные полагают, что она чуть ли не универсальна, то есть пригодна для многих развивающихся стран. Наиболее релевантным представляется мнение тех довольно многочисленных аналитиков, которые считают, что она является вариантом восточноазиатской модели экономического развития. Эта модель первоначально сложилась в послевоенной Японии, затем реализовалась в так называемых «азиатских тиграх» – Южной Корее, Тайване, Сингапуре и Гонконге. Позднее ее взяли на вооружение Китай и в той или иной мере страны АСЕАН (Малайзия, Таиланд, Индонезия, Филиппины и еще позже – Вьетнам, Кампучия, Лаос и некоторые другие), то есть она стала распространяться и в Юго-Восточной Азии, и в АТР (недаром Андерсон [2008] называет ее просто азиатской).

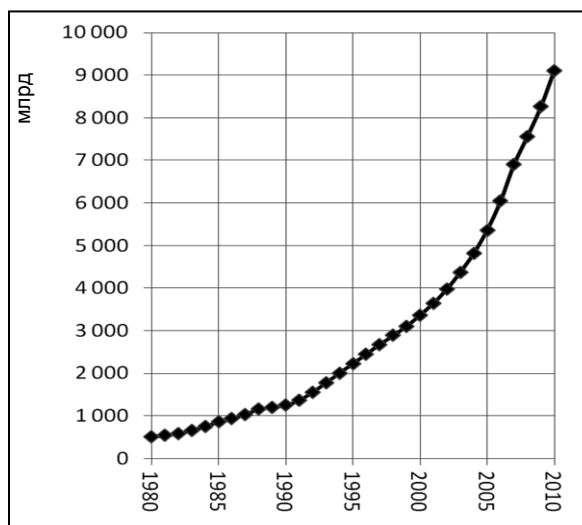

Рис. 1. ВВП по паритету покупательной способности в млрд долларов, 2005 г. [World Bank 2012]

Разумеется, в каждой стране эта модель имеет весьма существенные особенности. Но ее характерные черты следующие:

- а) ориентация экономики, особенно промышленности, на экспорт;
- б) использование дешевой рабочей силы;
- в) привлечение иностранных инвестиций и создание для этого условий, а также активный импорт технологий;
- г) высокая доля инвестиций в ВВП (доля накопления очень высокая, от 30 до 40 % и даже более);
- д) активное, но в разной степени, участие государства в развитии экономики;
- е) в Китае и некоторых других странах создание особых экономических зон;
- ж) авторитарность разной степени и/или однопартийная модель (тогда как в Японии или на Тайване у руля власти оставалась очень долго одна и та же партия). Последнее создает стабильность в стране, что важно для привлечения капитала.

Эта модель – лучше или хуже в разных странах – обеспечивает высокие темпы экономического роста на длительный срок, за счет привлечения капитала и технологий дает возможность повышать технологический уровень и производительность труда. В итоге происходят модернизация страны, быстрый рост урбанизации и постепенный рост уровня жизни населения. Однако по мере роста ВВП на душу населения и внутреннего потребления темпы роста у стран восточноазиатской модели замедляются. И то, что они замедляются, служит для ряда аналитиков весомым основанием предполагать, что по достижении Китаем определенного уровня ВВП на душу населения (не более 10 тыс. долларов) темпы его развития начнут замедляться [см.: Eichengreen 2011; Андерсон 2008].

Китайская модель: специфические черты

Все указанные черты присутствуют в китайской модели. Но у нее есть и очень важные особенности. Первая, и уникальная, – гигантское население. Именно это (плюс большая территория) делает Китай супердержавой. Вторая – наибольшая из всех стран роль государства при господстве компартии. Эта роль ключевая в китайской модели, именно она и определила возможность проведения реформ. Третья – особое положение крестьянства, которое лишено прав собственности на землю и многих гражданских прав, что позволяло и все еще позволяет использовать ресурсы деревни для экономического роста и целей государства. Четвертая – большая роль этнического китайского иностранного капитала¹ и наличия целых государств с китайским населением (Гонконг, Макао, Тайвань и в значительной мере Сингапур). Без всякого сомнения, приток иностранного капитала в Китай был бы намного меньше, поскольку огромная, а периодами и большая часть иностранных инвестиций по-прежнему идет через этот канал [см., например: Ван Пэй 2010: 17]. Отметим также, что импульс присоединения Гонконга и Макао все еще чувствуется в китайском росте.

Эти базовые особенности китайской модели (прежде всего повышенная роль государства при послушном и бесправном населении) в совокупности с особенностями китайских реформ породили и ряд других очень важных ее характеристик, которые являются как составляющими китайского успеха, так и его потенциальными слабостями, а именно:

¹ Так называемые *хуацяо*, то есть этнические китайцы, проживающие в других государствах, среди которых много бизнесменов.

- дешевая экология (отсутствие должной заботы об охране окружающей среды);
- дешевая социальная политика, которая мало обременяет государство (возможность до сих пор отказываться от обязанностей государства в отношении пенсий и пособий для огромной части населения; плата за обучение и медицинское обслуживание; низкий уровень безопасности на производстве и т. п.);
- политика ограничения рождаемости, которая снижает затраты на подрастающее поколение;
- низкий курс юаня, способствующий экспорту. Низкий курс также уберег Китай в 1997 г. от кризиса, в то время как целый ряд других стран ЮВА сильно пострадал от завышенного курса своих валют;
- сверхвысокая доля ВВП, идущая на накопление, что позволяет делать громадные инвестиции и поддерживать высокие темпы роста, но возможная лишь при столь сильном присутствии государства в экономике, как в Китае;
- целенаправленная политика государства в области низких тарифов на энергию и сырье, создания инфраструктуры, повышения производительности труда, инновационности, степени открытости страны и т. д.

В отношении последнего важно отметить линию постепенного расширения открытости для иностранных инвестиций, в которой Китай сделал наибольшие успехи (они гораздо больше по сравнению, скажем, с политикой поощрения отечественного бизнеса или развития внутреннего потребления). Все это и способствовало тому, что китайский экспорт рос опережающими темпами по сравнению с ростом экономики в целом, а объем ПИИ в Китае вырос в десятки раз².

Факторы, ресурсы и движущие силы китайского развития. Говоря о факторах феноменального экономического роста, прежде всего, конечно, надо отметить квалификацию китайского руководства и концентрацию госаппарата и общества в целом на успехе и росте. В Китае произошла буквально фетишизация роста. В качестве отдельного фактора роста достойно выделения упомянутое выше постоянное расширение возможностей для развития иностранного и (в меньшей степени) отечественного предпринимательства.

Другими постоянными факторами экономического роста служат уже указанные выше: а) чрезвычайно высокий уровень инвестиций (в отдельные годы до 50 % от ВВП); б) большой приток иностранного капитала; в) рост производительности труда, хотя тут далеко не все однозначно. Тем не менее в целом благодаря постоянной технической модернизации этот рост весьма впечатляющий, хотя в сравнении с развитыми странами производительность труда в Китае еще очень низка, а в сельском хозяйстве она отстает в десятки раз.

Важнейшими ресурсами китайского роста являлись: а) огромный и длительное время неисчерпаемый рынок дешевой рабочей силы и так называемый демографический дивиденд (в связи с уменьшением рождаемости и молодой структурой населения); б) довольно богатые запасы отдельных видов природных ископаемых (угля, железной руды, нефти, редких металлов и др.); наконец, уже упоминавшиеся в) дешевая экология; и г) дешевая социальная политика (как в связи

² Недавним важным шагом стало движение в отношении создания зон свободной торговли с АСЕАН, Тайванем, Японией и Кореей.

с относительно молодой демографической структурой населения, так и с возможностью игнорировать нужды населения).

Принципиально важным для понимания причин быстрого роста и перспектив дальнейшего развития Китая является вопрос о движущих силах развития. Досадно, что исследования в таком ключе довольно редки [в качестве положительного примера см.: Бергер 2009: гл. 4]. Между тем анализ показывает, что в Китае желающих инвестировать и расширять производство больше, чем в западных экономиках (не говоря уже о ситуации, которая была в СССР), отсюда и мощный импульс для роста.

Очень заметную роль в инвестировании и расширении производства играют, конечно, иностранные корпорации. Что касается частных местных предпринимателей, то по сравнению с развитыми странами их значимость в Китае ниже, так как они лишены доступа к кредитам и ограничены многими запретами. Но едва ли не наибольшее значение (как в прямых инвестициях, так и особенно в деле их привлечения) имеет деятельность властей всех уровней: от центрального правительства, определяющего основные приоритеты, пропорции и наиболее дорогостоящие проекты, через уровень провинций (которые, однако, по населению превосходят крупные европейские страны), затем на уровне округов, уездов и до волостей. Таким образом, имеется многоуровневое участие государства (и партии) в развитии производства, в сфере инвестиций. При этом существует конкуренция на всех провинциальных и местных уровнях за инвестиции и высокие показатели роста [см., например: Бергер 2009]. По подсчетам экономиста Джона Ли из Сиднея, эти внутренние инвестиции дают 40 % роста, в то время как вклад экспортного сектора и ПИИ составляет примерно 30 % [см.: Berthelsen 2011].

Для понимания механизма развития исключительно важно осознать, что китайскому руководству удалось разбудить внутри аппарата управления силы, которые крайне заинтересованы в экономическом росте. В результате влияние местных властей на экономический рост гораздо больше того, что было в СССР, и, по моему мнению, существенно выше, чем в Японии, Южной Корее, на Тайване предыдущих десятилетий, это обеспечивает Китаю дополнительные проценты роста. Хотя если оценивать роль только центральных правительств, то в Китае, с одной стороны, и упомянутых странах – с другой, она вполне сравнима.

Наконец, мощным двигателем роста выступают крупные (в том числе занимающие монопольное положение) государственные корпорации, стремящиеся инвестировать свою прибыль в новые проекты, которые потом утверждаются и контролируются государством с помощью кредитов и прочих экономических и административных рычагов. Дж. Андерсон [2008] считает, что причина этого активного инвестирования в том, что государственным предприятиям некуда девать прибыль, так как она не распределяется. В этом есть доля истины, хотя объяснение выглядит все-таки примитивно. Думается, что в данном случае можно говорить об общем законе поведения успешных корпораций – стремлении к расширению. В условиях Китая расширение – это новые места для управленцев и своих людей, новые ресурсы, контроль над которыми увеличивает власть. С другой стороны, между корпорациями всегда есть конкуренция за доступ к ресурсам, который зависит от инвестиционной активности. При такой ситуации очень полезные проекты причудливо сочетаются с совершенно бесполезными или недостаточно нужными.

Таким образом, в Китае имеется многоуровневая система движущих сил роста, в известной мере уникальная, в которой в отличие от развитых стран главными являются не отечественный частный капитал, а государственные корпорации, местные власти и иностранный бизнес. Это объясняет особенности китайских инвестиций.

Ограниченность и пороки китайской модели. Китайская экономика, несмотря на то, что ее технологический и инновационный уровень повышается, в целом остается экстенсивной, слишком ориентированной на экспорт, основанной на очень высокой доле инвестиций. При этом она продолжает быть чрезмерно ресурсо- и энергозатратной; экологически очень грязной.

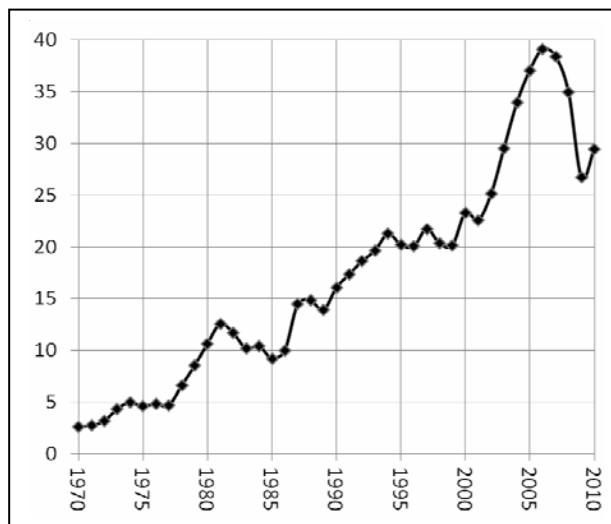

Рис. 2. Китайский экспорт в % от ВВП Китая (World Bank 2012)

Хуже всего, что если в первые десятилетия реформ инвестиции приносили высокую отдачу, то уже с начала 2000-х гг. отдача от них упала до низких и даже в некоторых случаях и отраслях отрицательных значений [см., например: Ху Аньган 2005: 38–39]. Таким образом, в важнейшем отношении *китайская модель становится неэффективной*, что грозит кризисом и замедлением развития. Естественно, что отдача от инвестиций колеблется от года к году весьма значительно, однако она выше у иностранных инвесторов и ниже – у государственных. В 2009 г., например, когда государство вливало в экономику огромные деньги, на один юань инвестиций пришлось только 0,17 юаня прироста ВВП (в 1994 г. соответственно на 0,74 юаня). Иными словами, чтобы добиться прироста в 1 юань, надо вложить 6 юаней.

Китайское руководство хорошо знает недостатки сложившейся модели развития, постоянно ставит задачи ее трансформации и прилагает для этого усилия. Однако при определенных продвижениях результаты не оправдывают ожиданий. Дело в том, что если приглядеться к успехам Китая, станет ясно: главные из них проходят там, где даются легче, то есть в развитии как раз тех направлений, которые надо перестраивать (рост внешней торговли, безудержное наращивание про-

изводства, чрезмерные инвестиции и пр.). Иными словами, модель принципиально не меняется, напротив, происходит ее гиперразвитие и усиливаются ее ограничения.

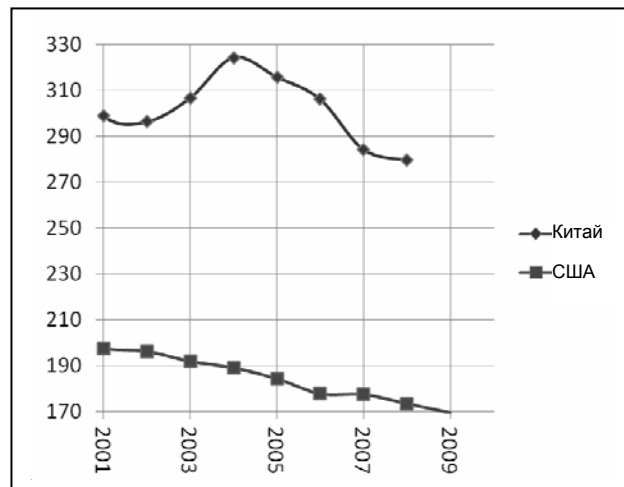

Рис. 3. Потребление энергии (в кг нефтяного эквивалента) на 1000 долларов ВВП с учетом ППС (постоянные цены 2005 г.) [World Bank 2012]

Так, несмотря на попытки в течение пятнадцати-двадцати лет достичь экономичности в потреблении энергии (в частности, путем директивных предписаний в годовые и пятилетние планы), объем потребляемой электроэнергии растет примерно в соответствии с ростом ВВП, а иногда и быстрее. Объем добычи и потребление природных ресурсов также растут с неимоверной скоростью. Когда смотришь на цифры китайской статистики, с трудом осознаешь значение некоторых из них. Вдумайтесь: более 3 млрд т угля, почти половина его мирового производства, добывается и сжигается в КНР. Добывается более 1 млрд т железной руды, свыше 40 % мировой добычи. Выплавляется более 600 млн т стали, что превышает 45 % мировой выплавки, при этом на экспорт идет едва ли десятая ее часть. Производится 1,9 млрд т цемента (более 55 % мирового производства), который практически весь потребляется в КНР. О каком энергосбережении, о какой экологии может идти речь?! Но при том что объем добычи полезных ископаемых растет стремительными темпами, увеличивается и число видов природных ресурсов, которые раньше Китай экспортировал, а сегодня во все возрастающем количестве импортирует. Не так давно Китай экспортировал нефть, сегодня он второй в мире ее импортер; еще три-четыре года назад уголь шел на экспорт, а сегодня импорт угля растет, как на дрожжах; ввозится 500 млн т железной руды, а также много другого сырья и первичных материалов. Китайские власти и бизнесмены по всему миру лихорадочно ищут новые источники поставок сырья и топлива, чтобы обеспечить экономику и диверсифицировать поставки. Это объясняет особую активность КНР в Африке и Латинской Америке.

Прежде чем перейти к следующему разделу, вынужден сделать одно важное пояснение относительно избитой темы недостоверности китайской статистики

[см., например: Гельбрас 2003]. Поскольку доверять ей крайне сложно, то и в вышеприведенные (как и многие другие) цифры китайского производства верится с трудом. Мало того, трудно даже придумать, куда все-таки можно истратить такое количество продукции. Чтобы не быть голословным, предоставлю фантазии читателя следующую загадку (ответа на которую не знаю). Если объемы строительства в США и Китае примерно равны, но Китай производит 1,9 млрд т цемента, а в США до кризиса производили где-то 100 млн т цемента и еще импортировали 30 млн т (сейчас намного меньше), то куда китайцы девают более 1,5 млрд т цемента? Даже если учесть разницу в заработной плате, высокие потери цемента в китайском строительстве и разницу в структуре строительства (в Китае бетона используется больше, чем в США), концы с концами все равно не сходятся.

Пределы роста

В настоящий момент в рамках сложившейся модели ясно обозначились ограничения на пути сверхвысокого экономического роста Китая. При этом важно учитывать, что эту модель крайне сложно изменить, но если это и удастся, изменение неизбежно будет означать замедление темпов роста. Правда, объективно такое замедление можно рассматривать как положительное для Китая, хотя большая часть китайского руководства, несмотря на риторику, смотрит на вещи иначе.

1. Нехватка энерго- и сырьевых ресурсов остро дает о себе знать, поскольку Китай перестал обеспечивать себя энергией и сырьем и в значительной степени зависит от их импорта. При этом возрастающий импорт топлива, минеральных и иных ресурсов в Китай разгоняет мировые цены, что увеличивает стоимость экспортной продукции КНР. Так, в 2011 г. возросшая цена на топливо привела к тому, что при существующих тарифах на электроэнергию поставляющие ее производители электричества понесли убытки. А повышать тарифы государство не хочет, поскольку это по цепочке разгонит инфляцию. Дело доходит до того, что в попытках достичь сокращения затрат электричества власти производят веерные отключения электроэнергии. Но предприятия в ответ на это пытаются на собственных генераторах производить необходимые им киловатты. В рамках сегодняшней затратно-экспортной модели зависимость от потребления энергии и ресурсов будет только возрастать. *Таким образом, в ближайшем будущем наиболее жесткой преградой китайскому росту может стать ограниченность не только китайских, но и мировых ресурсов, либо цена последних окажется неподъемной для Китая*³. В итоге импорт начнет стабильно превышать экспорт. Рост потребления ресурсов может существенно снизиться только при вынужденном замедлении темпов роста (статистика результатов 2012 г. свидетельствует именно об этом: замедление темпов роста повлекло большое, иногда до нулевых значений, снижение роста потребления ресурсов).

2. Грядущая нехватка рабочей силы и рост ее стоимости. Несмотря на большую безработицу, в ряде мест уже ощущается нехватка рабочих, особенно квалифицированных. Об этом достаточно много пишут в научной литературе и в Интернете [см., например: Бергер 2009]. Предполагается, что после 2013 г.

³ По этому поводу существует немало литературы [см., например: Кульпин-Губайдуллин 2010].

приток трудоспособного населения станет меньше его естественного выбывания. Какое-то время это может способствовать уменьшению в ряде мест безработицы. Достаточно острый дефицит рабочей силы почувствуется только в среднесрочной перспективе, однако надо ясно понимать, что китайское экономическое чудо обеспечивалось огромным избытком рабочей силы (и соответственно ее дешевизной). Поэтому любое уменьшение избытка будет влиять на рост заработной платы и повышение требований рабочих (в частности, все менее склонных к изнуряющему однообразию труда на многих предприятиях). Уже сейчас нехватка рабочей силы в приморских провинциях приводит к росту заработной платы, которая будет увеличиваться и далее. Обеспечить быстрый рост при ограничениях рабочей силы и растущей зарплате окажется исключительно сложно, а скорее всего, невозможно.

3. Неизбежное удорожание экспортной продукции и опасность уменьшения притока капитала. На пути роста экспорта – при том что экспортно ориентированную модель изменить сложно – встанут сильные ограничения в виде стоимости энергии и сырья, рабочей силы и других затрат, вероятной ревальвации юаня и конкуренции стран с более дешевой рабочей силой. А стоит экспорту замедлиться, может сократиться и приток инвестиций, так как экспортом главным образом занимаются фирмы с иностранным участием. Одновременно может значительно вырасти вывоз капитала из Китая, что также замедлит рост экономики.

4. Падение отдачи от инвестиций. Как уже сказано выше, высокая норма инвестиций, которая сейчас обеспечивает 40 % роста, натолкнулась на проблему падения отдачи от них до низких, а в иные годы и очень низких значений. При этом возрастает бремя содержания неприбыльных объектов. В Китае огромное количество излишних мощностей едва ли не во всех сферах. Нередки случаи, когда правительство принимает решения о принудительном закрытии избыточных мощностей. Но объем таких нерентабельных объектов продолжает расти. Это вызывает как ненужные затраты, так и излишнюю конкуренцию, что понижает прибыль. Естественно, бесконечно это продолжаться не может, инвестиции раньше или позже сократятся, а с ними замедлится и рост.

5. Экология. Ситуация с экологией, по общему мнению, критическая. По уровню загрязненности вод, воздуха, почвы, кислотным дождям, числу заболевших от последствий загрязнения и т. п. Китай впереди всей планеты. Нельзя сказать, что правительство не озабочено этой проблемой, но пока для ее решения делается явно недостаточно. Чтобы решить эту проблему, нужны очень большие затраты, что сильно удорожит стоимость продукции и экспорта и скажется на темпах роста. Тем не менее решать ее, по крайней мере в среднесрочной перспективе, придется, иначе конечная цена такой негативной политики окажется чрезмерной, да и вряд ли мир будет слишком долго терпеть такую ситуацию.

6. Рост затрат на социальные нужды. Старение населения, рост жизненных стандартов, необходимость обеспечивать социальный мир и не допускать слишком большого разрыва в уровне жизни, а также забота об увеличении внутреннего потребления ведут к росту обязательств государства. С каждым годом Китай будет вынужден тратить все больше денег на социальные нужды, что сказывается уже сейчас, а в среднесрочной и особенно долгосрочной перспективе станет тя-

желым бременем. Правительство пытается переложить затраты на работодателей, но – при том, что до некоторой степени это справедливо – это естественно вызовет и рост себестоимости продукции, и меньшую готовность создавать новые рабочие места.

7. Опасность инфляции, роста диспропорций и необходимость ограничения роста неравенства стали жестко влиять на экономическую политику и темпы роста. Ограничение роста связано с необходимостью балансировать между наращиванием внутреннего потребления (которое проводилось в 2009–2010 гг. за счет смягчения денежной политики и увеличения объема кредитов) и инфляцией. Инфляция, особенно быстрый рост цен на продукты питания, угрожает стабильности в бедной стране, где существует слишком большой разрыв в уровне доходов, и полностью противоречит идее «создать гармоничное общество». Поэтому неудивительно, что нынешнее руководство в 2011 г. выбрало курс на снижение инфляции и систематическое ужесточение кредитно-денежной политики. Но это ведет к снижению деловой активности.

В марте 2011 г. глава Госсовета КНР Вэнь Цзябао заявил, что сочетание инфляции, коррупции и различия в доходах между богатыми и бедными может сказаться на социальной стабильности и даже на прочности политической власти. Таким образом, *под угрозой оказался важнейший ресурс китайской модели – лояльность населения*. Именно это и объясняет готовность руководства Китая пожертвовать темпами роста ради стабильности. Вопрос о том, насколько оно способно контролировать экономическое развитие, мы рассмотрим ниже. Тем не менее планомерно или нет, но темпы роста достаточно скоро неизбежно и существенно снизятся. В 2012 г. темпы роста инфляции существенно снизились, но с ними замедлились и темпы роста промышленности и ВВП.

Неизбежность замедления роста

Почему сложно изменить модель роста? Современная затратная модель роста усиливает сложившиеся и официально признанные диспропорции: в уровне развития и жизни между восточными и западными провинциями, между городскими и сельскими жителями, между богатыми и бедными китайцами⁴. Неудивительно, что китайское руководство ставит задачи: перевести экономику на инновационный рост и повысить долю знаний в приросте ВВП; развить китайские ноу-хау; сделать экспорт высокотехнологичным; повысить внутреннее потребление, чтобы оно, а не внешняя торговля, давало основу роста; понизить коэффициенты потребления энергии и сырья; улучшить экологию; сделать экономику сбалансированной и т. п. Однако этот новый курс, намеченный в конце 1990-х гг., на практике оказался нереализуемым, а указанные задачи из пятилетки в пятилетку стабильно не выполняются.

Легко сказать – перейти на инновационный рост, а кто сможет это сделать? Государственные корпорации по своей природе мало к этому способны, местным бизнесменам не дают простора [см., например: Хуан 2010], а иностранные инвесторы не заинтересованы ввозить в Китай новейшие технологии.

⁴ Коэффициент Джини, показывающий степень неравномерности в распределении доходов, в Китае очень высок, выше, чем в России, Индии и США, уступая лишь южноамериканским странам, а по мнению некоторых аналитиков, догнал уже и их.

Или взять задачу экономии электроэнергии. Почему ее не хватает, несмотря на рост производства и определенные успехи в развитии «зеленой», гидро- и атомной энергетики? Потому что расточительство заложено в китайской экономической модели, в которой главное – не прибыль, а именно фетишизация роста, достижение его любой ценой. Экономия неинтересна государственным или полугосударственным предприятиям, она производится ими «из-под палки». Поэтому усилия добиться экономии обречены на неудачу, в лучшем случае – на ограниченный, а часто и недолговечный успех. Настоящий переход на энергосбережение может быть только там, где на первом месте стоит прибыль, а не рост, и там, где стоимость энергоресурсов не занижается искусственно. Но отказ от контроля над энерготарифами и реальный переход на показатели прибыльности крайне опасен, он означал бы катастрофу китайской экономики, так как немедленно стало бы очевидным, что половина выпущенной продукции излишняя со всеми вытекающими отсюда последствиями: банкротства, рост безработицы и пр., что взорвало бы социальный мир.

Словом, изменить нынешнюю модель роста очень сложно как потому, что существует огромная инерция, так и по причине наличия влиятельных сил, заинтересованных в ее сохранении и поддержании высоких темпов роста. Как мы видели выше, это местные власти разных уровней, особенно богатых провинций, и крупные государственные или полугосударственные корпорации. За десятилетия они достигли большого успеха как в расширении производства, так и в манипулировании цифрами статистики. Сегодня за темпы роста любой ценой борются отстающие провинции, в чем им активно помогает центральное правительство. Но не менее важно, что к переходу на новую систему китайская бюрократическая и социальная системы фактически не готовы. Как, например, избежать чрезмерных инвестиций, создающих ежегодно все новые излишние мощности в китайской экономике, если это вызвано напряженным соперничеством между различными провинциями за привлечение капиталов и высокие темпы развития своих регионов? Только директивно их запрещать. Но это значит связать руки провинциям и, по сути, отключить ведущий двигатель роста (пусть и не всегда рационального). А кроме того, если уменьшить инвестиции и долю накопления в ВВП, то куда девать эти средства? Увеличить пособия, зарплаты и пенсии? Но это вызовет всплеск инфляции и рост импорта, что только ухудшит ситуацию в стране. И сегодня Китай уже не знает, что делать с накоплениями, все более и более наращивая валютные запасы. Раздать еще больше кредитов, как это сделали в 2009 г.? Но в итоге правительство усилит инфляцию, как произошло в 2011 г. Словом, переход к новой модели крайне затруднен и несет в себе не меньше опасностей, чем сохранение старой.

Курс на замедление: реальные намерения или риторика?

28 февраля 2011 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао заявил, что страна планирует в течение ближайших пяти лет снизить темпы роста своей экономики. Теперь Китай будет ориентироваться на 8%-ный рост в 2011 г. и на 7%-ный – в 2012–2015 гг. Для сравнения в 11-й пятилетке (2006–2010 гг.) ВВП в среднем

рос на 11,1 % ежегодно. Такое решение, как мы видели выше, было ускорено ростом инфляции и опасностью нестабильности в обществе. Несомненно, лидеры КНР чувствуют также сложность поддержания прежних деформирующих общество темпов роста в условиях мировой рецессии. Будь сейчас экономический подъем в мире, планы были бы иными. Не следует упускать из внимания и смену руководства в Китае в 2012 г.

Решение о снижении темпов роста на 12-ю пятилетку до 7 % можно только приветствовать. И если правительство сумеет сдержать рост, будет намного легче перестраивать модель развития, устраняя в ней наиболее сильные диспропорции. Однако если разговор о замедлении – только риторика и развитие вновь пойдет по проторенному пути искусственного поддержания темпов развития, это грозит в будущем крупными проблемами и самому Китаю, и всей мировой экономике.

Очень вероятно, что на деле китайское руководство не отказалось от идеи сверхвысоких темпов развития, которая в течение более трех десятилетий была фетишем для трех поколений китайских руководителей. Поэтому, возможно, в глубине души оно надеется, что повторится та же ситуация, что и в прошлые пятилетки, когда планируемые цифры стабильно оказывались ниже реальных. Так, в 10-й пятилетке в 2001–2005 гг. среднегодовые темпы роста ВВП Китая составляли более 9 % при плане в 7 %. А в 11-й пятилетке они составили и вовсе более 11 % при плане в 7,5 %. По-видимому, логика планирующих такова. Лучше занижить цифры. Если ситуация будет хуже, мы их все равно выполним. А если лучше, то перевыполнение станет только плюсом.

С одной стороны, в 2011 и 2012 гг. темпы роста выше объявленных в феврале 2011 г. и даже несколько выше 7,5 %, объявленных в марте 2012 г. Но с другой – эти темпы стабильно замедляются, при этом довольно значительно для Китая. Поэтому, учитывая описанные выше ограничения, мне представляется, что – в отличие от прошлого – перевыполнения планов, даже несмотря на все возможные усилия китайских властей, не произойдет и среднегодовых двузначных темпов роста в Китае больше не будет. Иными словами, даже при благоприятных обстоятельствах *наиболее вероятным видится сценарий, по которому так или иначе (добровольно или волей обстоятельств) в течение ближайших четырех лет произойдет заметное замедление темпов роста до 6–7 %*. И далее, то есть после 2016 г., темпы роста еще несколько снизятся – примерно до 4–6 %, но такие темпы реальны лишь при благоприятном развитии. Вовсе не исключено, что Китай столкнется и с более серьезными трудностями, особенно если экономическая ситуация в развитых странах будет плохой и упадет спрос на китайские товары в мире (Европа и Америка – главные их потребители). Естественно, снижение темпов роста приведет к очень существенным изменениям – от сокращения инвестиций до закрытия излишних мощностей. Тем не менее это пройдет менее болезненно и более мягко при плавном сокращении темпов роста, чем при их резком обвале. Резкое торможение столь громадной и разогнавшейся экономической машины, как экономика Китая, может оказаться очень тяжелым. А если до последнего всеми силами стремиться удержать чрезмерные темпы роста, именно так и произойдет.

Вместо заключения. Может ли развивающаяся страна быть лидером мир-системы?

Итак, вернемся к вопросу, каковы варианты будущего Китая в плане его возможного лидерства в мире. При замедлении темпов развития в ближайшее время Китай еще долго будет оставаться второй экономикой мира, сокращая разрыв с США⁵. Но и при такой ситуации он обречен быть экономической сверхдержавой. Китай фактически и сегодня является ею, что и доказал в период рецессии, поддерживая мировые цены и объемы. На мой взгляд, в известной мере позиция второй экономики даже удобнее: во-первых, есть цель догнать, во-вторых, меньше спроса в плане помощи бедным странам и т. п. То есть можно продолжать идти в фарватере лидера, как Китай и делал до сих пор. Тем не менее даже при средних темпах роста у Китая есть шанс в 2030-е гг. стать первой по объему ВВП страной мира, хотя более вероятным представляется вариант, что в этот период китайское общество ждут серьезные трудности.

Имеется ли у Китая шанс стать первой по объему ВВП державой мира уже в начале 2020-х гг.? Да, такой шанс имеется, хотя, по-нашему мнению, он не слишком велик. Тем не менее рассмотрим вариант, при котором Китай, посрамив прогнозы, в 2010-е гг. вновь продемонстрирует сверхвысокие темпы роста и в течение ближайшего десятилетия обгонит по ВВП США. Что это может означать для Китая и мира? Может ли тогда эта экономическая сверхдержава с наибольшим в мире объемом ВВП стать лидером Мир-Системы? На наш взгляд, нет. Во всяком случае, у Китая пока и в обозримом будущем недостаточно возможностей для этого. Почему? По целому ряду причин, из которых укажу только часть.

1. Определенная несамостоятельность китайской экономики. Нельзя забывать, что динамика, мощь и успехи китайской индустрии во многом пока еще основаны на привязке к другим, богатым экономикам.

2. Нельзя быть лидером мир-системы, оставаясь развивающейся страной. А Китай относит себя к развивающимся странам. И это не просто риторика или попытка получить некоторые льготы в ВТО. Это реальность. Как скоро развивающаяся страна станет развитой? Даже по планам китайского руководства до этого пройдет много времени. Между тем экономический лидер должен иметь высокий ВВП на душу населения, высокий уровень производительности труда и заработной платы. Очень сомнительно, чтобы Китай в обозримом будущем вошел по этим показателям хотя бы в первую десятку.

3. Китай будет оставаться очень уязвимым для критики не только из-за постоянного нарушения прав человека, но особенно из-за плохой экологии.

4. Ограничения в военной и внешнеполитической сферах (о чем уже шла речь). Создав наибольший ВВП в мире, Китай (по-прежнему оставаясь бедным обществом) станет богатым государством, способным влиять на многие мировые экономические и финансовые тенденции, в том числе процессы вывоза капитала, ориентации сырьевых потоков, инвестирования за рубежом, финан-

⁵ Только Индия с ее быстро растущим населением, но в весьма отдаленной перспективе теоретически могла бы догнать Китай.

совой поддержки нуждающихся стран. Китай способен стать достаточно мощной (но отнюдь не первоклассной) военной державой, играть большую роль в принятии важных общемировых экономических решений. Также возрастет роль Китая в АТР, особенно в Восточной и Юго-Восточной Азии. Все это, конечно, сможет повысить статус Китая, но не сможет обеспечить позицию ведущего лидера Мир-Системы.

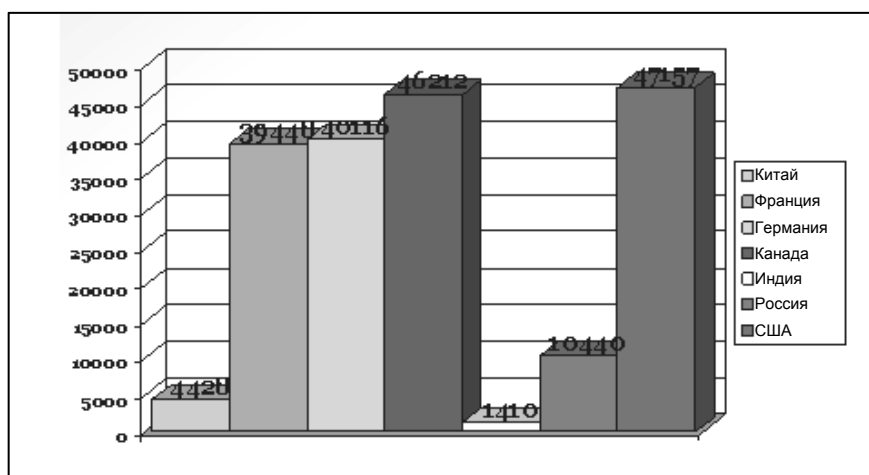

Рис. 4. ВВП на душу населения по текущему курсу долларов США, 2010 г. [World Bank 2012]

Положение экономической сверхдержавы, разумеется, будет побуждать к более активной политической и дипломатической деятельности, чтобы обеспечить свои позиции, защитить свои права, собственность и т. п. Но Китай еще довольно длительное время будет ориентирован на собственные сложные внутренние проблемы. Все внешние проблемы он и впредь будет рассматривать через внутренние, через призму того, обеспечит ли это экономический рост, поставки ресурсов и т. п. [см., например: Фишер 2011]. В этом плане позиция Китая напоминает поведение США в конце XIX – начале XX в. с их изоляционизмом при бурном экономическом росте. Такое сравнение очень полезно в плане ответа на вопрос, сможет ли Китай повторить путь США и стать главным центром Мир-Системы. При сравнении, однако, выявляется значительная разница в очень важных отношениях.

1. Еще не претендуя на лидерство, США в конце XIX в. стали ведущей экономической державой, обогнав Англию и Германию по общему объему ВВП и сравнявшись с Великобританией по ВВП на душу населения.

2. Производительность труда в США была очень высокой, в некоторых отношениях – наивысшей в мире (во многом из-за нехватки рабочей силы – ситуация, противоположная той, что наблюдается в Китае). О низкой производительности труда в Китае мы уже говорили.

3. США стали признанным инновационным лидером в техническом и организационном плане в начале XX в. (система научной организации труда Тейлора, система конвейерного производства Форда и т. п.), а в ряде отношений и намного ранее. Экономика же Китая в основном развивается на неинновационных и даже

устаревших технологиях [см., например: Михеев 2008: 311, 319; Луконин, Михеев 2010]. И хотя Китай сегодня занимает третье место в мире по числу патентов (для нации, еще недавно абсолютно отстававшей, результат превосходный), пока еще нет направлений, где бы китайцы по инновациям были впереди всех, пока они упрощают США продавать им высокие технологии.

4. Низкий уровень зарплаты – важнейшая часть китайской модели быстрого развития. Между тем уже в конце XIX в. (а в сущности, едва ли не с начала своего основания) зарплата в США была существенно выше европейской, что и послужило одной из главных причин наплыва туда иммигрантов.

5. Экономика США в отличие от китайской никогда не была экспортно ориентированной.

И еще один вывод позволяет сделать история. Переход от экономической мощи к политической гегемонии не происходит автоматически. США после Первой мировой войны вернулись к традиционному изоляционизму и еще в конце 1930-х гг. очень неохотно втягивались в европейскую политику, занимая позицию нейтралитета в гражданской войне в Испании, игнорируя войну Японии в Китае и т. п. Только нападение японцев на Перл-Харбор переломило ситуацию окончательно. Пока с трудом верится, что в ближайшие десятилетия мир окажется в таком состоянии, чтобы позвать на место лидера Китай.

Литература

Андерсон Дж. Лекция. Экономический рост и государство в Китае [Электронный ресурс] : Полит.ру, 2008. URL: <http://www.polit.ru/article/2008/07/17/china/>

Бергер Я. М. Экономическая стратегия Китая. М.: Форум, 2009.

Ван Пэй. Экспортный сектор в модели экономического развития КНР: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2010.

Гельбрас В. Г. Китай: «У пчелы спина полосатая, но тигром ее не назовешь» // Вопросы экономики. 2003. № 3. С. 61–75.

Гринин Л. Е. Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям? // Век глобализации. 2009. № 2. С. 117–140.

Гринин Л. Е. Ждут ли мир глобальные перемены? // Вестник РАН. 2011. № 4. С. 325–330.

Кульпин-Губайдуллин Э. С. Китайский вызов: пределы роста // История и современность. 2010. № 2. С. 140–143.

Луконин С. А., Михеев В. В. Китай и глобальный кризис. Тихоокеанская Азия: экономические и политические последствия глобального финансового кризиса / под ред. В. Б. Амирова, Е. А. Канаева, В. В. Михеева. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 6–19.

Мельянцева В. А. Экономический рост Китая и Индии: динамика, пропорции и последствия // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 9. С. 18–25.

Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. М.: Европа, 2009.

Михеев В. В. Китай. Мировая экономика: прогноз до 2020. Мировая экономика: Прогноз до 2020 года / под ред. А. А. Дынкина. М.: Магистр, 2008. С. 303–329.

Фишер Й. Китай как сверхдержава [Электронный ресурс] : 2011. URL: <http://www.csef.ru/studies/politics/projects/china/articles/1768>

Хуан Я. Капитализм по-китайски. Государство и бизнес. М. : Альпина Паблишерз, 2010.

Ху Аньган. Чем объясняются высокие темпы развития китайской экономики? // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 1. С. 34–42.

Berthelsen J. Is This the China that Can't? 2011. Asia Sentinel 18 May [Электронный ресурс]. URL: http://www.asiasentinel.com/index.php?option=com_content&task=view&id=3200&Itemid=422%20

Eichengreen B. Slowing China. Project Syndicate. 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/eichengreen28/English>

Wang H. H. Myth of China as a Superpower. 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://helenhwang.net/2010/04/myth-of-china-as-a-superpower/>

World Bank 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator>

Zakaria F. The Post-American World. New York, NY : Norton, 2009.

ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС: НЕОБХОДИМОСТЬ НОВЫХ ПРИНЦИПОВ, ИНСТИТУТОВ, ЦЕННОСТЕЙ

Ганчев П.

д. ф. и д. полит. н., профессор, посол,
председатель Геополитического центра Евразия – София.
E-mail: petko_ganchev@abv.bg

Исходя из концепции о том, что после 90-х гг. XX в. процессы глобализации как объективные, исторически закономерные процессы наднациональной интеграции современного человечества протекают в соответствии с принципами идеологии неолберализма, автор показывает масштабы разразившегося глобального кризиса капитализма, на фоне которого переживаемый человечеством после 2008 г. финансово-экономический кризис является только верхушкой айсберга, угрожающего будущему цивилизации и вообще жизни на Земле. Основываясь на опыте переломных исторических эпох, автор указывает на необходимость разработки новых принципов, институтов и ценностей, которые позволят человечеству справиться с угрозами, вставшими на пути его будущего.

Ключевые слова: *глобализация, глобальный кризис, принципы, институты, ценности, глобальные проблемы, терроризм, экология, финансово-экономический кризис.*

Proceeding from the concept that after the 1990s the processes of globalization as objective and historically determined laws of supranational integration of the contemporary humankind are taking neoliberal course, the author reveals the large scale of the global crisis of capitalism, for which the current financial and economic crisis after 2008 is only the top of the iceberg, threatening the future of the civilization and life on the Earth in general. Basing on the evidence of the turning points of the human history, the author points out the need for development of new principles, institutes and values which will enable the mankind to cope with the threats for its future.

Keywords: *globalization, global crisis, principles, institutions, values, global issues, terrorism, environment, financial-economic crisis.*

Уже несколько десятилетий самые видные умы человечества непрерывно напоминают, что цивилизация зашла в тупик, в зону глобального риска. Это стало очевидно не только ученым и политическим обозревателям, но и простым людям, особенно после разразившегося в 2008–2011 гг. глобального финансово-экономического кризиса. К сожалению, инерция исторического движения, алчные экономические и финансовые интересы мощных транснациональных структур, пустой оптимизм мировых политиков, глупость и невежество миллиардов людей непрерывно усугубляют эту критическую ситуацию, уничтожая факторы нормальной жизни на Земле и перспективы цивилизации.

Век глобализации 2/2012 62–78

В силу каких причин цивилизация оказалась в такой ситуации, когда ставится под вопрос не просто будущее тех или иных народов и государств, как уже неоднократно происходило в истории человечества, но будущее самой цивилизации, самого человечества?

Хорошо известно, что после Второй мировой войны (1939–1945 гг.), когда были применены на практике многие технологические открытия и были созданы такие международные институты и организации, как ООН, МВФ, МБ и т. д., наступил новый этап исторического развития человечества – этап глобализации. Но это развитие разворачивалось в двух вариантах: а) либерального капитализма с центром в США; б) государственного социализма с центром в СССР в соответствии с идеологиями либеральной демократии и коммунистического интернационализма. Эта эпоха глубокой конфронтации и противостояния, характеризующаяся как эпоха холодной войны, закончилась крахом государственного социализма, не сумевшего своевременно реформироваться из-за профессиональной непригодности коммунистической номенклатуры. Таким образом, в начале 90-х гг. XX в. остался только вариант либерального капитализма, развернувший новый этап глобализации. За короткое время были созданы наднациональные и надгосударственные сети финансового, экономического, информационного, военного, политического и прочего характера. К сожалению, этот объективный закономерный процесс интеграции всего человечества в одну систему протекал под знаменем неолиберальной идеологии, созданной США в начале 80-х гг. В этом смысле, как признавали многие американские геополитики, глобализация происходит в интересах Соединенных Штатов, которые в качестве единственной суперсилы должны контролировать глобализационные процессы как политическими, финансовыми, экономическими, информационными, так и военными средствами. По циничному выражению некоторых американских стратегов, «вслед за Макдональдсами должны идти Макдугласы». За прошедшие годы мы видели это не раз – от Югославии и Ирака до Ливии и так называемой Арабской весны, которая еще не завершилась. Некоторые аналитики не без оснований ожидают развертывания этого «управляемого хаоса».

Хотя цель глобализации «по-американски» – установить полную гегемонию США и их верных союзников из НАТО, к которым присоединились «новые вассалы» атлантизма из Восточной Европы, она не привела к решению ни одной из серьезных глобальных проблем прошлого, а напротив, углубила их и породила новые проблемы, которые могут обернуться катастрофическими последствиями для всего человечества.

I. Глобальная социэкономическая ситуация и проистекающие из нее глобальные угрозы и вызовы

Конечно, эти проблемы не являются результатом только лишь современной эпохи. Они стали продолжением установившегося еще в глубокой древности неравновесия между различными региональными цивилизациями и внутри составляющих их государственных образований, а также социальных групп и общностей. В этом смысле человечество никогда не находилось в гомеостазе – в гармоничном, динамичном равновесии. Но в предыдущие эпохи в силу своей разрозненности в геопространстве отдельные регионы и региональные цивилизации функционировали с собственным технологическим, экономическим, политиче-

ским и социальным ритмом, устанавливали свои ценностные системы, выбирали в соответствии со своей культурой и политическими интересами те или иные религии, которые, в свою очередь, укрепляли установленные политические институты и моральный порядок. Все это не создавало глобальных угроз для всего человечества, для его перспектив, хотя иногда исчезали целые народы и государства, огромные пространства становились пустынями. Но сегодня, в современную глобальную эпоху, когда созданы эффективные коммуникационные и информационные средства, когда открыты новые энергетические источники и заработали мощные индустриальные комплексы, а цивилизация, по существу, стала похожа на одно огромное поселение, эти глобальные неравновесия ощущает каждый житель планеты Земля. В этих условиях именно глобализированные экономика, политика и социальная сфера уже в качестве геоэкономики и геополитики экспоненциально усиливают унаследованные от прошлого неравновесия во всей системе общественных и международных отношений. Капитализм угрожает взорвать всю планету, уничтожить жизнь на Земле. Сегодня именно эти глобальные неравновесия в виде различных противоречий и конфликтов формируют разные настроения и мотивы и мобилизуют на протестные действия миллионы людей на Земле. Но это, к сожалению, только усиливает и умножает нестабильность, при которой раздробленное человечество не имеет возможности справиться с глобальными угрозами и все больше будет втягиваться в глобальные конфликты и катаклизмы.

Можно категорически утверждать, что первое и ведущее неравновесие современной цивилизации, которое, взаимодействуя с остальными, усиливает их синергетический эффект и, по существу, лежит в основе всех угроз для международной и национальной безопасности, – это социальное неравновесие, неравенство между богатыми и бедными народами и группами населения.

О неравенстве между странами бедного Юга и богатого Севера начали говорить еще в 70-е гг. прошлого века в сериях докладов Римского клуба и в докладах Комиссии ООН, известной как Комиссия Брандта. В то время разница в доходах на душу населения между 20 % самых бедных и 20 % самых богатых государств была 1:13. В конце 80-х гг. эта разница была уже 1:61, а в середине 90-х гг. превысила 1:74. По данным Зигмунта Баумана и Майкла Джейкобса [Бауман 1999: 94; Jakobs 1991: 34], еще в начале 90-х гг. 85–86 % мирового населения пользовалось только 15 % мирового богатства, а 14–15 % населения мира в богатых странах распоряжались остальными 85 %. Эти тенденции устойчивы и по сей день, несмотря на все попытки некоторых мировых лидеров помочь бедным странам. Также очень тревожен тот факт, что большинство бывших европейских стран социализма, в том числе Россия, Украина, Армения, Грузия, Латвия, тоже потеряли статус среднеразвитых индустриальных стран.

В последние десятилетия в результате вызванного неолиберализмом потребительского бума наблюдалось улучшение уровня жизни в ряде стран и в то же время катастрофический упадок в Бангладеш, Сомали, Афганистане, Йемене, на Гаити и многих других. К упомянутым государствам приближаются ряд бывших соцстран, таких как Албания, Молдова, Болгария. Так, например, Болгария с 28-го места в мире по индексу человеческого развития в 80-е гг. за последующие два десятилетия откатилась на 68-е. В середине первого десятилетия XXI в. данные Мирового банка указывали, что больше 2,8 млрд людей на планете живут менее

чем на 2 доллара в день, а 1,25 млрд – менее чем на один доллар. Миллиарды не имеют понятия о том, что такое питьевая вода, туалет и другие элементарные средства для жизни.

Приведа данные Доклада ООН о человеческом развитии на конец XX в. (Human Development Report), в соответствии с которым 358 «глобальных миллиардеров» являются обладателями богатства, равного совокупным доходам 2,3 млрд самых бедных людей на планете, В. Киген заключает: «Если (как отмечает один американский критик) эти 358 решат сохранить для себя по 5 миллионов долларов каждый, чтобы содержать себя, а все остальное раздадут, они могли бы удвоить годовые доходы почти половины жителей Земли» [Keegan 1996: 23]. За период с 1979 по 1993 г. реальные доходы 10 % представителей самых бедных слоев населения мира уменьшились почти на 20 %, а у самых богатых возросли на 61 %.

Не пускаясь в долгие теоретические объяснения причин бедности, которые в большинстве своем и так известны, мы только отметим, что до 80-х гг. XX в. капитализм был вынужден, приспосабливаясь к конкуренции с социализмом, тоже социализироваться. Новая волна антикоммунизма, поднятая М. Тэтчер и Р. Рейганом, возродила экономический и финансовый консерватизм в его неолиберальном варианте. Таким образом, возвращаясь к своим классическим «манчестерским» корням, капитализм в условиях глобализации утвердил фундаментальную маркетизацию, которая буквально разрушила мировую экономику и систему социальной защиты миллиардов людей за счет огромных прибылей финансовых корпораций. Финансовые механизмы ипотеки и кредитов стимулировали невиданное до сих пор потребление, но это оказалось новой формой закабаления миллионов людей. По данным Мирового банка, прибыли мировых финансовых структур за 2008 г., то есть на начало мирового финансово-экономического кризиса, составляли 40 %, но уже к 2011 г. они превысили 70 %, в то время как сотни миллионов людей впали в глубокую нищету.

Очень точно о катастрофических последствиях антигуманного экономического роста, основанного на философии потребления, писал в одном из первых докладов Римского клуба лауреат Нобелевской премии по экономике голландский профессор Я. Тинберген. Он утверждал, что в попытках человечества построить новый мир (основанный на социальной справедливости и находящийся в динамичном равновесии с природой) нельзя основываться исключительно на философии экономического роста и материального богатства. Опыт производящих стран показал, что даже беспримерный экономический рост не обязательно ведет к росту общественного равенства и распределения власти. История промышленно развитого мира часто несет печать недальновидного использования науки и техники и пренебрежения социальными последствиями, сопровождающими научно-технический прогресс. Типичная для богатого мира идеология роста проявилась как стимул сверхпотребления товаров. Стремление к количеству и расхищение ресурсов отодвинули проблемы справедливого распределения материальных благ и качества жизни на второй план. И мы все больше убеждаемся в том, что забота главным образом об экономическом росте оказывает разрушительное воздействие на мораль и нравственность, что философия, которая лежит в основе мании потребления, угрожает самым важным человеческим ценностям [Тинберген 1980].

Каковы же, на наш взгляд, основные последствия бедности и доминирующей в общественной атмосфере почти всех стран мира, за малым исключением, идеологии неолиберализма?

Бедность – одна из самых глубоких причин нравственной деградации личности и массовой, нарастающей высокими темпами преступности в современную эпоху. Ничто не угнетает личность так сильно, как бедность. Перед угрозой смерти от голода отступают всякие ценности. И если в прежние эпохи бедность была «закрыта» в локальных и региональных пространствах цивилизации, то сегодня она является «информированной бедностью», которая толкает бедняков на различные преступления. Масштабы преступности в современном мире поражают.

Направления и формы этой криминализации самые разные: торговля людьми, оружием, наркоторговля, коррупция. Все это реализуется в глобальных сетях нового глобального, но преступного и подпольного мира, который функционирует с помощью незаметных для официальных властей каналов, зачастую срачиваясь с государственными и экономическими структурами. Сотни миллиардов долларов и евро отмываются по каналам этого преступного мира, и никакие силы не в состоянии остановить эту деятельность, потому что в сетях коррупции оказываются не только суд и полиция, но также влиятельные политики и государственные чиновники. Так, например, американская мафия каждый год получает от наркоторговли свыше 300 млрд долларов. А война в Афганистане, которую ведут США и их союзники из НАТО, привела к тому, что производство опиума за это время возросло вдвое. Это только один из моментов так называемого «управляемого хаоса», идею которого подал экс-президенту Дж. У. Бушу один из его советников.

Современная бедность является благоприятной средой для различных левых и правых радикальных движений, которые в соответствии со своими революционными идеологиями и утопическими проектами стремятся разрешить проблемы бедности через перераспределение богатства богатых или посредством жестокой диктатуры. История человечества от древности до наших дней наряду со всем остальным является также и историей борьбы за власть, переворотов и революций. Очень часто катастрофические результаты подобных социальных потрясений вынуждали общество возвращаться к исходным началам, чтобы решить те проблемы, которые не удалось разрешить радикальным путем. Для многих бывших социалистических стран переходом от государственного социализма к так называемым демократии и рыночной экономике оказались такие «революции», которые отбросили их далеко назад, в условия криминального капитализма.

Но если стремление к классическим революциям и социальным переворотам в наши дни сведено к минимуму и возникает только в некоторых латиноамериканских и азиатских (в том числе арабских) странах, то одним из самых страшных явлений, связанных с бедностью, остается современный национальный и международный, глобальный терроризм.

Цели терроризма самые разные: изменить политический и социальный строй, утвердить ту или иную идеологию, дестабилизировать положение в данной стране или регионе, контролировать правительства, уничтожить конкретных политиков или медийных персонажей, вынудить правительства или компании выплачивать большой выкуп за похищенных людей и т. д. Как свидетельствует Г. И. Морозов [1997], еще в начале 90-х гг. прошлого века в мире насчитывалось свыше 500 террористических групп и организаций, исповедующих экстремистские религиозные, левые или правые идеологии. Только в последние десять лет эти группы совершили более 6500 актов международного терроризма, в которых пострадали свыше 20 000 людей.

Нет необходимости снова упоминать обо всех самых страшных терактах в России, Испании, Англии, США, Ираке, Иране, Пакистане и т. д., в которых количество жертв измерялось сотнями, а то и тысячами человек. География этого терроризма, создавшего свою глобальную сеть, охватывает сегодня все континенты, но его ядро находится прежде всего в Афганистане и Пакистане, в Ираке и Йемене, в Палестине (Сектор Газа), на российском Кавказе (Чечня, Ингушетия, Дагестан). Главным идейным зарядом для большинства террористических групп является фундаментальный и экстремистский ислам, а ведущей структурой – Аль-Каида («Основа»), созданная саудовским миллионером Усамой бен Ладеном. Эта структура, которая направлена против христианства и прежде всего против Запада и его центра – США, была создана (под названием «Бригада 055») и поддержана в 1970-е гг. именно Соединенными Штатами и Саудовской Аравией во время их противостояния с Советским Союзом в Афганистане. Сегодня известно также множество фактов коррупционных связей саудовцев с администрацией бывшего президента США Джорджа У. Буша [Ганчев 2002: 77].

Если из списка террористических групп изъять баскских сепаратистов (Испания), греческих левых экстремистов и партизанские структуры в Колумбии, то все остальные, организованные в единую мировую сеть, исповедуют фундаменталистский и экстремистский ислам. Таким образом, страны ислама, которые не успели в свое время модернизироваться и «застряли» в Средневековье, являются благодатной почвой, на которой формируются боевые экстремистские и террористические группы. Они под разными видами проникают в пространство христианских Европы и Северной Америки. Именно в странах ислама воспитывается ненависть к другим культурам, невзирая на то, являются они христианскими, индуистскими или буддистскими.

В проведенном в 2003 г. исследовании агентства «Гелап Интернейшнл», которое охватило 43 000 интервьюированных из 51 страны, представляющих мнения 1,1 млрд людей на планете, были получены следующие результаты: на вопрос об их безопасности 57 % ответили, что мир за последние десять лет стал более опасным. Только 22 % чувствуют себе в безопасности, как и раньше. 27 % интервьюированных считают свою национальную безопасность стабильной, но 37 % думают, что живут под угрозой [Behrendt, Gartzke 2004: 50].

Известно, как мировая общественность ищет решения для нейтрализации этой глобальной опасности. По инициативе США в основном применяется сила, которая порождает еще более ожесточенное сопротивление, как случилось в Ираке и Афганистане. Таким образом, эта политика не дает результатов, потому что на место одного убитого террориста приходят десятки других, рожденных этой же бедностью и невежеством и готовых на самопожертвование во имя Аллаха...

Помимо угроз для национальной и глобальной безопасности, вызываемых бедностью, существуют и такие, как продолжающаяся милитаризация общественной жизни, нарушение демографического баланса в отдельных странах и во всем мире. Эти угрозы нельзя игнорировать, потому что они – часть системы глобальных неравновесий, стимулирующие производство и распространение оружия массового поражения в качестве иллюзорного средства обеспечения безопасности (Северная Корея, Израиль, Иран и др.). Демографический дисбаланс ведет к изменениям в культурных и государственных структурах современного мира по пути так называемой «биологической бомбы» – малочисленные группы за счет

большой рождаемости притесняют основной государствообразующий этнос (пример – Косово, Сербия). Именно бедность и демографический дисбаланс являются основными причинами нарастающих потоков мигрантов из стран Азии, Африки и Латинской Америки в Европу и Северную Америку. Эти процессы сопровождаются множеством негативных эффектов, поскольку большая часть мигрантов не интегрируется в культуру принимающей страны и превращается в потенциальных преступников и террористов.

Проповедуемый идеологами неолитерализма мультикультурализм потерпел фиаско в Европе, и это были вынуждены признать как теперь уже экс-президент Франции Н. Саркози, так и премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон.

Важно подчеркнуть, что бедность является не только причиной неравновесия внутри общественных систем, а также в международных отношениях, но и результатом экологического неравновесия, которое характерно для современного этапа отношений природы и общества.

В своей книге «К критике политической экономии» (1859 г.) К. Маркс говорит, что отношения между людьми в обществе – социальные, экономические, политические и иные – зависят от их отношения к природе. В условиях глобальной эпохи и потребительского капитализма этот тезис звучал бы следующим образом: формы экономических, политических, социальных и других отношений между людьми и между отдельными народами и государствами являются следствием их отношения к природе.

Если глобальное социальное неравновесие, вызванное противоречием между бедностью и богатством и выражающее противоречие между социальными структурами общества в масштабах всего человечества, можно поддерживать с помощью различных информационно-манипулятивных и репрессивных средств, то глобальное неравновесие между нынешней формой цивилизации и возможностями биосферы Земли для воспроизводства себя как целостной, сбалансированной на всех уровнях системы, это глобальное противоречие между человечеством и природой, нельзя поддерживать бесконечно. Здесь есть границы, переход которых будет означать разрушение формировавшихся в течение миллионов лет физического, химического и биологического геобаланса, вызовет катастрофические последствия и неминуемую гибель цивилизации. Нам предстоит тяжелый и драматичный переход к новым принципам и новым фундаментальным ценностям, и если цивилизация хочет выжить, она должна радикальным образом сменить свое отношение к природе так, как это сделали наши далекие предки 40–50 тыс. лет тому назад [Состояние... 2003].

Современные процессы разрушения, загрязнения, истощения и уничтожения окружающей среды очень разнятся. Они поражают воображение своими угрожающими масштабами, темпами и тенденциями. Так, огромные пространства вокруг мегаполисов превращены в мусорные свалки. Прибрежные зоны рек и морей загрязнены отходами человеческой деятельности. Каждый год сотни миллионов загрязняющих веществ выливаются в моря и океаны, умерщвляя их флору и фауну.

Главной причиной созданного глобального неравновесия и противоречия с природой являются неконтролируемый экономический рост, философия беспредельного господства человека и неуемность его потребления. Тон в этом процессе задают богатые индустриальные страны, и прежде всего США. Дж. Кремер

и К. Джонсон [Kramer, Johnson 1996: 76] пишут, что США, чье население составляет 4,7 % населения мира, потребляют 25 % мировых ресурсов. США импортируют около 50 % потребляемой в этой стране нефти и собираются довести это количество до 100 % в последующие 10–15 лет. Не явилось ли это одним из главных мотивов начала войны против Ирака в марте 2003 г., хотя истинные причины и скрывались за фасадом идеологической риторики и обвинений в разработке этим государством оружия массового поражения? Проблема Ирака, как сказал в те годы главный идеолог этой агрессии, бывший вице-президент Ричард Чейни, могла быть сформулирована одним словом: нефть. Именно в соответствии с собственными экономическими потребностями, связанными прежде всего с источниками энергии (нефть и газ), американские национальные интересы простираются на все регионы Земли, где находятся такие источники. Страх, чтобы ими не овладела другая «глобальная сила», заставляет американскую геополитику предпринимать те или иные авантюры все глубже в хартленде Евразии. Каждой такой аванюре предшествует какой-нибудь конфликт в данном регионе, хорошо спланированный американскими спецслужбами.

Последствия высоких показателей потребления природных ресурсов многосторонни. В частности, факторы, которые воздействуют на формирование климата нашей планеты и его изменения, различны, но, наверное, самый существенный – это эмиссия углеродного диоксида в атмосфере. По данным Института Worldwatch, мировые эмиссии углеродного диоксида в атмосфере, вызванные транспортными, индустриальными и энергетическими причинами, ежегодно составляют 33–34 млрд т. Леса и океанский планктон не успевают переработать даже половину этой массы. В итоге порядка 20 млрд тонн накапливаются в атмосфере и вызывают изменения климата на планете. Таким образом, неслучайно за последние годы мы наблюдаем невиданные в прошлом в этих местах тайфуны, летнюю жару, наводнения, засухи. И в данном случае самыми крупными загрязнителями атмосферы являются развитые индустриальные страны и такие государства с быстро развивающейся экономикой, как Китай, Индия, Бразилия и др. Лидер здесь вновь США, которые производят четверть мировых эмиссий углеродного диоксида, то есть 8,33 млрд т ежегодно. В то же время самая мощная индустриальная держава, по сведениям Жака Атали, потребляет в три раза больше кислорода по сравнению с находящимся и производящимся на ее территории. Не так давно США, Китай и другие страны – основные загрязнители атмосферы не стали подписывать Киотский протокол. Состоявшийся в ноябре 2011 г. очередной саммит по климату снова не принял согласованных решений по регулированию углеродного диоксида и применению санкций к нарушителям. Как и прежде, столкнулись интересы бедных и богатых стран, и все решения снова оставлены на будущее...

Эмиссии диоксида и другие загрязняющие окружающую среду выбросы формируют и второй значительный климатообразующий фактор, а именно – состояние арктических и антарктических льдов и ледников на планете. Ситуация очень тревожная, потому что в последние десятилетия здесь наблюдается тенденция к быстрым переменам.

Проводимые в последние 50 лет эхолокационные исследования показали, что толщина летнего полярного льда уменьшилась на 40 %. Это является не просто таянием льда летом, а непредсказуемым процессом изменений ледяных покровов

планеты. Если эта тенденция продолжится, то вполне вероятно, что в середине XXI в. летом Арктика окажется вообще без льда. С одной стороны, это откроет возможности транзитного водного сообщения между Европой и Японией, но в то же время вызовет непредсказуемые эффекты в «поведении» земного климата. Как отмечают ученые Института Worldwatch, осуществленные недавно научные исследования показали, что «арктический лед является основной частью “двигателя” мощного океанского конвейера – теплого Гольфстрима, обеспечивающего Северной Европе сравнительно умеренный и стабильный климат, который создал для европейского общества возможность дальнейшего развития. Нарушение течения Гольфстрима, вполне вероятно, привело бы к самым радикальным переменам климата Европы со времен последней ледниковой эпохи. Но так как Гольфстрим является доминантной величиной в глобальной циркуляции океана, каждая перемена в его траектории вызовет цепную реакцию по всему миру. Кроме того, когда ледниковая поверхность Земли существенно уменьшится, ускорятся процессы потепления» [Состояние... 2001: 25–26].

Не надо забывать, что таяние льдов происходит не только в Арктике, но и в Гренландии и Антарктиде. Недавно было замечено, что самое мощное океанское течение Эль-Ниньо нарушило свою ритмичность, а это в свою очередь становится причиной суровых зим в прибрежных зонах Латинской Америки, частых ураганов, продолжительной засухи. На самом деле элементы всей геосистемы находятся в синергическом взаимодействии.

Из всех последствий многосторонней человеческой деятельности по отношению к природе особенно опасна тенденция загрязнения Мирового океана и уничтожение этой «колыбели жизни» на нашей планете.

Мировой океан является не только источником огромного количества природных и биологических ресурсов, но также и главным генератором климата на Земле. Однако ведомое консервативной традицией и пагубной инерцией человечество каждый год выбрасывает в моря и океаны миллионы тонн свинца, цинка, кадмия, ртути, нефти, а также множество химических загрязнителей и детергентов. И это количество еще больше возрастает в случае морских катастроф или военных операций. До сих пор не оценены масштабы вреда, причиненного экологии в рамках операций «Буря в пустыне», «Лиса пустыни», «Решительная сила» в Ираке или военных конфликтов на Балканах. До сих пор не устранены последствия техногенных катастроф в Чернобыле и Фукусиме.

Загрязнение морей и океанов ведет не только к уменьшению биологического разнообразия флоры и фауны, но и к распаду коралловых рифов. Тенденции и скорость этого процесса шокируют. Как указывают ученые института Worldwatch, за последние два десятилетия уничтожены около 27 % мировых коралловых рифов – это на 10 % больше по сравнению с 1992 г. В биологическом разнообразии коралловые рифы уступают только лесам, а потому эта потеря приведет к утрате множества видов растений и животных [Состояние... 2002: 28].

Конечно, перемена климата в результате загрязняющей и истощающей окружающую среду человеческой деятельности наиболее сильно затрагивает бедные страны, так как технологии и возможности экологически чистого производства находятся в распоряжении высокоразвитых стран. Однако последние, к сожалению, следуя неолиберальным экономическим моделям производства и потребле-

ния, не только беспредельно потребляют, но и столь же активно загрязняют окружающую среду.

Ландшафт Земли радикально меняется. В результате недальновидной хищнической деятельности человека на сегодняшний день погибло свыше 40 % тропических лесов – «легких планеты». Уничтожение лесов идет высокими темпами повсюду в мире – 20 га в минуту. Быстро и безвозвратно уничтожаются не только леса в бассейне Амазонки, но и в Сибири, а также повсюду, где существуют лесные массивы. Это происходит как посредством вырубки, так и по причине тысяч лесных пожаров – в США, Австралии (2008 г.), Греции (2001 г.), России, Франции и т. д. Площадь лесных массивов за время существования цивилизации уменьшилась на 37 % [Федотов 1995: 50].

Рыночный фундаментализм, который установился по всей планете, уничтожает леса Земли. Хуже всего сегодня дело обстоит в таких странах, как Эфиопия, Буркина-Фасо и т. д., где только за последние несколько десятилетий леса, занимавшие в этих странах до 40 % их территории, были сведены к 1 %. Нужно ли тогда удивляться ужасным засухам и потрясающей бедности в этих странах?

Последствий обезлесения много, и они чрезвычайно разнообразны. Это не только продолжительные засухи, но и различные катаклизмы в период дождей, а также гибель многих животных и растений, связанных с лесной экосистемой.

Все это происходит, потому что люди не осознают органичной связи между состоянием природы и экономикой. Здоровая и эффективная экономика может развиваться только на основе здоровой природной среды. Мировой саммит в Рио-де-Жанейро в 1992 г. отметил основополагающее значение естественной природной среды для успешного развития экономики. Эта идея была поддержана в 1997 г., когда эколог-экономист Роберт Констанца и его коллеги определили стоимость «услуг природы» – способность корней деревьев поддерживать почву и мангровых деревьев предохранять сушу от наводнений – это минимум 33 триллиона долларов в год, что почти в два раза больше, чем брутто валового мирового продукта (БВМП) в 2000 г. [Состояние... 2001: 21–22] и половина мирового ВВП за 2010 г.

Перечисление урона, который сегодня наносит окружающей среде человечество и прежде всего развитые индустриальные страны, можно продолжать, приводя множество других данных, но и тех, которые уже приведены, достаточно для того, чтобы понять: глубокое неравновесие между человеческим обществом и природой может привести не только к краху технологических и культурных достижений цивилизации, к ликвидации всех систем безопасности, выживания и прогресса, но и к распаду генома человека и исчезновению человека разумного (*Homo sapiens sapiens*) [Ганчев 2007]. Все чаще потрясающие человечество глобальные экономические, финансовые и социальные кризисы и разрушительные природные бедствия, не дающие ему оснований для спокойного существования и созидания, указывают на то, что всю существующую систему безопасности человечества необходимо радикальным образом перестраивать. Разразившийся летом 2008 г. в США финансово-экономический кризис быстро охватил Европу и весь мир. И с каждым годом становится все более очевидно, что это не очередной кризис, вызванный экономическими просчетами, а, по существу, глобальный кризис капитализма, который не просто транжирит ресурсы Земли, но своим бесцеремонным вмешательством в природу угрожает будущему всего человечества.

II. Необходимость радикальных перемен и утверждения новых принципов, институтов и ценностей современного человечества

Как уже было сказано выше, только на основании масштабов экологического кризиса ряд авторитетных ученых заключают, что Земля и человечество вступили в зону экологической катастрофы [Данилов-Данильян и др. 1994]. Добавим к этому ужасающему выводу тот факт, что, невзирая на свои финансовые и технологические возможности, человечество не ищет приемлемого выхода из сложившейся ситуации и поэтому его перманентно сотрясают насилие, преступность, терроризм, коррупция, войны. К сожалению, все решения так называемых мировых лидеров, принятые в последние годы на саммитах «Семерки», «Восьмерки», «Двадцатки» и т. д., показывают, что они, как заколдованные, вертятся в кругу неолиберальных подходов и все принимаемые ими решения носят лишь паллиативный характер, в то же время подводя человечество к еще более глубоким потрясениям. Это, без сомнения, означает, что капитализм исчерпал потенциал политических и экономических форм управления, показал безнравственность своих ценностей и стоит перед необходимостью срочных радикальных, революционных перемен, или человечество ожидают неизбежная деградация и постепенная гибель.

Причины этих глобальных социальных и экологических угроз для человеческой цивилизации кроются в бесконтрольном экономическом росте, основанном на философии господства и потребления, на принципах рыночной экономики. Это беспредельное господство ТНК и финансовых корпораций, чья главная цель – прибыль и нажива; доминирующие консервативные принципы и ценности различных религий и культур, сформированные еще в древнюю эпоху; неконтролируемый демографический рост; сращивание официальной политики с подпольным преступным миром, и не в последнюю очередь это национальный эгоизм развитых индустриальных стран, чьи богатства были накоплены в прежние времена с помощью протектората и колониального господства над теми же неразвитыми народами.

Можно обобщить угрозы, вызовы и опасности, которые встают перед человечеством, как это делает Крис Брейт в книге «Состояние планеты-2003», и дополнить их:

«Во-первых, мы живем в мире, в котором все больше людей не располагают средствами для достойной жизни.

Второе – наш мир находится в процессе глубоких геохимических изменений.

Третье – наш мир все больше подвергается рискам, связанным с токсичными химикатами.

Четвертое – по многим критериям наш мир находится в состоянии экологического упадка» [Состояние... 2003: 29].

Добавим, пятая угроза – это огромный разрыв между богатством и бедностью, что так или иначе вызывает дисбаланс в развитых и неразвитых странах.

Шестая угроза – глубокое социальное неравновесие вызывает и стимулирует преступность, насилие и терроризм во всех их формах.

Седьмая угроза – упорное следование устаревшим принципам и ценностям морали, утвержденным в прежние времена национальными религиями, угрожает глобальным столкновением и катаклизмом цивилизации.

Все эти угрозы, вызовы и опасности, которые связаны между собой и в своем взаимодействии синергетически усиливают негативные последствия деятельности человека, являются результатом действующей и ныне модели исторического развития человечества и применяемых сегодня критериев прогресса цивилизации.

Все это позволяет убедиться, насколько ненадежен экономический подход, рассматривающий внутренний валовой продукт (ВВП) как основной критерий социального прогресса современных обществ. В то же время не следует забывать о том, что экономическая основа общества является мерой его реальных возможностей, но совсем не показателем реального распределения богатства и возможности для свободного развития всех членов общества. К сожалению, многие современные государства в своей организации и управлении хозяйством следуют модели неолитерализма в соответствии с так называемым Вашингтонским консенсусом, аргументируя свой выбор высокой степенью экономического развития США. При этом всегда забывают, что Соединенные Штаты – продукт специфической истории и обстоятельств в определенную эпоху, когда вообще не шла речь о современных глобальных угрозах, и в этом смысле их пример уникален, но не универсален и поэтому не подходит для других государств и обществ, у которых другие исторические и культурные традиции и идентичность.

Об абсурде, который мог бы получиться, если бы все страны достигли уровня производства и потребления США, пишут М. Карли и Дж. Кристи: «Ясно, что материальное потребление нельзя универсализировать, потому что нужно огромное наращивание материального производства. Чтобы универсализировать нынешний стандарт, нужно, чтобы производство выросло в сто тридцать раз» [Carley, Christie 1993: 50]. Нельзя даже представить себе, что получится, если производство и потребление вырастут в таких масштабах, но ясно, что экологическая катастрофа на планете разразится задолго до достижения этих показателей. Таким образом, идеал гедонистического неолитерализма, который предлагают человечеству Соединенные Штаты, ведет к самоубийству цивилизации и всего человечества. Пришло время, когда людям нужно выработать себе другие идеалы, которые находились бы в соответствии с возможностями планеты.

Взгляд на историю человечества дает нам ответ, что нужно делать в такой ситуации.

Выходом из первого глобального кризиса, разразившегося в эпоху палеолита, когда происходило радикальное изменение климата на Земле, человечество сделало своим переходом к неолиту. Неолитическая революция дала толчок не только к созданию новых средств труда, но и к новым социальным структурам, к появлению земледелия, скотоводства, городов и государств, к возникновению цивилизаций.

Глобальный кризис древних цивилизаций, который достиг пика в эпоху римского господства в бассейне Средиземноморья, вызвал к жизни христианство – первую мировую религию с главенствующим принципом человеколюбия.

Рождение исламской цивилизации в VII в. тоже было связано с утверждением исламской религии в качестве основного, глобального принципа успеха всей человеческой деятельности, успеха жизни.

По существу, все большие религии (индуизм, буддизм, даосизм) как особая форма культуры древних цивилизаций тем или иным образом утверждали в качестве главных основ человеческой жизни принципы свободы и долга. Именно сво-

бода и долг, если проследить историю мировой культуры, являются тем стержнем, вокруг которого строится вся культура, особенно ее духовные формы.

Принципы гуманизма, свободы и долга, справедливости и солидарности, принципы успеха – именно на их основе развернулись Ренессанс, Реформация и Просвещение, чей синтез породил дух капитализма, вначале как уникальной формы цивилизации, а впоследствии – как универсальной. Но эволюция капитализма привела к его глубоким деформациям, и главными принципами давно уже являются не свобода, долг и гуманизм, а нажива, прибыль, удовольствие. Это стало особенно ясно в течение последних двух десятилетий, когда в качестве глобальной идеологии глобального капитализма выступает национальная капиталистическая идеология неолиберализма, продукт особых исторических условий и обстоятельств [Bell 1976].

Политика неолиберализма привела к глубоким деформациям системы ценностей всех народов и цивилизаций. Социологический опрос, проведенный в начале 90-х гг. XX в., показал, что из опрошенных нескольких десятков тысяч человек на всех континентах, представляющих все региональные культуры, большинство западноевропейцев отдавали первенство свободе как высшей ценности, далее шли дисциплина, работа и т. д. Восточноевропейцы ставили на первое место здоровье, потом любовь, далее работу; американцы, как и можно было ожидать, отдавали приоритет бизнесу, успеху, славе и т. д., индийцы ценили превыше всего долг по отношению к богам, предкам, семье и т. п., китайцы – долг по отношению к стране, малой родине, семье и др. Через 20 лет результаты нового социологического опроса показали, что превыше всего повсюду в мире ценятся деньги, удовольствие, а бизнес, свобода, любовь и т. д. следовали в конце группы ценностей. Доминирующий призыв всех реклам: «Здесь и сейчас!» Как говорится, комментарии излишни, потому что видно, насколько неолиберализм деформировал систему ценностей современных людей, особенно молодых поколений, а это еще один показатель того, что цивилизация отклонилась от своего магистрального развития, и за все это несет ответственность капитализм. Последний исчерпал свой позитивный потенциал, который обеспечил его исторический расцвет и из «разумного и действительного», по знаменитому афоризму Гегеля, стал «неразумным», хотя по-прежнему существует. Но сегодня уже ясно, что он должен сойти со сцены истории, чтобы открыть человечеству новые горизонты. В связи с этим – **первое**: нужна радикальная перемена принципов, на основании которых организуются и управляются общественные и международные отношения. Нужно раз и навсегда покончить с практикой господства сильных над слабыми и утвердить в качестве ведущих принципы, являющиеся одновременно и ценностями:

1. Принцип свободы. Это означает, что каждый народ должен утверждать демократическим путем и в соответствии со своими историческими традициями, национальной и культурной идентичностью собственную форму управления и организации общественной жизни, уважая свободу и права каждого своего гражданина, несмотря на его расовую, религиозную и этническую принадлежность.

2. Принцип ответственности – долга. Каждое правительство и каждая политическая сила, входящая в структуры власти в данной стране, обязываются принять на себя ответственность за обеспечение прав и свобод любого своего гражданина,

всякого народа, за сохранение мира и здоровой жизненной среды для благополучного существования в своем государстве как нынешних, так и будущих поколений.

3. Принцип справедливости. Каждое правительство и каждое государство обязаны относиться к другим правительствам и к другим государствам и религиям как к равным.

4. Принцип солидарности. Каждое правительство и каждое государство обязаны проявлять солидарность со всеми другими народами и государствами, попавшими в беду в результате природных бедствий и катаклизмов, оказывая им помощь в соответствии со своими возможностями.

5. Принцип субсидиарности. Каждое правительство и каждое государство обязываются соблюдать верховенство международных принципов и договоренностей над национальными и строить прозрачную систему управления, при которой все нижестоящие инстанции могли бы самостоятельно обеспечивать выполнение обязательств, находящихся в их компетенции, и передавать вышестоящим только те, с которыми они сами не в состоянии справиться.

Второе. Необходимо, чтобы структуры существующих международных и всемирных организаций были перестроены и созданы новые в соответствии с проблемами, которые надо решать.

1. Для самой авторитетной международной организации человечества – ООН настало время радикально изменить как свою структуру, так и принципы, на основе которых она проводит свою деятельность. Созданная после Второй мировой войны (в 1948 г.) Организация Объединенных Наций (ООН) была ориентирована на решение международных конфликтов прежней эпохи. Но эпоха коренным образом переменялась. Так что ООН не отражает реальностей современной глобальной эпохи, перемены в системе международных отношениях, появления новых глобальных и региональных игроков, новых угроз и вызовов международному сообществу, которые появились после холодной войны (в 1989–1991 гг.). Поэтому не случайно за эти десятилетия ООН потеряла значительную часть своего авторитета и превратилась в организацию «благих пожеланий», чьи решения и резолюции, как правило, не выполняются, а являются только пустыми призывами.

2. Предельно ясно, что в состав Совета безопасности нужно включить самые мощные экономические и политические силы современного мира. Это значит, что к пятерым постоянным членам Совета безопасности ООН должны добавиться Индия, Япония, Бразилия, ЮАР и Германия. Таким образом будет создана не только более полная представительность отдельных континентов и регионов, но, по существу, сформулирован более эффективный и авторитетный орган для принятия судьбоносных для человечества решений.

3. Созданные после Второй мировой войны Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк (ВБ), а также основанная в 1995 г. Всемирная торговая организация (ВТО) являются инструментами США, с помощью которых они влияют на мировую экономическую и финансовую систему. Во-первых, другим государствам нужно освободиться от этой зависимости, а во-вторых, многим странам необходимо уйти от навязанной им Вашингтонским консенсусом крайне либеральной политики и торговли в национальных и международных отношениях.

4. Необходимо выработать новую хартию сотрудничества и диалога.

5. В ответ на потребности как прежних, так и современной эпохи были созданы десятки организаций военного сотрудничества и безопасности, таких как НАТО, ОДКБ (Организация договора о коллективной безопасности) и т. д., которые, к сожалению, продолжают прежнюю линию в определении своих целей. Нужно, чтобы эти организации радикально поменяли свои цели и структуры и превратились в эффективные региональные сети системы международной и глобальной безопасности.

6. На фоне глобального финансово-экономического кризиса становится насущной необходимостью введение единой универсальной международной валюты под эгидой ООН, которая была бы важным инструментом установления справедливых международных экономических отношений и освободила бы человечество от диктата одной национальной валюты (доллар США).

Третье. Нужна радикальная перемена в принципах организации и функционирования системы общественных отношений в каждом обществе. В условиях глобальной тенденции к демократизации необходимо решительно демократизировать и социализировать общественные отношения.

1. Это означает, что нужно социализировать прежде всего доминирующую частную собственность, которая в соответствии с общественными и частными интересами должна реализоваться в коллективных, общественных формах и таким образом ограничить рыночный фундаментализм, который превращает каждую вещь, каждое благо в товар, что также углубляет неравенство и несправедливость.

2. Нужно экологизировать всю систему общественных отношений и провести экологическую революцию, которая создаст условия для коэволюции общества и природы. Это будет настоящий разумный ответ так называемого человека разумного.

3. Но чтобы быть эффективной, сама система организации и управления общества должна социализироваться и экологизироваться, делая сопричастными всех людей на Земле.

Конечно, все эти переустройства и трансформации, которые должны по-новому настроить систему общественной организации и управления, а также ее функционирование по отношению к природе и к самой себе, встретят яростное сопротивление всех тех групп и структур, которые являются носителями ныне действующей общественной и экономической модели организации и управления международными отношениями и всей цивилизацией. Более чем понятно, что эти силы Прошлого и исторической инерции общественной эволюции будут активно сопротивляться силам Будущего, которые единственные способны открыть новые перспективы цивилизации.

Четвертое. Необходимо восстановить роль государства в национальных и международных отношениях. С утверждением рыночного фундаментализма, глобализацией экономики и финансов роль государства в значительной степени уменьшилась, что в свою очередь стимулировало его противников постоянно требовать сужения его сферы деятельности и предоставления полной свободы для ТНК и других внегосударственных структур. В действительности в глобальную эпоху, когда разворачиваются процессы наднациональной интеграции, роль государства должна возрастать, но к нему должны предъявляться новые требования.

В изменяющемся мире государство тоже обязано изменить свои функции и из администратора превратиться в законодателя, стратега, координатора и судью.

Государство должно выполнить свою стратегическую роль в функционировании и развитии данного общества, включая его в глобальные сети, гарантируя при этом интересы своих граждан. В глобальную эпоху, когда исключительно высока роль науки и образования, государство должно обеспечить хорошее образование своим гражданам. И не в последнюю очередь в то время, когда происходит очень быстрая перемена климата на Земле, государство должно обеспечить устойчивое развитие экономики и доступное и качественное здравоохранение для всех своих граждан.

Пятое. Начатые в последние годы под воздействием происходящих событий реформы в некоторых областях не привели к решению проблем многих современных и прежде всего бывших социалистических обществ. Поэтому не случайно мировой финансовый и экономический кризис переживается ими наиболее тяжело. Однако этот кризис не только высветил сложнейшие проблемы во всей системе мирового капитализма, но и показал неспособность неолиберальных сил вывести эти страны из кризиса. И, конечно, самая катастрофическая ситуация сложилась в тех странах бывшего социализма, в которых рецепты неолиберализма применялись и продолжают применяться самым уродливым образом. Поэтому в заключение нельзя еще раз не подчеркнуть, что человечеству нужно освободиться от мертвой хватки неолиберальной и утвердить социализированную и экологизированную политику. Но для этого будут нужны научные и моральные аргументы и много политического мужества, необходимо восстановить фундаментальные ценности, которые вывели человечество из дикости на путь культурного, цивилизационного развития. Поэтому не на последнем месте здесь находится формирование политических сил будущего, которые должны во имя спасения цивилизации преодолеть сопротивление политических сил прошлого, к сожалению, задающих тон и в современной политике. Это противостояние должно начаться уже сегодня, пока не поздно, поскольку страшные вызовы и угрозы нависли над человечеством.

Литература

Бауман З. Глобализация. Последствия для человека (на болг. яз.). София, 1999.

Ганчев П. В битве за будущее. Мир и Болгария в глобальную эпоху (на болг. яз.). Варна, 2002.

Ганчев П. Глобализация цивилизации и необходимость новой формы философии // Вопросы философии. 2007. № 8. С. 160–165.

Данилов-Данильян В. И., Горшков В. Г., Мирский Ю. М., Лосев К. С. Окружающая среда между прошлым и будущим. Мир и Россия. М., 1994.

Кинг А., Шнейдер Б. Первая глобальная революция (на болг. яз.). София, 1992.

Морозов Г. И. Терроризм – преступление против человечества (международный терроризм и международные отношения). М., 1997.

Состояние планеты – 2001 (на болг. яз.). София, 2001.

Состояние планеты – 2002 (на болг. яз.). София, 2002.

Состояние планеты – 2003 (на болг. яз.). София, 2003.

Тинберген Я. Пересмотр международного порядка. М. : Прогресс, 1980.

Федотов А. П. От стихийного к управляемому устойчивому развитию человечества // Международная жизнь. 1995. № 7. С. 50–57.

Behrendt S., Gartzke U. 2004. Auf Suche nach einer neuen globalen Ordnung // Internationale Politik. 2004. No 2. S. 49–54.

Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N. Y., 1976.

Carley M., Christie J. Managing Sustainable Development. Minneapolis: University of Minnesota, Press, 1993.

Jakobs M. The Green Economy, Environment, Sustainable Development and the Politics of the Future. London, 1991.

Keegan V. Highway Robbery by Super-rich // The Guardian. 1996. 22 July.

Kramer J., Johnson C. Sustainable Development and Social Development: Necessary Partners for the Future in the Reality of the New Global Economy // Journal of Sociology and Social Welfare. 1996. Vol. XXIII. No 2. March.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ: ДВЕ ПАРАДИГМЫ РАЗВИТИЯ

Бондаренко В. М.

к. э. н., ведущий научный сотрудник Института экономики РАН,
директор Международного фонда Н. Д. Кондратьева.

E-mail: bondarenko@inecon.ru

В статье обосновано, что контуры будущего и настоящего можно понять при использовании авторской разработки – новой методологии познания закономерностей в развитии человеческого сообщества. Она позволила определить, что на всем многовековом протяжении развития человеческого сообщества существуют только две парадигмы развития человеческой системы. Циклы, кризисы, хаос и все негативные явления – естественный продукт второй, опосредованной парадигмы развития. Новая модель жизнеустройства на каждом местном уровне – это в то же время прежняя, первая парадигма развития, основанная на непосредственной взаимосвязи между производством и потреблением конкретного человека, но на новом, высокотехнологическом, уровне. Практическая реализация данной модели – это единственно возможное условие перехода к устойчивому бескризисному развитию.

Ключевые слова: *глобальные процессы, системный кризис, устойчивое развитие, новая методология познания, цель, конкретный человек, время, критерий эффективности, две парадигмы развития, согласование интересов, новая модель жизнеустройства.*

The article substantiates the thesis that the outlines of the future and present can be made visible and comprehensible by applying the author's findings – that is, the new methodology for cognition of regularities in the human community development. This methodology made it possible to define that there have been and still exist only two paradigms of the human system development in the entire centuries-long course of the human community development. Cycles, crises, chaos and all negative phenomena are nothing else but natural products of the second, indirect paradigm of development. The new model of life organization at each local level is at the same time the former, first development paradigm, based on the direct interconnection between production and consumption of a particular human being, but raised onto the new high-tech level. Practical realization of this model is the only feasible condition for the transition to sustainable and crisis-free development.

Keywords: *global processes, systemic crisis, sustainable development, new methodology of cognition, objective, particular human being, time, efficiency criterion, two development paradigms, coordination of interests, new model of life organization.*

Системный кризис, охвативший все стороны жизни глобального сообщества, становится все масштабнее и глубже. Лидеры стран «Большой двадцатки» так и не смогли определить причины и эффективные механизмы выхода из системного кризиса, дать точную оценку происходящим негативным глобальным процес-

сам. На пленарном заседании II Международного научного конгресса «Глобалистика-2011» крупнейший математик современности академик Аскар Акаев ярко продемонстрировал возможности математического моделирования глобальных процессов. В результате этих модельных расчетов на основе эмпирической информации о реальных процессах в прошлом был получен прогноз, в соответствии с которым в июле – августе 2011 г. предсказывалась вторая волна глобального кризиса.

Получается, что кризисы со всеми своими разрушительными последствиями неизбежны. Но так ли это? Можно ли их предотвратить? Почему так происходит? Это с одной стороны.

С другой стороны, главный парадокс XXI в. заключается в том, что, сближаясь в одном глобальном пространстве, страны получают выгоды от глобализации неравномерно. Ее плоды пожинает меньшинство. На сегодняшний день в мире насчитывается 1210 долларовых миллиардеров, а их состояние оценивается в 4,5 трлн долларов. Эта цифра превышает ВВП Германии и приближается ко второму в мире ВВП – Китая.

Почему так происходит? Проанализировать, сравнить и измерить глобальные тенденции, отражающие более глубокие и пока скрытые от взора исследователей процессы, дать однозначную обобщающую оценку позволил разработанный новый методологический инструментарий.

Первое положение новой методологии познания закономерностей в развитии человеческого сообщества заключается в том, что определена объективная цель развития человеческой системы – удовлетворить высшую потребность человека стать совершенным в духовном, интеллектуальном и физическом плане с высоким уровнем сознания.

То есть суть нового методологического инструментария, его научная новизна заключается в том, что основу составляет выявленная объективная целевая заданность в развитии человеческого сообщества. Для этого потребовалось определить не просто цель развития, а конечную цель, которая не может стать подцелью цели более высокого порядка в рамках земного существования человека. То есть потребовалось определить объективный смысл развития человеческой системы и понять, что каждый конкретный человек, каждый индивид живет не для того, чтобы обеспечить рост ВВП или создать как можно больше оружия для собственного уничтожения. Человек должен и может жить только для того, чтобы максимально развить и реализовать свой духовный и интеллектуальный потенциал с одновременным ростом уровня сознания и физического совершенства.

Иными словами, каждый конкретный человек должен и может достигнуть в своем развитии Высшего Разума или прийти к образу и подобию Создателя. В противном случае развитие может получить совершенно иной, противоположный вариант. Ведь уже сегодня создаются технологии, для которых безразличен уровень развития человека, и они вполне могут без него обойтись. Например, корпорация IBM разрабатывает проект «Разумный город», в котором предусмотрено взаимодействие интеллектуальных систем городского хозяйства, минуя разум человека.

Следовательно, преодолеть и в принципе устранить кризисы и все проблемы, стоящие перед властью, бизнесом и обществом в целом, можно только при усло-

вии, если все решения на национальном и глобальном уровнях будут обеспечивать непрерывное, эволюционное, без возвратов вспять движение к достижению цели развития. Только в этом случае будет найден путь практической реализации «Целей развития тысячелетия» (а в нашей логике – подцелей цели более высокого порядка), провозглашенных ООН в качестве ориентиров для всех народов и наций на Земле.

То есть, хотим мы этого или нет, общество должно развиваться таким образом, чтобы создать для каждого человека такую среду обитания, в которой естественным образом создаются условия равного и свободного доступа к благам цивилизации при максимальном их разнообразии, но не с целью достижения нового уровня потребительства или верховенства технологий над человеком, а исключительно для достижения конечной цели человека – стать совершенным. Это миссия человека на Земле, и он должен ее выполнить!

Второе положение нового методологического инструментария заключается в том, что обосновано использование целостного, системного, междисциплинарного подхода в рассмотрении всех сторон развития человеческой системы.

Это положение исходит из того, что мир, законы природы и общества едины, что мир является целостной системой и может быть познан только при объединении всех наук и духовных знаний в единое системное, целостное междисциплинарное, вернее трансдисциплинарное, знание. Поэтому потребовалось их системное объединение через выявление целевой функции развития системы в целом и отдельной ее части в любом разрезе (цивилизационном, формационном, национальном, конфессиональном, территориальном, естественно-научном, социально-экономическом, социотехническом, социокультурном, политическом, организационном и т. п.), а также независимо от того, какая модель развития (неолиберальная, кейнсинская, тоталитарная или их смешение) преобладает. Только через это знание можно понять, что финансовый, экономический, социальный, духовный, организационный, научно-технологический и в целом – системный кризис в мире и все существующие негативные явления – это звенья одной цепи. Отсюда и решение по выходу из системного кризиса должно быть целостным, системным и единым для всего глобального мира!

Третье положение нового методологического инструментария сформировалось в результате поиска единого показателя, с помощью которого измеряются и сопоставляются все процессы и явления. Единственно возможный такой показатель – это время!

Применяя этот показатель (время), можно измерять и сопоставлять между собой в других показателях неизмеряемое или несопоставимое, а самое главное – во времени сопоставлять с целевым идеалом абсолютно все стороны жизни человека и общества, определять, на какой ступени человеческого прогресса по отношению к этой цели они находятся.

Естественным образом сложилось четвертое положение нового методологического инструментария. Определен единый критерий эффективности развития человеческой системы – это *время между* возникновением потребности человека, вплоть до потребности прийти к реализации единой цели развития, и той реальностью, где находится в каждый момент времени общество в любом разрезе и каждый конкретный человек по отношению к этой цели.

Если *время между* возникновением потребности конкретного человека и ее удовлетворением имеет тенденцию к непрерывному сокращению и всемерно стремится к нулю, то человеческая система по отношению к цели развивается эффективно.

Сейчас же все человечество распределилось на оси времени между возникновением потребности и ее удовлетворением в разных точках, в различных временных пространствах. Чем дальше друг от друга, тем сложнее (или невозможно) установить любой диалог и обеспечить мир. И это является фундаментальной причиной возникновения конфликтов и войн.

А если распределение всего человеческого сообщества на оси времени между возникновением потребности и ее удовлетворением соотносить с каждым конкретным человеком, то получается, что каждый человек живет в своем микрокосмосе, не совпадающем с микрокосмосом других.

Таким образом, если цивилизации, народы, страны, мелкие и крупные сообщества и отдельные люди находятся в *разном линейном и сферическом временном пространстве*, то они имеют разные уровни сознания и никогда не смогут согласовать свои интересы, никогда не поймут друг друга. И это является причиной возникновения и обострения всех бед человечества. Отсюда следует, что кризис в развитии мировой цивилизации, войны, терроризм, техногенные и природные катастрофы – результат действия глубинных, общих для природы и общества законов. Более того, до тех пор, пока люди будут находиться в разном линейном и сферическом временном пространстве, будет создаваться видимость, что на планете сосуществуют множество локальных цивилизаций, не похожих друг на друга.

Новый методологический инструментарий позволил:

- выйти за пределы человеческой системы и *из будущего или из далекого прошлого, из нулевого времени и пространства между возникновением потребности и ее удовлетворением* увидеть ее как единое целое – «прошлое – настоящее – будущее» по отношению к объективно заданной цели развития;
- не полагаться на эмпирические и субъективные данные прошлого и настоящего;
- понять объективную картину развития человеческой системы в зависимости от положительной или отрицательной направленности на реализацию единой цели.

На рис. 1 (см. ниже) изображена «Условная схема развития человеческого сообщества».

На схеме видно, как, когда и какая парадигма развития *формируется вдоль или вокруг оси времени между возникновением потребности и ее удовлетворением, равной нулю*.

Учитывая ограниченный размер статьи, можно сказать следующее.

Всю историю развития человечества можно разделить на три этапа.

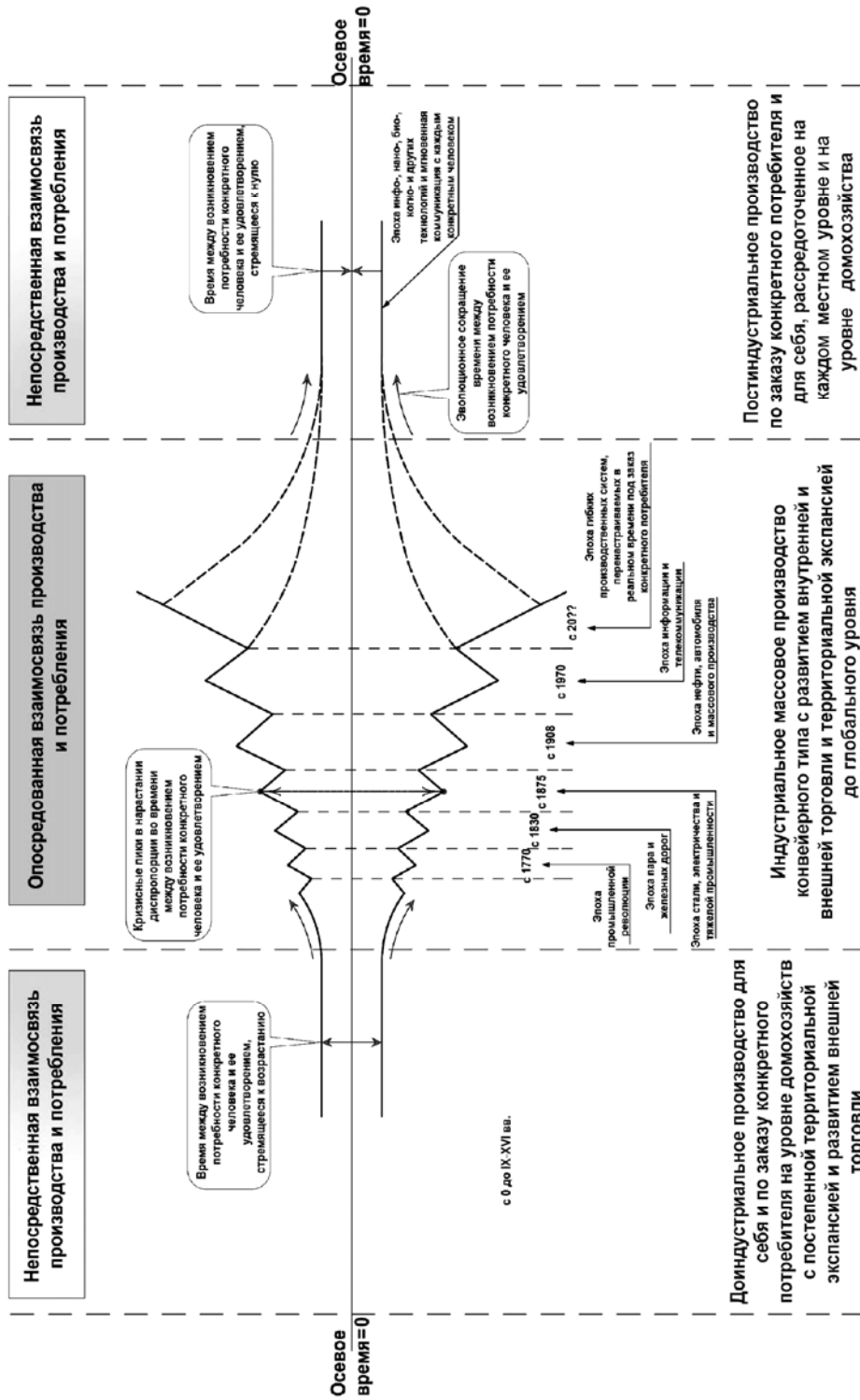

Рис. 1. Условная схема развития человеческого сообщества

Первый этап характеризуется преобладанием *первой парадигмы развития, непосредственной взаимосвязью между производством и потреблением*. Время между возникновением потребности конкретного человека и ее удовлетворением было минимальным. Все, что производилось на том уровне ручного труда, которым начинало овладевать человечество, им же и потреблялось. Следовательно, время между возникновением потребности конкретного человека и ее удовлетворением было минимальным. Это доиндустриальный тип производства для себя и по заказу для конкретного потребителя на уровне домохозяйств (ремесленники).

С появлением простейших технологий, с разделением труда, возникновением рынка, класса посредников (купцы) и всеобщего эквивалента обмена результатами этого труда – денег, с постепенной территориальной экспансией и развитием внешней торговли формируется *вторая парадигма развития*.

Развитие этой парадигмы, основной характеристикой которой является *опосредованная взаимосвязь между производством и потреблением* во времени и в пространстве, ускоряется с переходом на индустриальное производство.

Промышленная революция, эпохи пара, железных дорог, стали, электричества и тяжелой промышленности, нефти, автомобиля и массового товарного производства повлекли за собой создание инфраструктуры для связи с потребителем. Это сеть дорог, портов, магазинов (от мелких лавочек до крупнейших торговых центров, высококомеханизированных складов и т. д.) – вот основные вехи второй парадигмы развития.

Формируется массовое индустриальное производство конвейерного типа с развитием внутренней и внешней торговли, территориальной экспансией до глобального уровня, а также массовое потребление.

Этот тип производства ориентирован на удовлетворение спроса и потребностей абстрактного конечного потребителя через стихийную, архаичную, рыночную, опосредованную удлинением времени и пространства форму связи с конкретным человеком.

В этих условиях неопределенность потребления привела к возникновению и глобальному нарастанию диспропорции во времени производства и времени обращения товаров и денег, к их полной десинхронизации. Время обращения многократно превышает время их производства. Произошел колоссальный отрыв динамики движения материально-вещественных факторов производства от их денежной формы, реальной и особенно виртуальной.

Огромная заслуга таких ученых, как Китчин, Жюгляр, Шумпетер, Кондратьев, Перес и др., в том, что они на основе обработки информации уже свершившихся событий прошлого увидели, что этот массовый тип производства развивается через преодоление сложности, нелинейности и хаоса. И у некоторых авторов появился повод утверждать, что циклы и кризисы являются неизбежным условием развития. И это действительно так! Если не понять, что все эти явления – естественный продукт второй парадигмы развития.

Прав был Диоген, когда сказал, что плохую услугу человечеству оказал тот, кто придумал плуг, который позволил производить продукта больше, чем надо для собственного выживания.

То есть кризис существующей сегодня модели жизнеустройства, имеющей опосредованную во времени и в пространстве взаимосвязь между производством и потреблением, начался давно, с момента ее зарождения.

Появление начиная с 70-х гг. прошлого века информационных технологий и гибких производственных систем не изменили эту парадигму развития, не закрепили едва появившуюся возможность на установление непосредственной связи между производством и потреблением и согласование интересов между ними.

Информационные технологии стали самоцелью развития и средством создания глобальных рынков.

Таким образом, сущность второй парадигмы развития заключается в опосредованной, десинхронизированной во времени и пространстве взаимосвязи различных технологий производства товаров и их потребления конкретным человеком. Все кризисы этой парадигмы развития происходили на пике нарастания диспропорции во времени между возникновением потребности и ее удовлетворением. Сегодняшний системный кризис – это вершина данной парадигмы развития. Глобализация как продукт второй парадигмы развития, не успев возникнуть, начала сама себя отрицать.

Почему? Наряду с глобализацией всех процессов и свободой в передвижении людей, идей, товаров, денег, информации одновременно сохранился, усилился и удлинился их конвейерный тип производства. Время между возникновением потребности конкретного человека и ее удовлетворением еще более возросло. Согласовать интересы государства, бизнеса, общества и конкретного человека не представляется возможным. На этом длинном временном пути их движения объективно создаются условия абсолютно для всех негативных явлений. Бедность, неравенство, терроризм и коррупция, природные аномалии, катастрофы и т. д. и т. п. – это все звенья одной цепи, продукт опосредованной модели развития. И фактор времени здесь играет самую негативную роль.

Таким образом, *если сохраняется вторая парадигма развития, то глобальные процессы и их динамика будут характеризоваться преобладанием негативных тенденций, проблемы будут множиться все ускоряющимися темпами и в перспективе возникнет действительно глобальный коллапс. Глобальная динамика будет иметь вид непрекращающегося кризиса с апокалиптическим финалом.*

В век космических скоростей, использования цифровых, нано-, био-, когно- и других технологий, происходит чрезвычайно быстрое изменение экономической реальности, несовместимой с таким типом производства и потребления, особенно с таким типом взаимосвязи с конкретным человеком, с невозможностью согласования интересов.

Но есть и *другой путь – переход на первую парадигму развития.*

И сегодня с развитием информационных, цифровых и других высоких технологий XXI в. вновь появилась возможность перейти на непосредственную взаимосвязь между производством и потреблением, снова на первую парадигму развития.

Эффективное средство устранения диспропорций, десинхронизации всех процессов во времени и пространстве может быть получено только при условии синхронизации отношений и согласования интересов с каждым конкретным человеком сразу по всему кругу его духовных и материальных потребностей, а также при условии производства этих потребностей по его заказу непосредственно там, где живет человек (не производя ничего лишнего).

Это может обеспечить решение двух взаимосвязанных стратегических задач.

Первая. Изменить содержание экономической и социальной политики государств в направлении перехода на воспроизводственную траекторию развития внутри стран, но только с ориентацией всего воспроизводственного процесса на конечный результат – эволюционное сокращение времени между возникновением и удовлетворением потребностей (спроса) каждого конкретного человека. Этого можно добиться, если осуществлять производство товаров только на основе заказа конкретного человека.

Для этого необходимо разработать и реализовать программу реиндустриализации производства, конечным звеном которой должны стать малые высокотехнологичные формы производства с распределенными системами, перенастраиваемые в реальном времени в зависимости от заказа конкретного человека по всему кругу его потребностей.

Вторая. Сформировать на каждом местном уровне механизм согласования в реальном времени интересов всех участников этих отношений: государства, бизнеса, общества – и конечных потребителей (конкретного человека). Это согласование должно осуществляться с помощью общей универсальной для всех видов производства и для всех потребителей инфраструктуры взаимосвязи, базирующейся на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий, широкополосного телевидения и других инноваций, о которых так много сегодня говорят на всех внутренних и международных уровнях.

На рис. 2 показана новая модель жизнеустройства на каждом местном уровне, которая в то же время, по сути, представляет собой прежнюю, первую парадигму развития, основанную на непосредственной взаимосвязи между производством и потреблением, но на новом технологическом уровне.

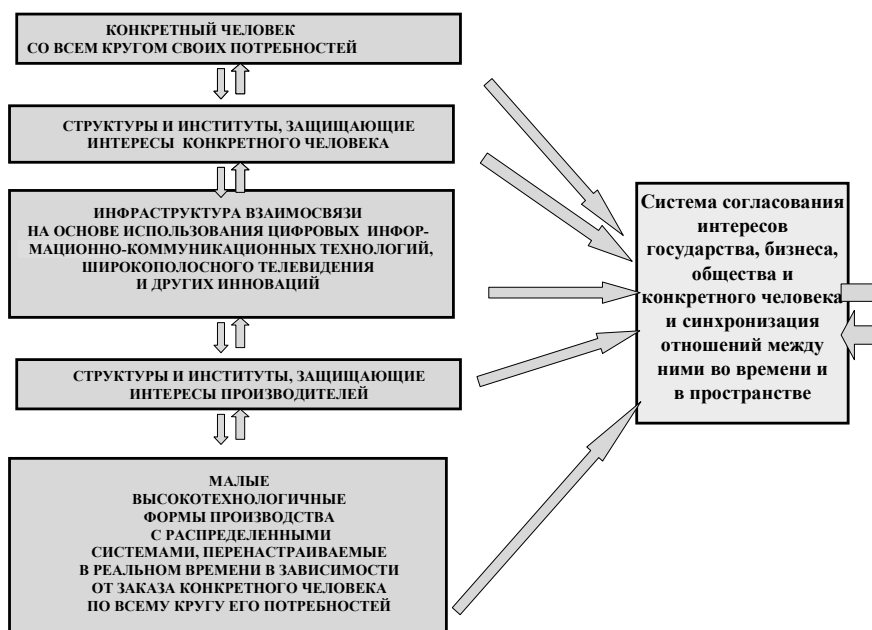

Рис. 2. Новая модель жизнеустройства

Еще в конце прошлого века, когда зародились информационные технологии, Э. Тоффлер писал, что недалек тот день, когда каждый, сидя за своим компьютером, будет управлять технологическим процессом по производству продуктов для личного потребления, не производя ничего лишнего. К. Перес в своей книге «Технологические революции и финансовый капитал» пишет, что «технологические революции, происходящие примерно каждые полвека, приносят плоды с временным запаздыванием. Требуются два или три десятилетия бурной адаптации и ассимиляции, прежде чем новые технологии, продукты, отрасли и инфраструктуры начнут способствовать наступлению “золотого века” (*belle époque*), или “эры процветания”» [Перес 2011: 17].

Иными словами, производство с помощью технологий XXI в., появившихся в зачаточном виде еще тридцать лет назад, снова возвращается на местный уровень, на уровень домохозяйства, к конкретному человеку.

В целях ускоренного формирования новой и в то же самое время прежней модели жизнеустройства мы считаем целесообразным:

- в кратчайшие сроки разработать и синхронно реализовать на местных уровнях «Комплексную целевую программу формирования новой модели жизнеустройства»;

- для разработки Комплексной целевой программы целесообразно создать под эгидой ООН межстрановой междисциплинарный коллектив ученых и практиков, а также обеспечить участие в разработке предложенной модели всего мирового интеллектуального сообщества, объединенного сетевым взаимодействием в рамках Интернета, с учетом особых налоговых предпочтений и законодательных актов всех стран;

- пилотный проект реализовать на примере местных уровней разных стран и обеспечить трансферт новой модели жизнеустройства на всю планету.

В книге «Прогнозирование будущего: новая парадигма» [2008: 269] я уже писала: «Ключом к философии формирования глобального общества и всех его институтов должен быть тезис: “У всех обитателей Вселенной – общее происхождение; у всех людей – одна общая человеческая природа; у всех религий – одна общая божественность, у всего глобального сообщества и у каждого конкретного человека в отдельности – одна общая единственная цель – достигнуть в своем развитии Высшего разума”. Основная задача ООН, или любого иного института, созданного на его базе или в его рамках, будет заключаться в том, что в нем будет структура, которая начнет аккумулировать все знания – от зарождения Человечества до сегодняшнего дня и знания из будущего. Из этого банка научно-технической информации можно будет получать любое знание с целью выстраивания в любой точке планеты технологических, институциональных, организационных и иных цепочек между возникновением потребности конкретного человека и ее удовлетворением, что обеспечивает возрастающую синхронизацию всех процессов в пространстве и непрерывно сокращающихся во времени. Недостающее знание – это заказ на новые разработки, на новые научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки».

Реализация данного проекта – это прорыв в будущее! Но только такое будущее, которое может и должно быть сформировано уже сегодня, здесь и сейчас,

с учетом интересов каждого конкретного человека на каждом местном уровне и одновременно с учетом интересов национальных экономик и всего глобального мира. Синхронизация и гармонизация человеческих отношений для сегодняшнего поколения людей – это единственно возможный шанс создания нового качества жизни не только для наших современников, но и для будущих поколений. Это означает переход на совершенно иной уровень понимания глобализации. Глобализация для всех и одновременно для каждого конкретного человека.

Главное – не упустить время!

Литература

Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. М. : Дело, 2011.

Прогнозирование будущего: новая парадигма / под ред. Г. Г. Фетисова, В. М. Бондаренко. М. : ЗАО Экономика, 2008.

ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Силина Е. В.

аспирант, Финансовый университет при Правительстве РФ.

E-mail: silina-e@mail.ru

В статье приведен системный взгляд на феномен глобализации с обзором основных наиболее распространенных подходов к определению его сущности, диалектике становления и динамике развития. Дана подробная характеристика современного этапа глобализации, когда мир становится все более сложным, замкнутым, взаимозависимым, многоаспектным, а человечество образует единую общепланетарную социокультурную целостность.

Ключевые слова: глобализация, становление глобальных связей, мировая система, человечество, планетарная целостность.

The article presents a systemic view on the globalization phenomenon with a review of the most developed approaches to the definition of its essence, to the dialectics of its origin and developmental dynamics. There is presented a detailed description of the current stage of globalization when the world becomes more complex, self-contained, connected, multifaceted, and multidimensional, while the humanity makes a planet-wide socio-cultural entity.

Keywords: globalization, development of global links, global system, humanity, planetary entity.

Хотя понятие «глобализация» получило широкое распространение, содержание его тем не менее и по сей день остается не до конца определенным. При этом имеет место ряд заблуждений и крайностей как в специальной научной литературе, философских трудах, так и в общественном сознании. Во-первых, для многих авторов характерно слишком узкое понимание глобализации, в частности: *узкоэкономическая трактовка*, когда всеобщий, системный процесс глобализации подменяется исключительно ее экономическим аспектом (экономическая глобализация); *узкополитическая интерпретация*, когда предметом анализа выступают только политические отношения и мировая политическая ситуация (политическая глобализация), в этом случае придаваемое понятию «глобализация» содержание во многом перекликается с понятиями «геополитика», «геополитическая ситуация», «международные отношения», уже устоявшимися, но при этом не отражающими всех особенностей современных мировых процессов; *узкотехнологическая трактовка*, при которой основными движущими силами, обусловившими глобализацию, называются научно-технический прогресс и его последняя из известных нам стадий – информационно-технологическая революция второй половины XX в.; *узковременная*, когда глобализация рассматривается как процесс, характерный исключительно для Новейшего времени и начавшийся лишь во второй половине, а то и вовсе в 90-х гг. XX в.

Век глобализации 2/2012 89–95

К чрезмерно суженному пониманию глобализации также можно отнести точку зрения, согласно которой глобализация понимается исключительно как субъективный процесс, инициированный и движимый ограниченным кругом заинтересованных субъектов в целях передела мира и достижения ими мирового господства, а также сопутствующая таким действиям и служащая оправданием для них идеологическая доктрина (глобализм), а иногда и вовсе как надуманное понятие.

Во-вторых, имеет место и *чрезмерно расширенная трактовка понятия*, когда глобализации необоснованно приписывают слишком раннее начало (буквально с начала истории человечества), полагая, что глобализационные процессы сопутствуют человеку на протяжении всей его истории; либо же к данному феномену присоединяют ряд посторонних процессов (например, потепление климата, движение земной коры, НТП, развитие космической индустрии и т. п.).

Поскольку феномен глобализации глубоко противоречив, важно определить и обозначить некоторое концептуальное основание, из которого исходит большинство исследователей. В социально-философском плане, на наш взгляд, следует отдать предпочтение *идеи единства мира*, рассматривая ее в качестве конструктивного, основополагающего принципа формирования глобального общества в перспективе. Данное предположение небезосновательно: представляется, мало кто станет отрицать, что люди – разных рас, наций, культур, религий, политических воззрений, с разными ценностями, живущие в рамках разных знаково-семантических систем, изъясняющиеся на разных языках, – все же обитают в едином пространстве планеты Земля, которая является нашим общим домом. В силу этого в новых условиях крайне важно осознание каждым из нас причастности к единому человеческому роду, общей исторической судьбе. Но, как справедливо замечает В. И. Толстых, «...единство и целостность человеческого бытия вне и без его многообразия – это мир-казарма...» [Глобалистика... 2003: 188]. Поэтому для адекватного понимания глобализационных процессов целесообразно делать акцент на единстве, а точнее – единстве в многообразии, что соответствует китайскому принципу «хэ» (гармоничное сосуществование разного в его многообразии и взаимоувязке), который можно с полным правом применить к формирующемуся на наших глазах глобальному миру.

Глобализация представляет собой происходящее под воздействием множественных факторов постепенное преобразование мирового пространства в единую зону, где свободно перемещаются люди, капиталы, товары, информация, возникают и развиваются, приходя на смену прежним, новые субъекты общественного развития, социальные институты и механизмы их взаимодействия, наконец, формируется и осознается человечеством тесная взаимосвязь в рамках системы «человек – общество – природа», что приводит к окончательному оформлению планетарной целостности. Подчеркнем существенный момент: глобализация образует качественно новое состояние мира.

Кроме того, удерживая акцент на человеке как основном субъекте процесса глобализации и в силу этого на социальной природе процесса глобализации (в отличие от глобальных процессов в целом, которые включают все, в том числе природные процессы), можно сказать, что *глобализация есть постепенный процесс познания людьми друг друга и окружающего их пространства, а также установления устойчивых связей между познанным, в результате чего образуется целостная миросистемная социальная структура планетарного масштаба,*

характеризующаяся взаимосвязанностью и взаимозависимостью ее составляющих по всем ключевым параметрам.

Соответственно глобализация представляет собой закономерный, объективно-исторический, системный процесс масштабной интеграции всего социального: государств, народов, сообществ, культур, ценностей, сфер общественной жизни, которая способствует формированию мирового сообщества и целостной планетарной системы, а также происходящую параллельно с интеграцией унификацию общественной жизни на различных территориях, в рамках различных сообществ и социальных образований.

Процесс глобализации имеет достаточно долгую историю становления. В мировой науке и философии можно зафиксировать целую палитру взглядов на время начала и предпосылки глобализации – от момента появления человека как вида и развития его социальности до изобретения персонального компьютера и Интернета. Заметим, что разность обозначенных взглядов основывается на разделении отношения ко времени зарождения глобализации и рассуждений о ее причинах.

По сути своей, несмотря на все различия в подходах и терминах, большинство теорий и подходов имеют предметом своего рассмотрения сложный диалектический процесс становления целостности человеческого общества в рамках всех сфер общественной жизни. Проанализировав основные представления о диалектике становления глобальных связей, можно прийти к следующему заключению: точка отсчета реально начавшейся глобализации находится в районе эпохи Великих географических открытий, когда человечество вышло за пределы континентов и заполнило множество белых пятен на карте мира, расширяя торговые, политические, культурные и другие связи на планетарном уровне.

Таким образом, уже начиная с XVI в. можно говорить о начале процесса формирования всемирного пространства в рамках всей планеты и всего человечества. Данный этап, по определению А. Н. Чумакова, именуется «реальной глобализацией», когда были заложены все необходимые основания и созданы предпосылки для формирования единой глобальной экономической и политической системы [Чумаков 2009: 197–214].

Со второй четверти XIX в. и до середины XX в. глобализация становится фундаментальной, когда с активным формированием глобальных взаимосвязей мир замыкается экономически, а потом и политически (с созданием Лиги Наций, а затем и ООН). С 70-х гг. XX в. наступил новый этап развития глобальных связей – многоаспектная глобализация [Там же: 251]. Существенной особенностью этого этапа стало осознание глобальных угроз и порождающих их процессов глобализации, а также формирование глобального сознания, культуры и образа жизни, и наконец – формирование нового типа личности, «человека глобального» (Homo globus). В данном случае речь идет о «структурной перестройке всего общественного организма», когда «кардинально меняются и базисные основания общественной жизни, и соответствующие им мировоззренческие установки людей» [Там же: 171]. Человечество вступило в заключительную стадию перехода от фрагментарного состояния к целостному.

Таким образом, хронологически глобализация протекала сначала в территориально-географическом измерении, потом началась экономическая глобализация, затем политическая и технологически-информационная, что дало новый виток экономической и культурной глобализации, а также ярко высветило экологи-

ческие, социальные, ценностно-онтологические и личностные проблемы бытия человека и человечества, проблему управляемости и эффективного управления складывающимся новообразованием.

Отмечая факт появления глобализации как планетарного явления, следует принять во внимание и то, что ей предшествовали такие этапы общественного развития, как «протоглобализация» и «предглобализация». Именно там обнаруживаются первые признаки и процессы, предшествующие глобализации, появление которых можно отнести чуть ли не к первым великим переселениям народов и связывать с появлением человека как такового, с его природой и стремлением познать и освоить окружающий мир. Это стремление осваивать все новое и новое – будь то территории, культуры, ресурсы и т. п. – впоследствии и послужило основным локомотивом глобализационных процессов.

Современный этап глобализации и его специфика

Специфику современного этапа глобализации хорошо выражают слова В. В. Иванова, который подчеркивает важное обстоятельство, когда говорит, что «...число измерений нашего мира больше, чем мы думали раньше» [Иванов 2004: 112]. Данное замечание постоянно следует иметь в виду, анализируя процессы современной глобализации. В частности, например, при постановке задачи разделить собственно глобализацию и сопутствующие ей процессы, которые на первый взгляд тоже могут быть отнесены к феномену глобализации, однако при более внимательном рассмотрении оказываются либо факторами глобализационных процессов, либо процессами, протекающими параллельно, очень схожими, но к сути глобализации не относящимися.

Если проследить изменения на уровне всего социума, то к предпосылкам современной глобализации в социальной сфере прежде всего необходимо отнести повышение коммуникативной связанности мира, что обусловлено развитием транспорта и средств коммуникации в целом. Передача информации занимает теперь доли секунды, что позволяет увеличить скорость принятия решений, а соответственно – осуществления действий. Человек выходит за рамки представлений, ограниченных семьей, городом или национальным государством. Он начинает ощущать себя гражданином не только своего государства, но и всего мира. Формируется принципиально более широкое, чем прежде, поле взаимодействия между людьми.

Поскольку современная глобализация характеризуется многоаспектностью, ее можно представить в виде многогранника. При этом количество его граней равно n (их может быть сколько угодно) и стремится к бесконечности: это незакрытое, неограниченное число, но при необходимости можно сузить угол рассмотрения, остановившись на ряде его аспектов, выделив наиболее приоритетные на данный момент.

Характерной для современного этапа глобализации является тесная взаимосвязь глобализации с НТП, информационно-технологической революцией и ее последствиями: компьютеризацией, информатизацией, виртуализацией, стремительным развитием Интернета и прочих средств коммуникации, что заставляет переосмыслить отношение к таким фундаментальным понятиям, как пространство, время и действие. Следовательно, глобализация может быть охарактеризована как процесс сжатия временных и пространственных дистанций. Коммуникации

и современные информационные технологии – безусловный фактор ускорения глобализационных процессов. Ввиду необходимости регулирования отношений между различными субъектами на глобальном уровне возникает проблема «управления мировым социумом». Становится актуальным вопрос *общежития* в большой мировой «коммунальной квартире».

Отсюда, хотя глобализация и является объективным процессом, современный ее этап во многом определяется выгодой отдельных стран и транснациональных корпораций, которые используют объективные глобализационные тенденции в своих интересах. Отчасти по этой причине в общественной и научной мысли появилась «прозападная», «проамериканская» трактовка глобализации как процесса, инициированного, распространяемого и управляемого Западом во главе с США, что нашло отражение в понятии «глобализм». В частности, Збигнев Бжезинский, фактически один из основоположников доктрины глобализма, говорит о неизбежности и закономерности установления господства США над другими странами [Бжезинский 2010]. В качестве ответной реакции на активно выраженную и укрепляющуюся позицию глобалистов оформилось движение антиглобалистов. Оно сыграло определенную роль в качестве «лакмусовой бумажки», привлекая внимание к тем проблемам, которые обострились с вступлением глобализации в современную, сверхинтенсивную стадию. Однако теперь, когда вместо простого «создания шума» ситуация требует разработки комплексной системы продуктивных действий и принципов организации общества в новых условиях, протесты против глобализации являются по меньшей мере малопродуктивными. А потому популярность в наши дни приобретает другая концепция – альтерглобализм [Агитон и др. 2001], не отрицающий глобализацию как таковую, а ставящий своей целью сформировать альтернативные пути глобализации, признавая ее неизбежность как объективно-исторического процесса.

Важнейшей особенностью, сопровождающей современные глобальные изменения, является их связь с локальными событиями, когда глобальные тенденции трансформируются на местном уровне, порождая явление *глокализации*^{*}: глобальная культура принимается локальными сообществами, но с существенными местными видоизменениями. Локальное втягивается в глобальное, подвергается унификации, изменениям, но и влияет на формирующееся глобальное – и через него на другое локальное. То есть глокализация – это диалектический процесс взаимодействия локального и глобального, который означает не только локальное преломление глобальных тенденций, но и влияние специфики локальных и региональных систем на мировые процессы. Локальные изменения диктуются событиями, развивающимися на очень большом расстоянии от места локальных событий. И наоборот – процесс или событие локального масштаба могут породить необратимые глобальные последствия, так называемый «эффект бабочки».

Поскольку планета имеет замкнутое пространство, то и человечество объединяется в единую социокультурную целостность (*Holistic World – целостный мир*). В этой связи особый интерес представляют приобретающие все большую популярность системный и мир-системный подходы [Бродель 2006; Валлерстайн 2001; 2003; Гринин, Коротаев 2008; Five... 1994], рассматривающие мир и человеческое общество как целостную систему тесно взаимосвязанных компонентов. Харак-

* Термин предложил Р. Робертсон как производное слово от понятий «глобализация» и «локализация».

терное для мир-системного подхода видение сути феномена глобализации как процесса (с одной стороны, объясняемого изначальной мировой взаимообусловленностью, а с другой – ведущего в рамках мировой системы к окончательному оформлению ее целостности) приобретает особую актуальность и адекватность в современной картине мира.

Происходит осознание человеком целостности мировой системы, открытие все новых граней этой целостности и его включенности в эту систему. Отсюда меняются образ мышления, мировоззрение, ценностные установки, приоритеты, поведение человека. Если еще совсем недавно обычному человеку было достаточно думать лишь о себе и своем ближайшем окружении, то глобальные тенденции последних десятилетий заставляют его ощутить ответственность не только за «свое» в привычном понимании, но и за общую судьбу человечества и всей планеты, расширить рамки «своего» до планетарного, глобального масштаба. И поскольку привычные социально-культурные границы постепенно размываются, формируется совершенно иное общественное бытие, иной жизненный уклад человечества. А. Зиновьев, говоря о вступлении человечества в заключительную стадию перехода от фрагментарного состояния к состоянию целостному, назвал данный феномен «глобальным человеичником» [Зиновьев 2006]. В результате люди оказываются жителями одного «большого дома». Происходит смена приоритетов общественного развития, акцент постепенно переносится на социальную сферу жизни общества как одну из доминант современной глобализации, в то время как до этого преобладали пространственно-географический, экономический, политический и культурный аспекты.

Глобализация, таким образом, формирует качественно новое состояние общества, трансформируя социальные структуры и модели взаимодействия в обществе, изменяет роль и значение человека. Современный мир обретает черты фрактальности, для общества становятся характерными плюрализм и даже эклектизм, а субъектом выбора в целом все больше и все чаще становится отдельная личность независимо от принадлежности к какой-либо социальной группе или традиции. Нельзя сказать, что процесс этих изменений завершен, равно как и предсказать результат, к которому он приведет, но этот процесс запущен и проходит активную фазу становления.

Литература

Агитон К., Амин С., Бузгалин А. В. Мир не товар (что такое глобализация и какова позитивная программа антиглобалистов). М., 2001.

Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М. : Международные отношения, 2010.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. / вступ. ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева. 2-е изд. М. : Весь мир, 2006.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П. М. Кудюкина под общ. ред. Б. Ю. Кагарлицкого. СПб. : Университетская книга, 2001.

Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / пер. с англ. под ред. Б. Л. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества. М. : Логос, 2003.

Глобалистика. Энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М. : Радуга; Диалог, 2003.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Макроэволюция и мир-система: новые грани концептуализации // История и современность. 2008. № 1. С. 3–31.

Зиновьев А. А. Глобальный человек. М. : Алгоритм-Эксмо, 2006.

Иванов В. В. Наука о человеке: Введение в современную антропологию. М. : РГГУ, 2004.

Чумаков А. Н. Глобализация: Контуры целостного мира. 2-е изд. М. : Проспект, 2009. С. 197–214.

The World System Five Hundred Years or Five Thousand? / ed. by A. G. Frank, V. K. Gills. London, New York : Routledge, 1994.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Алешковский И. А.

к. э. н., доцент факультета глобальных процессов
МГУ имени М. В. Ломоносова.
E-mail: aleshkovski@yandex.ru

В статье на основе богатого фактического материала и обширных социологических данных анализируются актуальные проблемы развития демографического потенциала России, укрепления здоровья и улучшения благосостояния россиян. При этом подчеркивается, что независимо от модели экономического развития страны и внешнеэкономической конъюнктуры в условиях демографического кризиса Россия в перспективе может рассчитывать в лучшем случае на социально-экономическую стабилизацию. Отмечается также, что ни о каком лидерстве в глобальной политике и экономике без выработки и реализации стратегической государственной программы преодоления демографического кризиса не может быть и речи.

Ключевые слова: Россия, демография, демографический кризис, угроза, демографическое развитие, рождаемость, продолжительность жизни, демографическая нагрузка, миграция населения, национальная безопасность.

Basing on the abundant factual evidence and sociological data, the article analyses the urgent problems of the development of demographic potential in Russia, of the country's population health and of increasing welfare. However, the author emphasizes that irrespective of the chosen model of economic development and external-economic conjuncture in the situation of demographic crisis Russia can hope to a social-economic stabilization at best. It is also noted that one cannot speak about any leadership in global politics and economy without working out and realization of the state's strategic programme of overcoming the demographic crisis.

Keywords: Russia, demography, demographic crisis, danger, demographic development, birth-rate, life expectancy, demographic pressure, population migration, national security.

«Обширность тщетна без обитателей»

Двести пятьдесят лет назад, в ноябре 1761 г., наш великий соотечественник М. В. Ломоносов написал в своем трактате «О сохранении и размножении российского народа», что численность населения представляет для России огромное значение и именно в населении состоит «величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей». Вместе

Век глобализации 2/2012 96–114

с тем, говоря о необходимости увеличения численности населения России, он подчеркивал, что речь при этом должна идти о крепком и здоровом населении, о разумном привлечении иммигрантов [Ломоносов 1986: 131].

Таблица 1

Ранги стран в мировой иерархии населения (млн человек)

1950 г.	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2050 г.
1. Китай (555)	1. Китай (1155)	1. Китай (1269)	1. Китай (1341)	1. Индия (1593)
2. Индия (358)	2. Индия (849)	2. Индия (1054)	2. Индия (1224)	2. Китай (1392)
3. США (158)	3. США (256)	3. США (840)	3. США (310)	3. США (395)
4. Россия (103)	4. Индонезия (181)	4. Индонезия (213)	4. Индонезия (239)	4. Пакистан (305)
5. Япония (84)	6. Россия (148)	6. Россия (147)	9. Россия (143)	17. Россия (112)

Таблица 2

Доля России в мировом населении

1950 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2050 г.
4,1 %	3,95 %	3,53 %	3,11 %	2,8 %	2,4 %	2,1 %	1,2 %

Источник: World... 2011.

Современная Россия – это страна, обладающая огромной территорией (свыше 23 млн км² в начале XX в. и около 17 млн км² – в начале XXI в.), почти для 70 % которой характерны суровые природно-климатические условия, обширные запасы природных ресурсов и все еще имеющая трудозатратный тип экономика. При этом одной из наиболее характерных черт, присущих современной России, является *демографический кризис*.

Начиная с 1992 г. в Российской Федерации неизменно наблюдается естественная убыль населения. Значительную тревогу вызывает ситуация, при которой существующие сегодня показатели рождаемости в 1,35 раза ниже, чем необходимо для обеспечения хотя бы простого воспроизводства населения; поколение детей лишь на 73 % замещает поколение родителей, страна ежегодно теряет 300–400 тыс. жителей. Сохранение нынешнего уровня рождаемости и смертности приведет к тому, что численность населения России к началу 2025 г. может составить около 136 млн человек, сократившись по сравнению с началом 1990 г. на 12 млн человек, или на 1/12 часть. Российская Федерация сегодня отстает от передовых стран по величине средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении в среднем на 12 лет у мужчин и на 6 лет – у женщин.

По нашему глубокому убеждению, какую бы модель экономического развития ни выбрала сегодняшняя Россия, какой бы благоприятной ни была внешне-экономическая конъюнктура и как бы эффективно ни протекал процесс модернизации российской экономики, лучшее, на что может в условиях демографического кризиса рассчитывать Россия в XXI в., – лишь некая социально-экономическая стабилизация. Ни о каком лидерстве в глобальной политике и экономике без выработки и реализации стратегической государственной программы преодоления демографического кризиса не может быть и речи. Таким образом, проблема развития демографического потенциала нации, проблема «сбережения» главного богатства России – российского населения, укрепления его здоровья и улучшения благополучия имеет для нашей страны первостепенное значение.

Истоки современного демографического кризиса

Нехватка населения начинала ощущаться уже в конце XVIII в., особенно в отдельных южных и восточных регионах России. Во многом с этим была связана активная (и, что не менее важно, эффективная) государственная политика по привлечению иностранных поселенцев на Урал, в Поволжье и восточные регионы страны.

Хотя само демографическое развитие России в XIX в. и первой половине XX в. существенно отличается от ситуации конца XX в. – начала XXI в., Россия того периода – одна из наиболее быстро развивающихся в демографическом плане стран мира. Так, согласно данным первой переписи населения нашей страны, в 1897 г. численность населения России в современных границах составляла 67,5 млн человек, что было чуть меньше, чем в США. При этом естественный прирост в России более чем вдвое превышал естественный прирост в США, более чем в три раза – в Германии, и почти в восемь раз – во Франции. В начале XX в. суммарный коэффициент рождаемости¹ в России превышал 7 детей на одну женщину, в США – 4,5, во Франции – 2,8 детей. Вместе с тем наряду с очень высокой рождаемостью для России начала XX в. была характерна и высокая смертность, почти в 2 раза превышающая ее общий уровень в США, Франции, Великобритании.

История России XX в., как и в предыдущих веках, изобилует различными социально-экономическими потрясениями (войны, интервенция, голод, политические репрессии и др.), которые не могли не сказаться на демографическом развитии страны в целом и ее отдельных регионов. Так, только за 1941–1946 гг. по различным подсчетам СССР потерял около 22–27 млн человек, из них более половины пришлось непосредственно на Россию. И тем не менее за первые пятьдесят лет советской власти в демографическом развитии нашей страны произошли значительные положительные изменения. К 1967 г. доля городского населения России превысила 60 %, общий коэффициент смертности составил 8,7 % (по существу, один из самых низких показателей в мире на данный период), младенческая смертность снизилась более чем в 10 раз, средняя продолжительность предстоящей жизни возросла более чем в 2 раза, составив 69 лет для обоих полов. Одним словом, налицо значительные демографические успехи, неслучайно сопровождающиеся наиболее высокими темпами роста производительности труда, экономическим подъемом. Хотя уже и в этот период негативные тенденции демографического развития начинают проявляться на уровне отдельных регионов, все более сказываются на их социально-экономическом развитии.

Появление негативных тенденций в демографическом развитии России приходится на конец 1960-х гг. В этот период необходимо было предпринять меры для кардинального переустройства системы здравоохранения и всей социальной сферы страны: выделить значительные средства на борьбу с сердечно-сосудистыми и онкологическими заболеваниями; предпринять меры, необходимые для дальнейшего снижения младенческой смертности; развернуть в обществе пропаганду здорового образа жизни и бережного отношения к своему здоровью, к человеческой жизни вообще, то есть осуществить те меры, которые предпринимались в западноевропейских странах и США в послевоенный период.

¹ Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) – демографический показатель, отражающий среднее число детей, рожденных одной женщиной за всю ее жизнь при сохранении существующих возрастных интенсивностей рождаемости того года, для которого производится оценка показателя. Данный показатель не зависит ни от смертности, ни от изменения возрастного состава населения.

Однако бывший СССР, ставший заложником собственной идеологии, не смог сделать такого шага из-за отсутствия необходимых для этого средств, а также сохраняя призрачную надежду, что демографические проблемы в социалистическом обществе разрешатся сами собой, стоит только еще более укрепить военную и экономическую мощь социалистического содружества. В результате за 1960–2000 гг. уровень смертности от болезней системы кровообращения вырос более чем в 3,25 раза, смертности от новообразований – почти в 1,5 раза (см. табл. 3).

Таблица 3

**Смертность по основным классам причин смерти
на 100 тыс. жителей, 1960–2010 гг.**

Причина смерти	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2010 г.
Болезни системы кровообращения	260,7	412,3	579,5	617,4	849,4	762,6
Несчастные случаи, отравления и травмы	85,5	125,4	165,0	133,7	219,9	133,6
Новообразования	138,4	147,3	163,5	194,0	205,5	202,4
Болезни органов дыхания	74,4	87,2	92,1	59,3	70,5	52,7
Болезни органов пищеварения	30,5	23,2	30,0	28,7	44,6	60,8
Инфекционные и паразитарные болезни	52,2	24,0	20,6	12,1	25,0	23,2
Другие причины	97,3	48,2	48,8	71,5	120,2	131,5

Источник: Население России... 1998: 156; Демографический... 2005.

При этом, что не менее важно, Россия оказалась еще и внутренним донором, поскольку единственная из бывших союзных республик отчисляла средства в союзный бюджет, ничего не получая обратно, что лишь усугубляло перспективы ее дальнейшего социально-демографического развития, негативные тенденции которого, в свою очередь, все более и более препятствовали поступательному экономическому развитию страны. И в первую очередь это коснулось сельских районов Нечерноземья, откуда с конца 1960-х гг. наметился значительный отток населения, который, наряду со снижающимся естественным приростом, привел к их постепенному обезлюдению и нарастанию процессов старения населения. Особого внимания заслуживают Тверская и Псковская области, где уже с середины 60-х гг. XX в. начинает наблюдаться естественная убыль населения.

После Второй мировой войны советской системе здравоохранения путем проведения массовых кампаний и обязательной вакцинации населения удалось в кратчайшие сроки (буквально за 15 лет) победить инфекционные болезни и значительно сократить разрыв между СССР и развитыми странами по ожидаемой продолжительности жизни. Так, в 1960 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России составляла 62,5 года у мужчин против 65,4 лет в экономически развитых странах (66,5 года – в США); 69,9 лет у женщин против 70,9 лет и 73,0 лет соответственно. Таким образом, разрыв с США составлял 4 года у мужчин и около трех лет – у женщин. Однако на этом период успехов закончился, поскольку предел увеличения ожидаемой продолжительности жизни

в России за счет борьбы с преимущественно экзогенными причинами смертности был достигнут, и начиная с середины 1960-х гг. наступил период ее стагнации, а затем и снижения (особенно у мужчин), а разрыв между Россией и развитыми странами снова начал нарастать. Незначительное улучшение ситуации в 1986–1987 гг., имевшее место в результате мер антиалкогольной кампании, оказалось кратковременным, после чего ожидаемая продолжительность жизни вернулась на линию понижающего тренда (см. рис. 1 и табл. 4).

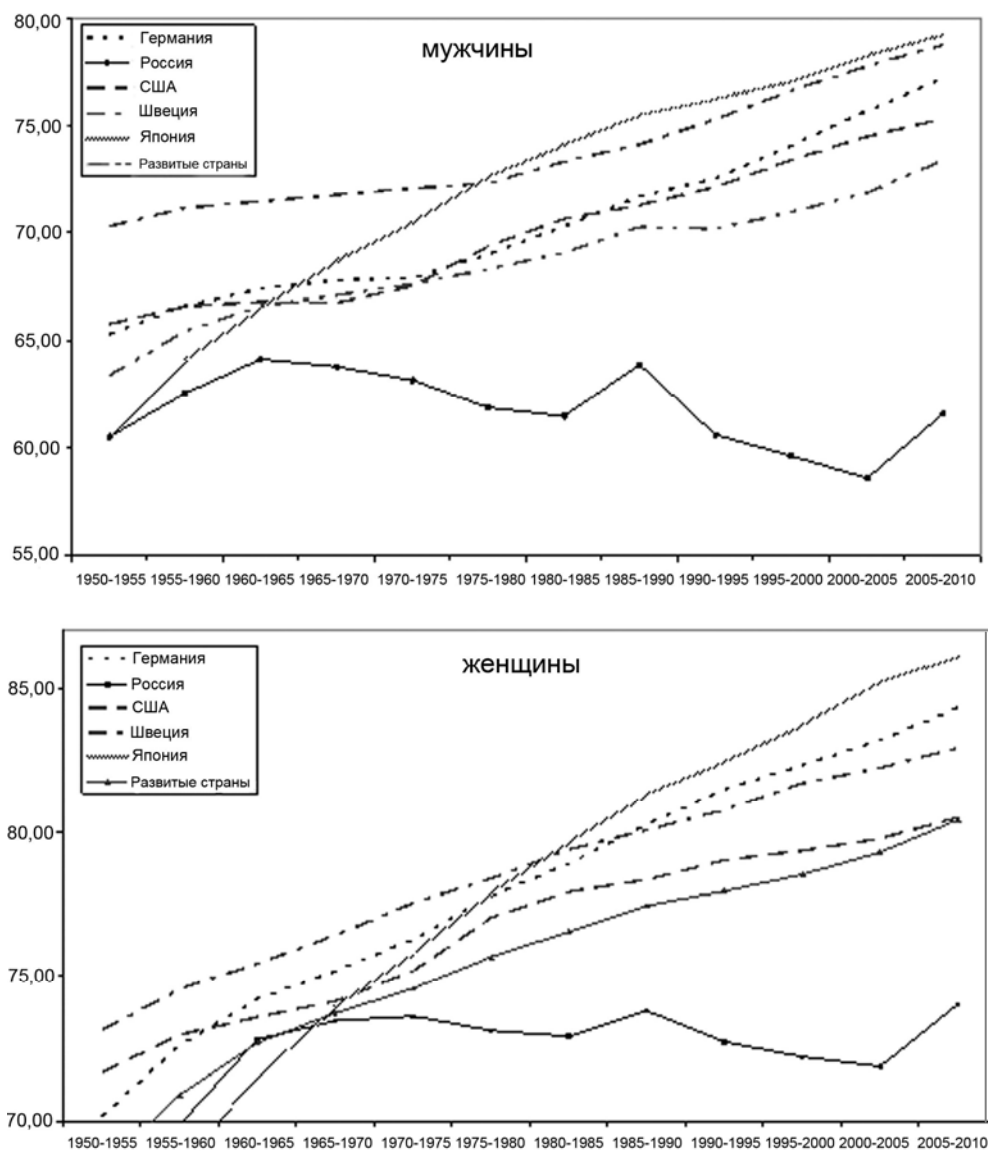

Рис. 1. Динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении.
Россия и страны мира, 1950–2010 гг., лет

Источник: World... 2011.

Как видно из табл. 4, минимум ожидаемой продолжительности жизни при рождении в России был достигнут в 2003 г. На 2004–2010 гг. наблюдалось устойчивое повышение ожидаемой продолжительности жизни при рождении как для мужчин, так и для женщин прежде всего вследствие снижения смертности от болезней системы кровообращения (примерно на 12 %) и внешних причин смерти (примерно на 30 %). В целом за данный период прирост ожидаемой продолжительности жизни у мужчин составил более 4 лет, у женщин – около 3 лет.

Таблица 4

Динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении в России, лет

Годы	Все население			Городское население			Сельское население		
	всего	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1896–1897 (по 50 европейским губерниям)	30,54	29,43	31,69	29,77	27,62	32,24	30,63	29,66	31,66
1926–1927 (европейской части РСФСР)	42,93	40,23	45,61	43,92	40,37	47,50	42,86	40,39	45,30
1958–1959	67,91	62,99	71,45	67,92	63,03	71,48	67,84	62,86	71,30
1965–1966	69,50	64,32	73,41	69,44	64,59	73,14	69,14	63,32	73,40
1970–1971	68,93	63,21	73,55	68,51	63,76	73,47	68,13	61,78	73,39
1980–1981	67,61	61,53	73,09	68,09	62,39	73,18	66,02	59,30	72,47
1986–1987	70,13	64,91	74,55	70,32	65,38	74,44	69,09	63,21	74,40
1990	69,19	63,73	74,30	69,55	64,31	74,34	67,97	62,03	73,95
1991	68,92	63,37	74,19	69,30	63,95	74,25	67,67	61,68	73,79
1992	67,80	61,91	73,66	68,10	62,35	73,72	66,79	60,63	73,33
1993	65,03	58,75	71,80	65,31	59,08	71,90	64,15	57,82	71,41
1994	63,85	57,42	71,08	64,09	57,67	71,18	63,11	56,71	70,73
1995	64,52	58,12	71,59	64,70	58,30	71,64	63,99	57,64	71,40
1996	65,80	59,62	72,40	66,21	60,06	72,62	64,62	58,42	71,76
1997	66,73	60,85	72,84	67,30	61,49	73,16	65,14	59,15	71,91
1998	67,07	61,22	73,13	67,54	61,75	73,38	65,75	59,80	72,41
1999	65,92	59,87	72,40	66,34	60,31	72,62	64,73	58,68	71,74
2000	65,34	59,03	72,26	65,69	59,35	72,46	64,34	58,14	71,66
2001	65,23	58,92	72,17	65,57	59,23	72,37	64,25	58,07	71,57
2002	64,95	58,68	71,90	65,40	59,09	72,18	63,68	57,54	71,09
2003	64,85	58,55	71,84	65,35	59,00	72,18	63,42	57,29	70,86
2004	65,27	58,89	72,30	65,81	59,38	72,65	63,76	57,55	71,27
2005	65,30	58,87	72,39	65,99	59,52	72,86	63,44	57,19	71,07
2006	66,60	60,37	73,23	67,29	61,03	73,70	64,73	58,67	71,89
2007	67,51	61,39	73,90	68,21	62,09	74,34	65,60	59,57	72,62
2008	67,88	61,83	74,16	68,59	63,53	74,62	65,96	60,00	72,86
2009	68,67	62,77	74,67	69,38	63,50	75,13	66,72	60,87	73,38

Источник: Демографический... 1999–2002: 105; Демографический... 2006–2011: 102.

В то же время на протяжении практически всего послевоенного периода в России наблюдалась устойчивая тенденция снижения уровня рождаемости (см. рис. 2). В результате уже к 1964 г. суммарный коэффициент рождаемости в России впервые опустился ниже уровня простого воспроизводства населения, то есть уровня, при котором родительские поколения замещаются равными им по численности детскими поколениями, а только за 1946–1969 гг. уровень рождаемости сократился примерно на одного ребенка на женщину за репродуктивный период (около 32 %). Как видно из рис. 2, в первой половине 1970-х гг. в России наблюдалась относительная стабиль-

ность суммарного коэффициента рождаемости, после чего во второй половине этого десятилетия снова наступил период медленного снижения уровня рождаемости. В 1980-е гг. в результате активизации пронаталистической демографической политики государства, предполагавшей различные меры материального и морального поощрения деторождений, наблюдалось увеличение рождаемости, которая достигла уровня, не отмечавшегося с 1960-х гг. В целом на протяжении 1980-х гг. величина СКР увеличилась на 15 %, достигнув максимума (2,19 ребенка на одну женщину) в 1987 г., и в течение двух календарных лет (1987–1988 гг.) превышала уровень простого воспроизводства.

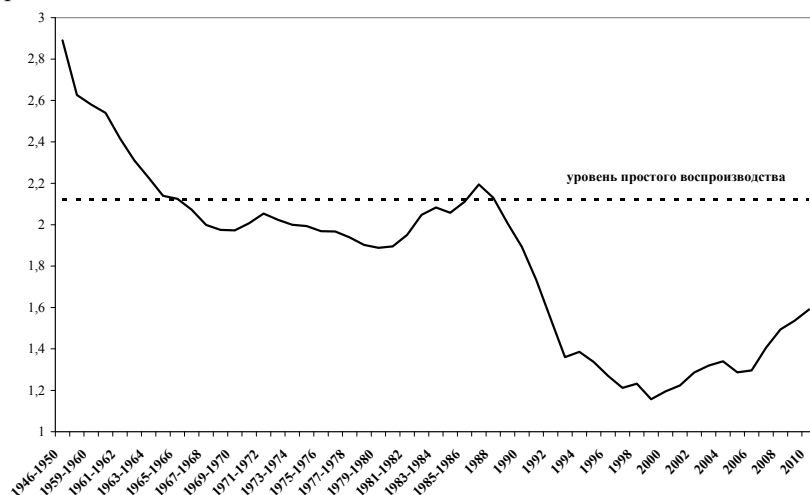

Рис. 2. Динамика суммарного коэффициента рождаемости (детей на одну женщину), Россия

Источник: Демографическая... 2006: 165; Демографический... 2011: 95.

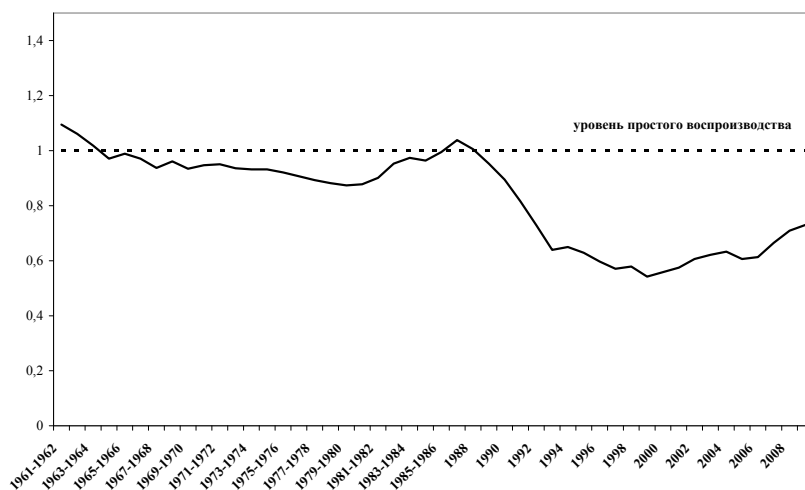

Рис. 3. Динамика нетто-коэффициента воспроизводства населения, Россия

Источник: Демографический... 2000–2002: 112; Демографический... 2006–2011: 108.

Отсутствие успехов в борьбе с эндогенными причинами смертности и падение рождаемости обусловили тот факт, что начиная с середины 1960-х гг. в России величина нетто-коэффициента воспроизводства становится устойчиво меньше единицы, а численность детских поколений становится меньше численности родительских поколений² (см. рис. 3).

Устойчивое снижение уровня рождаемости в России является причиной не только естественной убыли населения, но и главным фактором демографического старения, роста «демографической нагрузки» пожилого населения на трудоспособное. В настоящее время она превысила в большинстве европейских стран 25 % (то есть на 100 человек трудоспособного возраста приходится более 25 нетрудоспособных пожилого возраста). К 2030 г. прогнозируется рост этого показателя до 0,36 и к 2050 г. – до 0,47. И это уже сейчас становится значительным ограничителем социально-экономического развития, проблемой, которая потребует существенной перестройки системы социального обеспечения, значительных финансовых ресурсов, неподъемных (при нынешней системе распределения материальных благ) даже для развитых стран мира, не говоря уже о России. В целом по миру к 2010 г. общая численность людей в возрасте 60 лет и старше составила более 760 млн (11 % от общей численности населения), к 2050 г. она прогнозируется на уровне более 2 млрд человек (22 % от общей численности населения)!

Заметим, что если в целом по России показатель демографической нагрузки пожилыми людьми в 2010 г. составил 0,34, то по отдельным регионам страны он уже значительно выше: Тульская область – 0,45, Рязанская – 0,44, Тамбовская – 0,42, Тверская – 0,42, Воронежская – 0,42, Псковская – 0,42.

Таблица 5

**Коэффициенты демографической нагрузки,
общая демографическая нагрузка, нагрузка детьми и пожилыми
на 100 человек трудоспособного населения. Россия, 1985–2050 гг.**

Год	Коэффициент демографической нагрузки	Коэффициент демографической нагрузки детьми	Коэффициент демографической нагрузки пожилыми
1985	57,6	35,7	21,9
1990	63,8	37,6	26,2
1995	61,1	34,2	26,9
2000	57,3	28,2	29,1
2005	46,8	21,2	25,6
2010	46,8	19,9	26,9
2015	52,1	20,7	31,4
2020	59,4	21,7	37,7
2025	64,5	21,7	42,8
2030	65,9	20,9	45,0
2035	69,6	20,7	48,9
2040	76,5	21,9	54,6
2045	88,6	24,5	64,1
2050	103,0	27,5	75,5

Источник: Database... 2010.

² Нетто-коэффициент воспроизводства населения представляет собой среднее число девочек, рожденных одной женщиной на протяжении всей жизни и доживших до возраста своих матерей при существующих уровнях рождаемости и смертности.

Таким образом, мы можем сказать, что уже с конца 1960-х гг. в России зарождается *процесс депопуляции*, который кратковременно прервался в середине 1980-х гг. в результате активной демографической политики государства начала 1980-х гг. Несмотря на это, на протяжении последующих двух десятилетий в России за счет накопленного демографического потенциала наблюдался естественный прирост населения. Так, за 1966–1970 гг. естественный прирост составил около 4,1 млн человек, а общий прирост населения России (с учетом миграционной убыли в 592 тыс. человек) превысил 3,5 млн человек.

Особенности современного демографического развития России

Для характеристики современной демографической ситуации в России общественными деятелями, политиками и учеными используются различные термины: «демографический спад», «депопуляция», «демографический кризис», «демографическая катастрофа» и др.

Вместе с тем эти термины отражают разную демографическую ситуацию, и «безобидная», на первый взгляд, подмена одного термина другим или их смешение, на наш взгляд, существенно искажает информацию о степени негативности современного демографического развития России, тем самым дезориентируя руководство страны и регионов, общество в целом в понимании глубины современных демографических проблем и их значимости для будущего развития страны.

В связи с этим логичным представляется остановиться чуть подробнее на перечисленных терминах.

Демографический спад (как и *демографический подъем*) – это присущие для развития населения явления, обусловленные, в частности, движением так называемых демографических волн и имеющие, как правило, кратковременный характер. Например, увеличение численности женщин в возрасте от 20 до 29 лет при прочих равных условиях приведет к увеличению рождаемости в стране. Так, по оценкам экспертов, увеличение числа родившихся и общего коэффициента рождаемости в России в 2000-е гг. на 20–30 % связано как раз с эффектом демографической волны [Архангельский 2006: 9–10].

Демографическая катастрофа – это ситуация, когда за короткий период (буквально 2–3 года) население страны (региона) значительно уменьшается (более чем на 50 %) или вообще исчезает на этой территории. Демографическая катастрофа, как правило, связана с какими-либо социальными или природными катаклизмами. Для сравнения: Россия за 1992–2010 гг. в результате естественной убыли потеряла около 13,2 млн жителей (8,9 % населения).

Депопуляция – длительный процесс уменьшения численности населения, происходит как следствие его суженного воспроизводства, когда численность последующих поколений становится устойчиво меньше предыдущих, смертность незначительно превышает рождаемость, миграционный прирост как положительный, так и отрицательный (усиление последнего значительно обостряет процесс депопуляции, что при росте отрицательного естественного прироста ведет к демографическому кризису). Депопуляция стала характерной чертой демографического развития большинства развитых стран мира. Типичным примером является Германия, где с начала 70-х гг. XX в. имеет место естественная убыль немецкого населения при небольшом росте общей численности населения страны за счет

миграции. Как мы уже отмечали выше, такая ситуация начинает наблюдаться в России с конца 1960-х гг.

Экономические и политические преобразования конца 1980-х – начала 1990-х гг. обусловили в России уникальную демографическую ситуацию, в корне отличающуюся от всей предыдущей истории демографического развития России. За несколько лет произошло кардинальное изменение динамики демографических процессов, ухудшение большинства как качественных, так и количественных параметров демографического развития России (см. табл. 5).

Наша страна оказалась в условиях особой демографической ситуации, для обозначения которой наиболее полно подходит термин **демографический кризис** – это сокращение численности населения, обусловленное прежде всего его естественной убылью, то есть процессом депопуляции, и его качественные негативные изменения (духовные, психологические и психические).

Суть современного российского демографического кризиса заключается в следующем: в 1990-е гг. значительно и быстро снизилась рождаемость (общий коэффициент рождаемости составил в 2000 г. 8,7 ‰ против 14,6 ‰ в 1989 г., суммарный коэффициент рождаемости сократился за это время с 2,01 до 1,2 ребенка на одну женщину); в результате снижения рождаемости наблюдается нарастающее старение населения (доля населения старше трудоспособного возраста увеличилась с 18,5 % в 1989 г. до 20,3 % в 2005 г.), в 1999 г. численность пожилых граждан впервые превысила численность детей; резко возросла смертность, особенно среди мужского трудоспособного населения (общий коэффициент смертности составил в 2000 г. 15,3 ‰ против 10,7 ‰ в 1989 г.); сократилась средняя ожидаемая продолжительность предстоящей жизни (с 69,9 лет до 65,3 лет для обоих полов, с 64,8 лет до 59 лет для мужчин, с 74,5 лет до 72,2 лет для женщин); ежегодно преждевременно умирает около 450 тысяч мужчин трудоспособного возраста (см. табл. 6).

Таблица 6

Индикаторы демографического развития России, 1989–2010 гг.

	1989 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.
1	2	3	4	5
Численность населения, млн человек	147,0*	146,9	143,5	143,0
Общий прирост (убыль) населения, ‰	4,8	-4,0	-5,0	-0,5
Естественный прирост (убыль) населения, ‰	3,9	-6,7	-5,9	-1,7
Миграционный прирост населения, ‰	0,9	2,7	0,9	1,2
Общий коэффициент рождаемости, ‰	14,6	8,7	10,2	12,5
Общий коэффициент смертности, ‰	10,7	15,4	16,1	14,2
Суммарный коэффициент рождаемости, детей на одну женщину	2,01	1,20	1,29	1,59
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, оба пола, лет	69,90	65,34	65,30	68,98
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, мужчины, лет	64,80	59,03	58,87	63,03
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, женщины, лет	74,47	72,26	72,39	74,87
Общий коэффициент брачности, ‰	9,4	6,2	7,5	8,5

Окончание табл. 6

1	2	3	4	5
Общий коэффициент разводимости, ‰	3,9	4,3	4,2	4,5
Средний возраст населения, лет	34,9	37,1	38,1	38,9
Доля населения моложе трудоспособного возраста, %	24,5	19,3	16,7	16,1
Доля населения старше трудоспособного возраста, %	18,5	20,6	20,3	21,6

Источник: Демографический ежегодник России 2001, 2005, 2010. М.: Росстат, 2002–2011; www.gks.ru.

Примечание: * численность населения по данным переписи населения 1989 г.

Результат этих разнонаправленных процессов – естественная убыль населения, которая в России за 1993–2010 гг. составила свыше 13 млн человек (достигая в отдельные годы 800–900 тыс. человек ежегодно). В целом по стране превышение умерших над родившимися в 2005 г. составило 1,6 раза, причем в 23 субъектах Российской Федерации этот показатель составлял 2,0–2,8 раза. Естественный прирост населения в 2005 г. был зафиксирован только в 16 небольших по численности субъектах России. Следует также отметить, что по сравнению с группой депопуляционных европейских стран (Австрия, Бельгия, Германия и др.), где естественная убыль составляет 0,1–0,7 человека на 1000 жителей, российские параметры естественной убыли населения оказываются в десятки раз больше (5,6 человек на 1000 жителей в 2005 г.).

Увеличение внимания государства к демографическим проблемам, реализация мер, предусмотренных принятой в 2006 г. концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. и приоритетным национальным проектом «Здоровье», стартовавшим в 2006 г., позволили за 2006–2010 гг. уменьшить остроту демографического кризиса. За 2006–2010 гг. общий коэффициент рождаемости вырос на 22,5 %, суммарный коэффициент рождаемости – на 23,3 %; общий коэффициент смертности снизился почти на 12 %; естественная убыль населения уменьшилась в 2,85 раза. Существенный прогресс за 2006–2010 гг. был достигнут в снижении смертности детей в возрасте до 1 года: коэффициент младенческой смертности уменьшился на 26,5 %. Ожидаемая продолжительность жизни увеличилась за 2007–2010 гг. на 2,38 года, в том числе мужчин – на 2,66 года, женщин – на 1,64 года.

Благодаря наблюдавшемуся увеличению рождаемости и снижению смертности в августе 2009 г. в Российской Федерации впервые с 1992 г. был зафиксирован естественный прирост населения в размере 1 050 человек), а в целом по итогам года миграционный прирост впервые с 1994 г. полностью смог компенсировать естественную убыль населения страны.

Значимость международной миграции населения в демографическом развитии современной России

В 1990-е гг. в силу сложившейся ситуации Россия с ее «прозрачными границами» превратилась в мощный миграционный центр, куда устремились миллионы бывших советских граждан. В результате в условиях демографического кризиса

международная миграция стала единственным источником восполнения численности населения России. Миграционный прирост за 1992–2010 гг. превысил 4,4 млн человек и позволил «сгладить» почти на 30 % естественную убыль населения России, которая за эти годы составила свыше 12,5 млн человек. На начало XXI в. Россия по численности иностранного населения переместилась на второе место в мире (после США), а по притоку иммигрантов за 1992–2010 гг. оказалась на третьем месте в мире (после США и Германии). В то же время на протяжении этого периода только в «пиковый» 1994 г. масштабы миграционного прироста были достаточны не только для компенсации естественной убыли, но и для обеспечения прироста численности россиян.

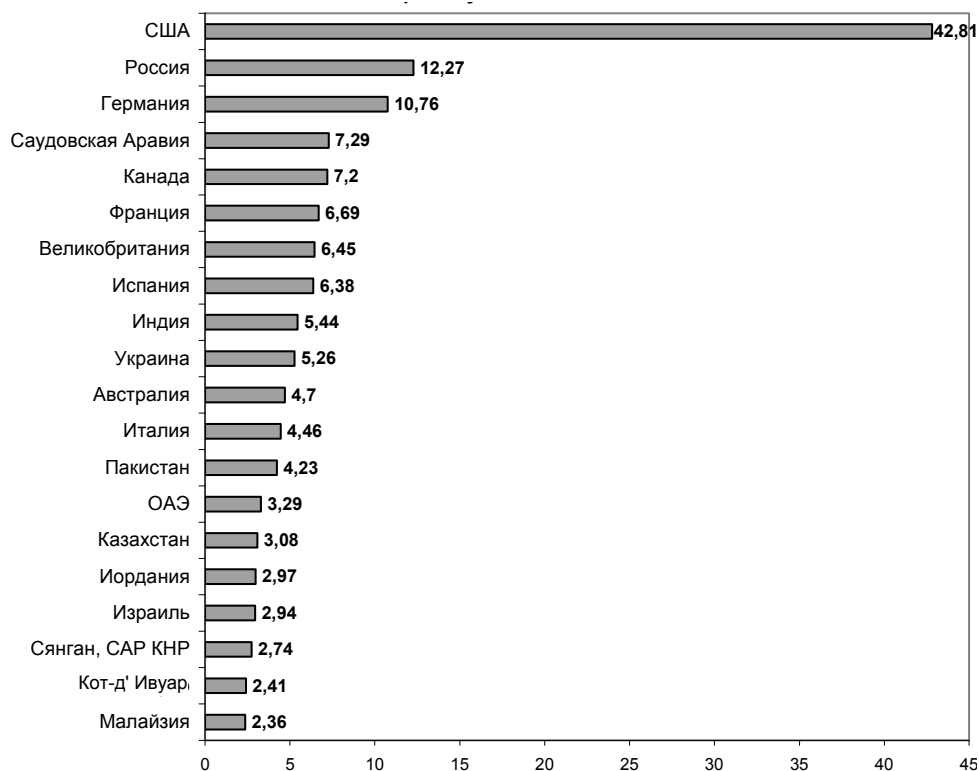

Рис 4. Страны с наиболее значительным числом мигрантов, на середину 2010 г., млн человек

Источник: International Migration 2009. United Nations, New York, 2009.

Вклад миграционного компонента в изменение численности населения России неуклонно уменьшался до 2003 г. (55 % в 1992–1997 гг., 16 % – в 1998–2004 гг. и 35 % – за 1992–2004 гг.). Увеличение миграционного прироста в 2004–2008 гг. при сокращении естественной убыли привело к замедлению темпов сокращения численности населения Российской Федерации. Так, в 2008 г. естественная убыль была на 71 % замещена миграционным приростом (в 2007 г. – на 54,9 %, в 2006 г. – на 22,5 %).

Эти данные наглядно показывают, что Россия становится все более зависимой от притока международных мигрантов для того, чтобы восполнить естественную убыль населения, а также заполнить имеющиеся ниши на национальном рынке труда и соответственно снизить коэффициент демографической нагрузки, который неизбежно растет вследствие старения коренного населения. При этом важно, что международная миграция в России обеспечивает не просто компенсацию естественной убыли населения, но и способствует изменению его структуры, если учитывать более молодую возрастную структуру мигрантов, а часто – иные демографические установки на многодетность, отличные от установок стареющего коренного населения. Как видно из рис. 8, возрастная структура иммигрантов более молодая (по сравнению со структурой населения России). Так, в 2009 г. почти 78 % иммигрантов приходилось на лиц трудоспособного возраста, тогда как среди населения России в целом – около 63 %. Значительное снижение доли мигрантов моложе трудоспособного возраста в 2000-е гг. отражает резко сузившиеся возможности получения образования для молодежи из стран СНГ. Так, в 2009 г. только 3999 человек прибыли в Российскую Федерацию с целью получения образования, в том числе 3860 мигрантов из стран СНГ и 139 мигрантов из стран дальнего зарубежья.

Рис. 5. Замещение естественной убыли населения миграционным приростом (в процентах)

Источник: данные Росстата.

Вместе с тем подчеркнем, что, акцентируя все внимание на количественных показателях убыли населения, которая приняла в России крайнюю форму депопуляции, упускается из виду не менее (а возможно, и более) важная характеристика демографического кризиса, а именно – **процессы общей деградации (духовной, психологической, психической и физической) населения России, значительного ухудшения его качественных характеристик**, сопровождаемых ростом табакокурения, алкоголизма, распространением СПИДа и наркомании и др.

Кризисность демографической ситуации характеризуется тем, что в последние годы около половины рождающихся детей изначально больны различными заболеваниями, при этом не менее 5 % из них оказываются «на улице», то есть брошенными живыми родителями, общая численность социальных сирот составляет около 700 тыс. человек, беспризорников – более 4 млн! Каждые 9 из 10 выпускников школ больны хроническими заболеваниями, а 2/3 окончивших высшие учебные заведения имеют еще больший «букет» заболеваний. Ежегодно около 1 млн человек признаются инвалидами, а общая численность детей-инвалидов превысила 617 тысяч. В настоящее время общая численность выявленных наркоманов официально оценивается в 6 млн человек, а в ближайшие годы она может превысить 10 млн! При этом уровень заболеваемости наркоманией среди молодежи в 2,5 раза выше, чем у взрослых. Число смертей от употребления наркотиков в сравнении с 1980-ми гг. в целом увеличилось в 12 раз, а среди несовершеннолетних – в 42 раза! Средняя продолжительность жизни наркоманов составляет 10–15 лет.

Налицо кризис социально-демографического развития общества, кризис института семьи. Впервые в начале 2002 г. в России количество разводов превысило число бракосочетаний. В последние годы в России жертвами насилия в семье являются свыше 2 млн детей в год. По сути, как отмечают эксперты, нарастает процесс «дебилизации» молодежи и населения в целом, достижение критической (более 50 % от всего населения) массы которых поставит крест не только на формировании развитой экономики, но и на всем развитии России, станет прямой угрозой ее национальной безопасности [Демографический... 2004].

Еще более негативная демографическая ситуация сложилась в настоящее время в отдельных регионах России. Например, в Дальневосточном федеральном округе за 1992–2010 гг. численность населения сократилась на 19,6 %, Сибирском – на 7,5 % (по сравнению с 4,4 % в целом по России). В результате усугубляется диспропорция в распределении населения по территории страны. При этом в европейской части страны, являющейся историко-культурной основой российской государственности, на фоне резкого снижения рождаемости возрастает доля людей старших возрастов, тогда как стратегически важные регионы Сибири и Дальнего Востока из-за миграционного оттока продолжают терять население.

Перспективы демографического развития России в XXI в. Способна ли миграция решить проблемы демографического развития России?

Говоря о перспективах демографического развития России, следует отметить, что, как предсказывают практически все прогнозы (и отечественные, и зарубежные), в России в XXI в. (по крайней мере, до 2040 г.) будет наблюдаться естественная убыль населения. Так, по прогнозам ООН, в 2010–2050 гг. ежегодная естественная убыль населения составит в среднем около 510 тыс. человек. В свою очередь, по прогнозам Росстата, в 2010–2030 гг. ежегодная естественная убыль населения будет составлять в среднем около 485 тыс. человек.

Россия, как и страны Западной Европы, столкнется с нарастающим старением населения, в результате сократится доля населения трудоспособного возраста при одновременном увеличении доли лиц пенсионного возраста. По мере выхода из трудоспособного возраста многочисленных послевоенных поколений в России начнет нарастать убыль трудоспособного населения: в 2011 г. численность населе-

ния трудоспособного возраста уменьшится примерно на 875 тыс. человек, в 2012 г., согласно прогнозу, она уменьшится уже более чем на 1 млн человек, в 2013–2019 гг. – еще на 6616 тыс. человек. В результате расходы на социальное обеспечение могут оказаться слишком тяжелой ношей для экономики страны, обострив проблемы с выплатами пенсий и социальных пособий, а некоторые регионы могут практически полностью обезлюдеть.

При сохранении сложившихся тенденций смертности прослеживается перспектива дальнейшего усиления гендерных диспропорций в населении России. Так, если в 2005 г. среди людей старше 60 лет численность женщин уже в 2,2 раза превышала долю мужчин, то к 2025 г. эта пропорция может существенно возрасти.

По оценкам экспертов ООН, численность населения России (при различных вариантах прогнозов) составит к началу 2025 г. от 121,7 до 136,6 млн человек (сократившись по сравнению с началом 2005 г. от 7,0 до 21,9 млн человек), а к 2050 г. – от 92,4 до 134,5 млн человек (см. рис. 6).

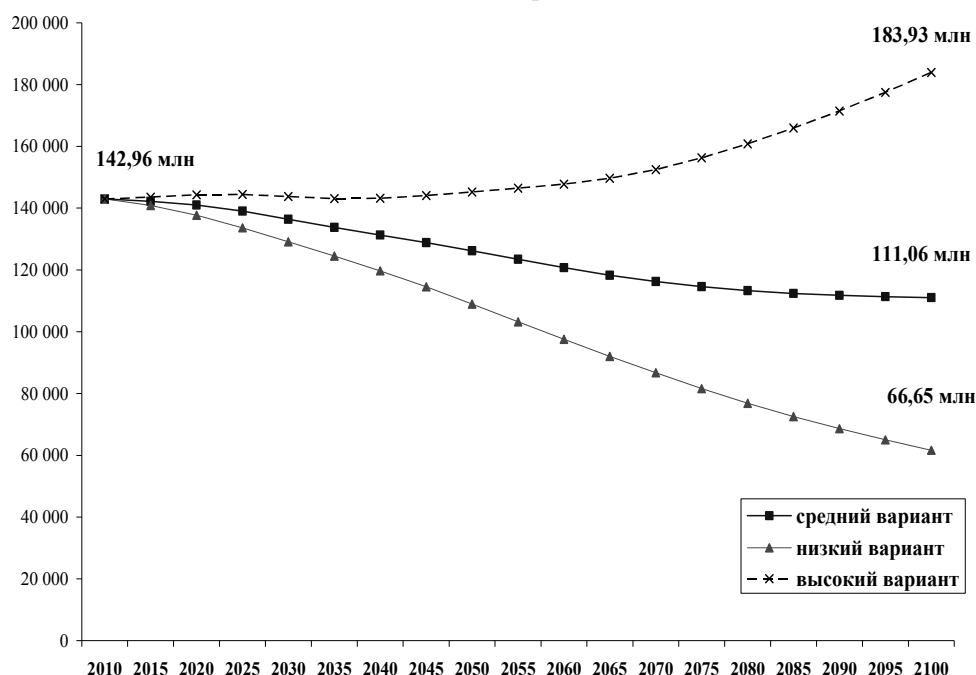

Рис. 6. Изменение численности населения России (варианты прогноза ООН; на середину года)

Источник: World... 2010.

Учитывая трудозатратный тип российской экономики и ограниченные возможности повышения производительности труда, одним из основных путей преодоления дефицита рабочей силы является привлечение иностранной рабочей силы и повышение внутренней территориальной мобильности населения в России. В этих условиях приток мигрантов может показаться «панацеей» для улучшения демографической ситуации и обеспечения роста населения России в XXI в. Но возможно ли разрешить все имеющиеся демографические проблемы России только с помощью международной миграции?

Таблица 6

Чистая миграция, необходимая для поддержания неизменной численности населения России в 2001–2050 гг.

	Медианное значение	С 60%-ным доверительным интервалом	С 95%-ным доверительным интервалом
2011–2015 гг.	874	547–1222	187–1668
2016–2020 гг.	998	626–1393	205–1888
2021–2025 гг.	1164	801–1542	406–2045
2026–2030 гг.	1256	918–1636	572–2218
2031–2035 гг.	1267	874–1695	482–2329
2036–2040 гг.	1256	794–1743	272–2458
2041–2045 гг.	1253	745–1772	130–2566
2046–2050 гг.	1252	752–1796	71–2678

Источник: Вишневский и др. 2003: 22.

Как показывают исследования экспертов ООН и отечественных ученых, для того, чтобы поддерживать численность трудоспособного населения на постоянном уровне, России уже сейчас нужно принимать ежегодно (по медианному прогнозу) в среднем около 700–800 тыс. мигрантов (нетто-миграция) и постепенно наращивать этот объем до 0,9–1,1 млн мигрантов. Учитывая, что население трудоспособного возраста составляет около 3/4 миграционного притока, чтобы полностью возместить потери трудоспособного населения, России в предстоящие два десятилетия потребуются привлечь свыше 20 млн иммигрантов. Очевидно, что такая перспектива нереальна. Согласно оценкам ООН, чистая иммиграция в 2010–2050 гг. будет составлять, по медианному прогнозу, около 97 тыс. человек ежегодно.

В связи с этим роль международной миграции в демографическом развитии России не нужно преувеличивать. Утверждение о том, что иммиграция может стать решением всех демографических проблем современной России, крайне ошибочно. Это миф, дезориентирующий руководство страны и ее отдельных регионов.

Иммиграция может лишь частично сгладить негативные последствия демографического кризиса (что само по себе, конечно, важно), в определенной мере решить отдельные региональные демографические проблемы (например, в Сибири и на Дальнем Востоке), но не более. Пример развитых стран показывает, что иммиграция может быть относительно эффективным средством преодоления демографических проблем страны лишь в условиях депопуляции.

Учитывая современный уровень социально-экономического и демографического развития России, международная миграция сама по себе не сможет решить все демографические проблемы России в XXI в.

Демографические аспекты национальной безопасности России

Демографический кризис, наблюдаемый в современной России, представляет собой одну из наиболее серьезных угроз переходу страны в общество экономики знаний. Он создает вполне реальные, осязаемые риски для России, создающие угрозу ее территориальной целостности, делающие невозможным устойчивое развитие экономики и социальной сферы страны в наступившем XXI в.: сокраще-

ние возрастающими темпами численности населения страны, ведущее к снижению доли России в мировом населении, к подрыву оборонной мощи государства и безопасности ее граждан; к еще большей незащищенности границ, увеличению проникновения в страну наркотиков, оружия, контрабанды, нелегалов, террористов; обезлюдение геополитически важных регионов страны, ведущее в перспективе к их потере и увеличению хищнического, браконьерского использования находящихся там ресурсов; уменьшающиеся в связи с убылью населения масштабы внутреннего рынка, являющегося во всех странах локомотивом экономики; катастрофическое снижение численности трудоспособного населения в России; ухудшающаяся возрастная структура населения и связанный с этим рост нагрузки на пенсионную систему и социальную сферу; рост заболеваемости и смертности, ведущий к дальнейшему снижению ожидаемой продолжительности здоровой жизни населения; продолжающийся отток из России квалифицированных кадров, особенно молодежи, ведущий к снижению научного, творческого, культурного потенциалов российского общества, обостряющий проблему внешней технологической зависимости России; все вместе обуславливается качественными негативными изменениями в населении России, ведущими к его деградации и дебилизации.

В связи с этим вполне закономерным представляется то, что в девяти из одиннадцати посланий президента Федеральному собранию РФ за 2000–2010 гг. (2000, 2001, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2009 и 2010 гг.) затрагиваются проблемы демографического развития современной России. Так, в послании президента России 2005 г. подчеркивалось, что *«успех нашей политики во всех сферах жизни тесно связан с решением острейших демографических проблем»*. А в послании президента России 2006 г. вопросы демографии и укрепления института семьи стали ключевыми, составив около 25 % от общего объема всего документа. В этом послании была предложена программа стимулирования рождаемости, направленная на материальную поддержку женщин, имеющих детей, и развитие инфраструктуры, способствующей помощи семье при рождении и воспитании детей.

**Из послания Президента Российской Федерации Федеральному собранию
10 мая 2006 года**

А теперь о главном... о семье. И о самой острой проблеме современной России – о демографии...

... проблемы экономического и социального развития страны тесно связаны с простым вопросом: для кого мы все это делаем?... Мы неоднократно поднимали эту тему, но по большому счету – *мало что сделали*...

... если мы действительно хотим сделать для граждан что-то полезное и нужное – предлагаю вам, отодвинув в сторону политические амбиции и не распыляя ресурсы, сосредоточиться на решении важнейших для страны проблем. И одна из них – демографическая, или, как точно выразился А. И. Солженицын, это в широком смысле «сбережение народа». Тем более что в обществе есть консенсус в понимании того, что мы должны в первую очередь решить именно эту, ключевую для всей страны проблему...

Источник: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105546.shtml>

В послании Президента России 2010 г. указывается, что *«мы взяли за демографическую проблему всерьез и надолго, но должны понимать, что в ближай-*

шие 15 лет будут сказываться последствия демографического спада 90-х гг., а число женщин так называемого репродуктивного возраста значительно сократится. И это серьезная угроза, это вызов для всей нашей нации»³.

Вместе с тем, рассматривая выступления официальных лиц, а также нормативные документы Российской Федерации, регулирующие вопросы демографической политики, необходимо подчеркнуть, что практически все акценты в нем связаны, по существу, только с количественными показателями, в то время как качественные параметры развития населения остаются в тени. В то же время, как отмечает известный западный экономист П. Друкер, конкурентоспособность территорий будет зависеть не столько от количества, сколько от качества населения, его профессионального образования, восприимчивости к инновациям, квалификации и умения менеджеров и еще одного немаловажного аспекта – наличия позитивной идеологии, которая объединила бы людей для достижения поставленной цели. Не обладая тем или иным качеством человеческого потенциала, страны либо должны замещать его чем-то другим, либо их стремление к конкурентоспособности на мировом рынке окажется пустой тратой средств и усилий.

Возможен ли выход России из демографического кризиса? (Вместо заключения)

Возможно ли улучшить демографическую ситуацию в России, переломить негативные тенденции демографического развития? По нашему мнению, несмотря на высокую инерционность демографических процессов, пока это вполне выполнимая задача. Однако для ее решения требуются немедленная консолидация сил государства и общества, осознание руководителями страны и ее регионов, обществом в целом всей пагубности для будущего России сохранения негативных тенденций в современных демографических процессах, понимание необходимости и воспитывая «на потом» решительных действий для повышения рождаемости и воспитания детей (например, через признание государством и обществом главной и оплачиваемой сферой жизнедеятельности труд женщины по рождению и воспитанию ребенка), снижения смертности и укрепления здоровья населения через пропаганду здорового образа жизни, улучшение системы здравоохранения и социальных условий, активной государственной миграционной политики по привлечению соотечественников и квалифицированных мигрантов в Россию. Главным должен стать тезис: «Лучше быть здоровым, образованным и богатым, чем больным, неграмотным и бедным». Как писал древнегреческий врач Эразистрат еще в 245 г. до н. э., «в обществе, в котором нет здоровья, не будет ни науки, ни искусства, и даже богатство становится совершенно бессмысленным». Говоря о здоровье населения, нельзя забывать, что оно есть не только физическое состояние человека, но и его духовное, психическое и психологическое состояние. И в укреплении последних особенно велика может быть роль государства, церкви и других социальных институтов.

Выход из демографического кризиса (включающего крайнюю форму депопуляции) в России и ее дальнейшее поступательное развитие *возможны только при комплексном государственном подходе к управлению демографическими процессами*, а именно: стимулирование роста рождаемости или, по крайней мере, ее стабилизации (на уровне 1,7–1,9 здоровых ребенка на женщину); уменьшение смертности (все еще имеется огромный резерв для сокращения экзогенной смертности);

³ URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/9637>

разработка адекватной современным демографическим реалиям государственной иммиграционной политики, в основу которой должно быть заложено понимание того, что миграция – это не зло, против которого надо бороться, используя весь мощный репрессивный аппарат, а благо для России; повышение внутренней миграционной подвижности населения; и, главное, формирование отношения к здоровой (и духовно, и физически) и благополучной человеческой жизни как самой главной ценности нашего государства.

В заключение хотелось бы привести слова выдающегося русского ученого Дмитрия Ивановича Менделеева: «...забвение первичности задач народонаселения составляет одну из ошибок мышления, которая объясняет немалое число мировых погрешностей».

Литература

- Архангельский В. Н. Факторы рождаемости. М. : ТЕИС, 2006.
- Вишневский А. Г., Андреев Е. М., Трейвиш А. И. Перспективы развития России: роль демографического фактора. М., 2003.
- Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневского. М. : Новое издательство, 2006.
- Демографический ежегодник России 1999–2002. М. : Госкомстат, 2000–2002.
- Демографический ежегодник России 2002: стат. сб. М. : Росстат, 2005. URL: www.gks.ru
- Демографический ежегодник России 2005–2010. М. : Росстат, 2006–2011.
- Демографический фактор в социально-экономическом развитии региона (на примере Пермской области) / под ред. проф. В. А. Ионцева. М. : ТЕИС, 2004.
- Ильин И. В., Алешковский И. А. Здоровье науки и современный демографический кризис в России // Материалы научно-практических конгрессов III Всероссийского форума «Здоровье нации – основа процветания России». М. : КДУ, 2007.
- Ломоносов М. В. О сохранении и размножении российского народа // Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. М. : Наука, 1986.
- Менделеев Д. И. К познанию России. М. : Айрис-Пресс, 2002.
- Население России на рубеже XX и XXI веков. М. : МАКС Пресс, 2004.
- Население России 2002. Десятый ежегодный демографический доклад / под ред. А. Г. Вишневского. М. : КДУ, 2004.
- Население России 2010 / под ред. А. Г. Вишневского. М. : КДУ, 2004.
- Население России за 100 лет (1897–1997): стат. сб. М. : Госкомстат России, 1998. С. 156.
- Database PRED 3.0. New York : UN, DESA, Population Division, 2002.
- Database PRED 4.0. New York : UN, DESA, Population Division, 2010.
- Replacement Migration: Is it a Solution to Declining and Ageing Populations. New York : United Nations, 2001.
- The New Demographic Regime. Population Challenges and Policy Responses. New York; Geneva, 2005.
- World Population Prospects: The 2010 Revision: [сайт]. URL: www.un.org/popin/data.html

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

Розанов А. С.

аспирант факультета глобальных процессов МГУ

имени М. В. Ломоносова.

E-mail: rozanov@fgp.msu.ru

Статья посвящена анализу международного терроризма как глобальной проблемы человечества. Особое внимание уделено выявлению сущности процесса глобализации, его влияния на расширение связей террористов с мировой организованной преступностью. Автор выделяет ключевые тенденции в развитии современных международных террористических организаций.

Ключевые слова: *международный терроризм, глобализация, глобальная проблема, международные террористические организации, организованная преступность.*

The article analyzes international terrorism as a global problem of the human-kind. Particular attention is paid to identifying the essence of the globalization process and its influence on expansion of global terrorists' links with organized crime. The author identifies the key trends in the development of international terrorist organizations.

Keywords: *international terrorism, globalization, global problem, international terrorist organizations, organized crime.*

Терроризм сегодня стал неотъемлемым спутником нашей жизни, порождая во всем мире страх, неуверенность в завтрашнем дне и огромный политический и экономический ущерб. Однако феноменом мирового масштаба и глобальной угрозой современности терроризм можно назвать только с начала 90-х гг. XX в., когда он вышел за рамки локального явления и стал международным. Обратимся к статистическим данным: если в 1980 г. во всех странах мира было зафиксировано 500 актов терроризма [Статистика...], то уже к 2006 г. – 14 338 [Country...]. Как мы видим, терроризм в настоящее время вышел на транснациональный уровень.

Имеется множество научно обоснованных прогнозов относительно развития человечества в ближайшие несколько десятилетий, и многие ученые указывают на то, что основными источниками международного терроризма будут страны с недостаточно сильным правительством, этническими, культурными или религиозными трениями, слабой экономикой и плохо охраняемыми границами. В то же время сохранится угроза использования новых средств высокоскоростной передачи информации и других технологических достижений для объединения незаконной деятельности транснациональных террористических сетей, а предположение, сделанное отечественными специалистами А. Д. Урсолом и А. Л. Романови-

чем [Урсул, Романович 2001: 426] о том, что международный терроризм способен спровоцировать войну цивилизаций с катастрофическими последствиями, является вполне обоснованным, особенно учитывая современные реалии терроризма.

Однако прежде чем говорить о терроризме как о глобальной проблеме, необходимо дать определение понятиям «глобализация» и «глобальный».

Предметом острых дискуссий являются вопросы о сути глобализации, времени ее начала, движущих силах, успехах и недостатках и, конечно, ее перспективах. Многие рассматривают ее с позиции какой-то одной науки (в частности, экономики) или усматривают в ней злой умысел, преднамеренно заданный ход событий, предначертанный и направляемый определенными силами.

Термин «глобализация» как уплотнение мира и усиление осознания мира как целого был впервые подробно истолкован в 1985 г. Р. Робертсоном [Robertson 1985], однако распространение получил только в 1990-е гг.

У. Бек в своей книге «Что такое глобализация?» [Бек 2001: 23] справедливо соотносит глобализацию с процессами интеграции говорит о невозможности «устранить уже возникшую глобальность», под которой он понимает «то, что мы давно уже живем в мировом обществе». Схожие идеи высказывает в 1990 г. и М. Алброу, который определяет глобализацию как «процессы, благодаря которым народы мира инкорпорируются в единое мировое общество, глобальное общество» [цит. по: Чумаков 2011: 74]. Тем не менее в своих трудах данные авторы не показывают истоки этих процессов, которые имеют объективный характер и действуют в естественно-историческом контексте. Собственно, попытка проследить генезис глобализации и определить ее контуры была сделана А. Н. Чумаковым, который рассматривает глобализацию как «процесс универсализации, становления единых для всей планеты Земля структур, связей и отношений в различных сферах общественной жизни», а термин «глобальный», происходящий от слова *global* (общий, всеобщий, мировой), – как охватывающий весь глобус, то есть «распространяющий свое влияние (воздействие) на всю планету Земля» [Там же: 31]. Данный подход представляется нам наиболее справедливым. Действительно, глобализация распространилась на все сферы общественной жизни, начиная от экономики и философии и заканчивая культурой и спортом, и нет такой области жизни, которая бы не испытывала ее воздействие. Многие как позитивные, так и негативные явления также приобретают глобальный характер – например, движение зеленых, антиглобалистов, терроризм и преступность, наркомафия и т. д. Происходит глобализация преступности и насилия – одно из негативных последствий глобализации, так как именно ослабление национального суверенитета и еще большая открытость границ способствуют распространению терроризма и облегчению наркотрафика [Гринин 2008]. И если до XVIII в. терроризм был в основном религиозным, а после Французской революции – политическим, то сейчас он вышел за пределы национальных территорий, став международным. Об этом говорит не только увеличение территориального охвата террористических атак и изменение роли, форм и содержания терроризма, но и расширение его субъектной базы. Помимо национальных террористических групп, незаконных вооруженных формирований и других экстремистских организаций, признающих террористические методы борьбы, возникают и международные террористические организации (МТО), деятельность которых, осуществляемая гражданами

одной или нескольких стран, направлена на подрыв либо конституционного строя иных государств, либо международного правопорядка и международных отношений в целом.

Именно международные террористические организации представляют собой наибольшую угрозу и опасность для общества, так как они имеют собственные независимые источники финансирования и осуществляют свою деятельность в различных регионах мира, вселяя в людей страх и неуверенность в завтрашнем дне и подрывая авторитет государства. Особенно выделяются МТО этнонационального и религиозно-политического толка (такие как Аль-Каида, Хезболла, «Братья-мусульмане», Аум Синрикё, ЭТА и др.) [Профилактика... 2010: 11], которые возникают в связи с ослаблением государственности и сокращением объема суверенных прерогатив. Многие из них имеют связи со спецслужбами других иностранных государств, которые в данном случае являются одним из субъектов международного терроризма, поддерживающих террористические организации, противостоящие политическим и экономическим системам другого государства. Происходит как бы «смыкание» терроризма и организованной преступности.

Для ряда МТО характерны деструктивное воздействие на международную безопасность и осуществление внешнеполитической экспансии в интересах определенных международных и антигосударственных кругов, а также высокий уровень ущерба, связанного с их реальной и потенциальной деятельностью. Ее высокая опасность и угроза мировой безопасности определяются также глобальной информатизацией и развитием компьютерных технологий, ведь именно использование Интернета позволило террористическим организациям действовать на огромных расстояниях, передавая инструкции из одной точки мира в другую, а мировое развитие транспорта и коммуникаций облегчило перемещение боевых единиц и ускорило их обучение методам террористической борьбы.

Глобальный характер современному терроризму придают и СМИ, которые мгновенно передают сообщения о террористических актах, делая миллионы зрителей по всему миру их свидетелями и тем самым оказывая психологическое давление на людей. Одновременно происходит бесплатная реклама террористической организации, которая обычно не скрывает своей причастности для создания атмосферы страха и оказания давления на власть.

Таким образом, международный терроризм сегодня дает о себе знать практически повсеместно, а филиалы так называемой «глобальной террористической сети» Аль-Каида находятся более чем в 60 странах мира [Ауман Al-Zawahiri 2005: 150]. Причем если раньше можно было говорить о существовании не только радикального террористического подполья, но и его умеренного крыла для представления своих идей правительству (Ирландская республиканская армия, баскские сепаратисты и т. д.), то после второй половины XX в. они фактически размежевались, а сфера деятельности собственно террористов значительно расширилась. Так, те же ирландские террористы стали устраивать взрывы не в конфликтном Белфасте, а на территории Лондона, баскские террористы все чаще стали угрожать Франции [Егоров 2008] и т. д. При этом международный терроризм стал еще более жестоким и агрессивным, произошло расширение его связей с локальными, национальными и этническими конфликтами. Все это наряду с возможностью попадания в руки террористов оружия массового уничтожения (в частности, химического и бактериологического) и уязвимостью государственных систем

жизнеобеспечения способствует интернационализации терроризма и приобретению им глобального характера.

Литература

Бек У. Что такое глобализация? М. : Прогресс-Традиция, 2001.

Гринин Л. Е. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета // Век глобализации. 2008. № 1. С. 86–97.

Егоров К. Ю. Международный терроризм как глобальная угроза // Власть. 2008. № 6. С. 73–76.

Профилактика (предупреждение) экстремизма и терроризма. Методическое пособие пропагандистов / под общ. ред. Л. Н. Панковой, Ю. В. Таранухи. М. : Университетская книга, 2010.

Статистика. Терроризм [сайт]. URL: <http://privacyandterrorism.org/stat.php>

Урсул А. Д., Романович А. Л. Безопасность и устойчивое развитие. М., 2001.

Чумаков А. Н. Глобализация и контуры целостного мира. М. : Проспект, 2011.

Ayman Al-Zawahiri. Knights Under the Profet's Banner // Foreign Affairs. 2005. Vol. 84. No 1.

Country Reports on Terrorism. U.S. Department of State [сайт]. URL: <http://www.state.gov/j/ct/rls/crt/>

Robertson R. Relativization of Societies: Modern Religion and Globalization. Chicago : Scholars Press, 1985.

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

МИРОВОЕ ЛИДЕРСТВО И КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ

Теймури В.

руководитель международного отдела

Иранского национального центра по исследованию глобализации.

E-mail: waliteymouri@yahoo.fr

Одной из главных особенностей современного мира является многообразие идей и мировоззрений, а следовательно, мировые политические лидеры должны уметь строить общение, учитывая эти особенности. Иными словами, для того, чтобы являться мировым политическим лидером, необходимо быть культурно эрудированным человеком, а это умение можно приобрести со временем.

Данная статья посвящена проблеме культурного интеллекта как главной характеристики глобального лидерства. Исследование нацелено на построение теоретической основы отношений между глобализирующимся миром, мировыми политическими лидерами и культурным интеллектом и выполнено на основе обзора существующей литературы, а также других относящихся к теме материалов. Результаты исследования подтвердили предположение о том, что мировые лидеры будущего должны быть осведомлены о культурном многообразии, чтобы по-настоящему осознать процессы глобализации. Они должны быть уверены в возможности совместного управления миром, основанного на взаимном уважении и понимании.

Ключевые слова: культура, культурный интеллект, глобальные лидеры, глобализация.

One of the major features of modern world is the diversity of ideas and attitudes; therefore, leaders must be able to communicate through understanding this inherent point of departure. In other words, to be a global leader, one has to be culturally intelligent, which is a skill that can be acquired in the course of the time.

The present paper focuses on the question of cultural intelligence as an essential characteristic of global leadership. The study aims at designing a theoretical framework on the subject of the relationship between globalized world, global leadership and cultural intelligence through reviewing the existing literature, and other related documents. The findings of the study confirmed the assumption that the future leaders of the world must be aware of the cultural diversity to realize the real process of the ongoing globalization. They have to believe in a joint management of the world based on the mutual respect and understanding.

Keywords: culture, cultural intelligence, global leaders, globalization.

Введение

Сегодня мы стали свидетелями того, как глобализация, будучи главной социополитической тенденцией практически во всех современных аспектах жизни, привела к появлению такого понятия, как глобальное управление. В прошлом большинство людей рождались, жили и умирали в одном определенном географическом районе, так никогда и не встретившись с представителями другой культуры. Однако в наши дни трудно встретить человека, который бы за всю жизнь не пообщался с носителями иной культуры.

Следует различать понятия «интернационализация» и «глобализация». Интернационализация – это стратегия, разработанная определенными группами и странами с целью увеличения своей прибыли. Здесь никто не думает о других. Отношения власти и личная выгода определяют желаемый результат в рамках данного подхода.

С другой стороны, глобализация – это естественный процесс, объединяющий людей всех национальностей. Глобализация находится в гармонии с человеческой природой, и это реальность, о которой люди имеют определенное представление [Thomas, Inkson 2004]. Глобализированный мир характеризуется множеством контактов между народами с различными культурами. Появляется все больше возможностей для встреч, общения и жизни рядом с людьми, принадлежащими к иным культурам. Стремительные изменения в человеческом обществе способствуют появлению социума, в котором будут реализованы все человеческие ценности и человек достигнет настоящего нравственного совершенства и счастья. Это будет мир совершенного и сильного человечества. Адекватное руководство может способствовать формированию подобного представления о глобализации; это станет реакцией на происходящее усложнение, изменение, индивидуальные различия и иные ситуации [Friedman 2005]. Такое руководство будет способствовать установлению прочных отношений как между лидерами разных обществ, так и между лидерами и подчиненными в той или иной ситуации. Бесспорно, что такой тип руководства невозможен без использования разных типов интеллекта. Помимо обычного (IQ) и эмоционального (EQ) интеллекта современным лидерам также необходимо обладать и культурным интеллектом [Chin, Gaynier 2006]. Будущие мировые лидеры должны осознавать культурное разнообразие, для того чтобы правильно направлять траекторию развития глобализации. Им следует придавать большее значение взаимоуважению и равноправию народов. А именно, чтобы оказывать влияние на процесс глобализации, необходимо быть культурно интеллектуальным лидером [Thomas, Inkson 2005].

Обзор литературы по теме

Бюкер и Путсма [Bücker, Poutsma 2010] изучили четыре элемента, необходимых для создания модели глобального руководства: глобальная система, межкультурная компетенция, межкультурная восприимчивость и культурный интеллект. Авторы выяснили, что культурный интеллект в этом случае является действительно значимым компонентом.

Имаи и Гелфанд [Imai, Gelfand 2010] изучили влияние культурного интеллекта на процесс переговоров на примере 124 субъектов из США и стран Восточной

Азии. Результаты их исследования показали, что между культурным интеллектом и результативностью переговорного процесса существуют значимые связи.

Алон и Хиггинс [Alon, Higgins 2005] демонстрируют, что в любой организации необходим баланс между обычным, эмоциональным и организационным интеллектом, а также другими мотивациями (см. рис. 1).

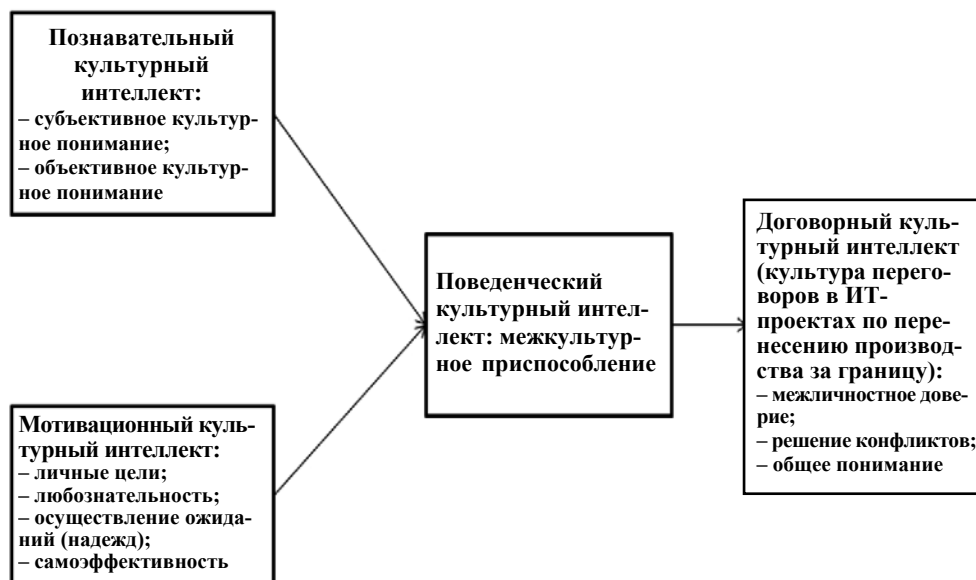

Рис. 1

Грегори с соавторами [Gregory *et al.* 2009] изучили аспекты культурного интеллекта на основе анализа 32 интервью; сделанные выводы затем позволили им представить модель влияния культурного интеллекта на производство ИТ-систем.

Темплер и Чандрасехар [Templer *et al.* 2006] утверждают, что культурный интеллект влияет на индивидуальные способности адаптироваться к новым требованиям глобального управления. Они выяснили, что люди, с интересом изучающие новые культуры, способны легко осваиваться в новом культурном пространстве и демонстрируют более высокое чувство ответственности в международных и глобальных взаимодействиях.

Теория глобализации

Изучение разных аспектов глобального руководства привело к модели, основанной на трех элементах: лидер, подчиненные и ситуации, как показано на следующем рисунке (см. рис. 2).

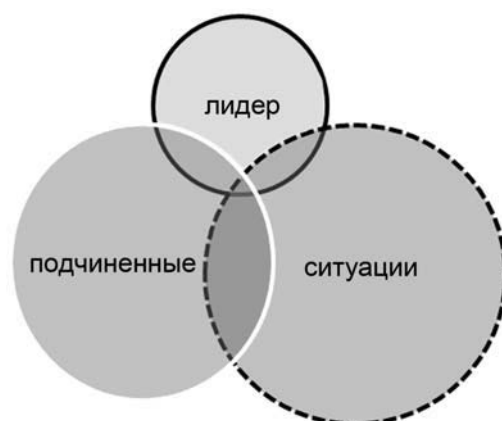

Рис. 2

Эти три элемента в разных ситуациях взаимодействуют по-разному. Главным элементом данной модели является лидер (руководитель); IE имеет разные формы и стиль, который включает как самые простые формы управления и контроля, так и более сложные формы взаимодействия [Bass 1998; Avolio 1999; Tejada 2001].

Такие основные элементы, как «обязательства» и «взаимоотношения», также оказывают влияние на процессы глобального управления и, следовательно, изучаются в рамках науки об управлении (менеджмента) [Halpin, Winer 1957]. Эти два фактора также можно обозначить как ответственность лидеров и их взаимодействие. К первой группе относится односторонняя деятельность, которая состоит в наблюдении за действиями подчиненных; здесь не нужен высокий уровень культурных навыков; чтобы заставить других действовать определенным образом, достаточно просто высокого уровня IQ. Этот стиль руководства широко применяется в сфере промышленности, а также хорошо работает среди водителей. Второй стиль в большей степени является результатом эмоционального и общественного взаимодействия в контексте взаимоотношений с другими. Подобный тип взаимоотношений является не просто логическим и рациональным, но проявляется из потребности индивидуума развивать свою личность как социальное существо. Эмоциональное лидерство связывает руководителей друг с другом и с подчиненными [Golman 2001].

Мировые политические лидеры

Мы живем в эпоху, которая характеризуется стремительными изменениями и высокой приспособляемостью практически в любой сфере повседневной жизни. Нам нужны руководители, способные контролировать подобные изменения. Лидеры, которые хотят оказывать какое-то влияние на мировой арене, должны мыслить вне границ, и не только географических. Ключевыми понятиями в глобальном лидерстве являются осознание культурных и национальных различий и ценностей и установление мультикультурных взаимоотношений в человеческом обществе [Hollander 1978]. Культурный интеллект играет ключевую роль в реализации целей глобального руководства. Для реализации функций человеческого капитала культурный интеллект (CQ) фактически является «программным обес-

печением», а обычный интеллект (IQ) есть «техническое обеспечение». Цель состоит в знакомстве с современным культурным многообразием. Глобализирующемуся миру нужны лидеры, которые хорошо осведомлены о существующих типах интеллекта и способны применять в процессе управления как культурный, так и обычный интеллект.

Теория культурного интеллекта

Понятие интеллекта в современной жизни намного шире, чем в традиционном понимании. В психологии интеллект – это результат инноваций, развития личности и умозаключений (рассуждений) [Gardner 1995].

Данное понятие интенсивно исследуется, и уже существует огромное количество литературы по этому вопросу. Результаты исследований свидетельствуют о том, что к вопросу интеллекта нужно подходить с разных точек зрения и различные виды интеллекта должны изучаться специалистами [Wannamaker 2005].

Культура

Термин «культура» обозначает традиции, обычаи, религиозные обряды, духовные ценности и литературное наследие того или иного общества. Определение этих понятий – первый шаг в изучении культуры [D'Andrade 1995]. Исчерпывающее определение культуры должно указывать на то, что она состоит из материальных и нематериальных элементов.

В подобной формулировке нематериальная/ментальная культура относится к пониманию индивидуумом своего социального окружения с его ценностями и нормами [Triandis 1972]. С другой стороны, к материальной культуре относятся правовая система, экономическая, политическая, религиозная и образовательная деятельность [Ang, Inkpen 2008; Leung, Ang 2008]. Человеческое взаимодействие является здесь главным пунктом, как, впрочем, и в других исследованиях в этой области [Ortner 1984].

Подобные взаимодействия легко наблюдать и анализировать, они дают исследователям четкое представление о человеческих ценностях и традициях.

Например, в индустрии туризма гиды могут управлять человеческими отношениями только тогда, когда у них есть подобная культурная осведомленность и они демонстрируют ее во взаимодействиях с туристами так, чтобы это приносило удовлетворение туристам. Культурная осведомленность, наличие внутренней мотивации для понимания поведения и культурное поведение – вот три элемента, составляющие культурный интеллект.

Культурный интеллект

Культурный интеллект как новое направление исследований находится в прямой связи с различными производственными сферами. Это дает возможность человеку понимать других и реагировать на поведенческие модели. Конечным результатом является содействие культурным отношениям и развитие у участников необходимых управленческих навыков. Комплексный характер производственной сферы делает культурный интеллект обязательным компонентом. Люди с низким уровнем культурного интеллекта не способны общаться со своими коллегами и плохо управляют производством.

Ерли и Анг [Earley, Ang 2003] определили культурный интеллект как способность изучать новые культурные модели в процессе взаимодействия с другими людьми и возможность правильно реагировать в этих условиях. Они считают, что обычно в новых ситуациях довольно трудно найти знакомые культурные признаки. Человеку приходится создавать общую культурную концепцию, применяя свой культурный интеллект.

В другом определении культурного интеллекта утверждается, что фактически это индивидуальная особенность изучения культурного многообразия на протяжении всей жизни, которая дает людям культурную приспособляемость в ежедневных взаимодействиях. Это также относится и к эмоциональному, и к социальному интеллекту [Там же; Ng, Earley 2006; Thomas, Inkson 2004]. Самым важным элементом культурного интеллекта является его динамизм [Ortner 1984; Reckwitz 2002]. Ученые рассматривают культурный интеллект как междисциплинарное понятие [Earley, Ang 2003; Ng, Earley 2006; Thomas, Inkson 2004]. Основываясь на имеющейся литературе, культурный интеллект можно определить как способность человека адаптироваться в новой культурной среде [Earley 2002].

Глобальным лидерам необходимо знать различные элементы культурного интеллекта (см. рис. 3).

Рис. 3

Источник: Earley, Ang 2003.

Культурная осведомленность

Культурная осведомленность является наблюдаемым явлением, которое отвечает за культурное поведение и помогает ответить на вопросы: что заставляет

людей вести себя схожим образом? Какова причина подобных общих моделей поведения?

Культурная осведомленность подчеркивает необходимость понимания сущности культуры и культурных взаимодействий. Главные проблемы касаются определения культуры, культурной приспособляемости и перемещения. Главным для достижения подобной приспособляемости является способность понимать другие культуры.

Эмоциональный аспект культурного интеллекта касается культурного взаимодействия и обмена [Earley, Ang 2003], главным условием которых может служить любознательность [Berlyne 1960; Earley, Ang 2003; Thomas 2006]. Уверенность в себе, которая проявляется в осознании человеком своих способностей в вопросах культуры, также является одним из важнейших элементов культурного интеллекта [Bandura 1986; 1997]. Те, кому не хватает этого качества, контактируя с другой культурой, не проявляют высокого уровня мотивации, и им не удается установить контакт с представителями других культур (Raghuram 2006).

Поведенческий аспект культурного интеллекта включает те специфические стереотипы поведения, которые способствуют межкультурному пониманию [Earley, Ang 2003].

В культурном взаимодействии совместно работают два важных фактора: культурная осведомленность и культурная мотивация, которые помогают человеку в культурном взаимодействии с людьми другого происхождения. Вот некоторые главные навыки:

- активное слушание;
- умение задавать вопросы;
- подведение итогов;
- коммуникативные навыки.

Основанный на этом соответствующий культурный обмен позволяет людям различного происхождения относиться друг к другу положительно. Лучше всего культурный интеллект формируется посредством надлежащей подготовки [Brislin *et al.* 2006].

Заключение

Мы живем в эпоху быстрых изменений и приспособляемости почти в любой сфере деятельности. Разнообразные и в то же время взаимосвязанные общества нуждаются в руководителях, которые обладали бы обширными знаниями в области межкультурной коммуникации. Они должны понимать существующее многообразие и различия, применяя различные типы интеллекта (обычный интеллект IQ, эмоциональный интеллект EQ, культурный интеллект, культурную осведомленность и т. д.), и находиться в тесном контакте с лидерами других стран. Это означает, что глобализирующемуся миру необходимо управление, осуществляемое в пределах согласованного и соответствующего консультативного совета. Необходимость в лидерах, которые могут контролировать направление изменений в современной жизни, является общепринятой. Главное качество мировых лидеров будущего – их культурный интеллект [Manning 2003]. Только лидеры с высоким уровнем культурного интеллекта смогут влиять на траекторию изменений. В современном глобализованном мире необходимо понимание других культур во всем их многообразии и культурное взаимодействие с людьми различ-

ного культурного происхождения. Мировые лидеры должны придавать большое значение взаимоуважению и равноправию народов; осознавать культурное разнообразие в процессе глобализации, верить в совместное управление миром, основанное на взаимоуважении и понимании.

Перевод с английского Е. С. Столяровой

Литература

- Alon I., Higgins J. M. Global Leadership Success through Emotional and Cultural Intelligence // *Business Horizons*. 2005. No 48. Pp. 501–512.
- Ang S., Inkpen A. C. Cultural Intelligence and Offshore Outsourcing Success: A Framework of Firm-level Intercultural Capability // *Decision Sciences*. 2008. No 39(3). Pp. 337–358.
- Avolio B. J. Full Leadership Development: Building the Vital Forces in Organizations. Thousand Oaks, CA : Sage, 1999.
- Bandura A. Social Foundations of Thought and Action: A Social Cognitive Theory. New York : Prentice Hall, 1986.
- Bandura A. Self-efficacy: The Exercise of Control. New York : Freeman, 1997.
- Bass B. M. From Transactional to Transformational Leadership: Learning to Share the Vision // *Organizational Dynamics*. 1998. No 18(3). Pp. 19–31.
- Berlyne D. E. Conflict, Arousal, and Curiosity. New York : McGraw Hill, 1960.
- Brislin R., Worthley R., Macnab B. Cultural Intelligence: Understanding Behaviors that Serves People's Goal // *Group & Organization Management*. 2006. No 31(1). Pp. 40–55.
- Bücker J., Poutsma E. Global Management Competencies: A Theoretical Foundation // *Journal of Managerial Psychology*. 2010. No 25(8). Pp. 829–844.
- Chin C. O., Gaynier L. P. Global Leadership Competence: A Cultural Intelligence Perspective. Presented at the 2006 MBAA Conference [Электронный ресурс]. URL: <http://www.csuohio.edu/sciences/dept/psychology/graduate/diversity/GlobalLeadership%2011206.pdf> (дата обращения: 20.04.2011).
- D'Andrade R. The Development of Cognitive Anthropology. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Earley P. C. Redefining Interactions Across Cultures and Organizations: Moving Forward with Cultural Intelligence. *Research in Organizational Behavior*. 2002. Vol. 24. Pp. 271–299.
- Earley P. C., Ang S. Cultural Intelligence // *Individual Interactions across Cultures*. Stanford: Stanford University Press, 2003.
- Friedman T. The World is Flat. New York : Farrar, Straus and Giroux, 2005.
- Gardner H. Leading Minds: An Anatomy of Leadership. New York : Basic Books, 1995.
- Golman D. 2001. Emotional Intelligence: Issues in Paradigm Building. In *The Emotionally Intelligent Workplace* / Ed. by C. Cherniss, D. Golman. San Francisco : Jossey Bass. Pp. 13–26.
- Gregory R., Prifling M., Beck R. The Role of Cultural Intelligence for the Emergence of Negotiated Culture in IT Offshore Outsourcing Projects // *Information Technology and People*. 2009. Vol. 22. Pp. 223–241.

Halpin A. W., Winer B. J. A Factorial Study of Leader Behavior Descriptions // *Leader Behavior: Its Descriptions and Measurement* / Ed. by R. M. Stogdill, A. E. Coons. Columbus, OH : Bureau of Business Research, Ohio State University, 1957.

Hollander E. P. *Leadership Dynamics*. New York : Free Press, 1978.

Imai L., Gelfand M. J. The Culturally Intelligent Negotiator: The Impact of Cultural Intelligence (CQ) on Negotiation Sequences and Outcomes // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2010. No 112. Pp. 83–98.

Leung K., Ang S. Culture, Organizations and Institutions: An Integrative Review // *Cambridge Handbook of Culture, Organizations, and Work*. New York : Cambridge University Press, 2008.

Manning T. T. Leadership Across Cultures: Attachment Style Influences // *Journal of Leadership and Organizational Studies*. 2003. Vol. 9(1). Pp. 20–32.

Ng K.-Y., Earley P. C. Culture + Intelligence: Old Construct, New Frontiers // *Group & Organization Management*. 2006. Vol. 31(1). Pp. 4–19.

Ortner S. B. Theory in Anthropology Since the Sixties // *Comparative Studies in Society and History*. 1984. Vol. 26(1). Pp. 126–166.

Raghuram S. Individual Effectiveness in Outsourcing // *Human Resource Management*. 2006. Vol. 25(2). Pp. 127–133.

Reckwitz A. Toward a Theory of Social Practices: A Development in Culturalist Theorizing // *European Journal of Social Theory*. 2002. Vol. 5(2). Pp. 78–99.

Tejeda M. J. The MLQ Revisited: Psychometric Properties and Recommendations // *Leadership Quarterly*. 2001. Vol. 12. Pp. 31–52.

Templer K. J., Tay C., Chandrasekhar N. A. Motivational Cultural Intelligence, Realistic Job Preview, Realistic Living Conditions Preview and Cross-cultural Adjustment // *Group & Organization Management, USA*. 2006. Vol. 31(1).

Thomas D. C. Domain and Development of Cultural Intelligence: The Importance of Mindfulness // *Group & Organization Management*. 2006. Vol. 31(1). Pp. 78–99.

Thomas D. C., Inkson K. *Cultural Intelligence People Skills for Global-Business*. Berrett-Koehler. New York. 2004.

Thomas D. C., Inkson K. Cultural Intelligence People Skills for a Global Workforce // *Consulting to Management*. 2005. Vol. 16(1). March. Pp. 5–9.

Triandis H. C. *The Analysis of Subjective Culture*. New York : John Wiley, 1972.

Wannamaker, C. M. A Study of the Need for Emotional Intelligence in University Judicial Officers. PhD Dissertation. Philadelphia, PA: Drexel University, 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://proquest.umi.com> (дата обращения: 15.01.2008).

«РИО+20»: БЕЗОПАСНОСТЬ ГРАЖДАН ГЛОБАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Василенко В. Н.

д. ф. н., профессор кафедры истории и философии
Волжского гуманитарного института (филиала)
Волгоградского государственного университета, главный
научный редактор электронного альманаха «Ноосфера XXI века».

E-mail: vasnoos@mail.ru

Главное дело: сохранение и размножение российского народа, в чем состоит величество, могущество и богатство всякого государства, а не в обширности, тщетной без обитателей.

М. В. Ломоносов, 1761 г.

Для меня ноосфера – не фикция, не создание веры, а эмпирическое обобщение. Ноосфера, в которой мы живем, – является основным результатом моего понимания окружающего. Демократия – это свобода мысли и свобода веры.

В. И. Вернадский, 1941 г.

Наше дело правое и сейчас *стихийно совпадает с наступлением ноосферы* – нового состояния области жизни, биосферы – основы исторического процесса, когда ум человека становится огромной геологической силой.

*Из телеграммы В. И. Вернадского
И. В. Сталину, 1943 г.*

*Повестка глобального саммита по устойчивому развитию «Рио+20» (Бразилия, июнь 2012 г.) выражает не только необходимость преодоления кризисной модели жизнеустройства государств в регионах Земли, низкую эффективность планетарных и национальных инструментов, механизмов перехода на модель устойчивого развития, но и необходимость **ноосферологической ревизии (интерпретации) процесса «Рио+20»**. Это подтверждается нарастающими угрозами депопуляции в России и развитых странах глобального общества, обострившимися в первом десятилетии XXI в.*

Ключевые слова: *депопуляция человечества, учение об эволюции биосферы в ноосферу, ноосферная футурология, ноосферный статус Человека, Личности, Гражданина в глобальном обществе, ноосферная миссия науки и системы образования, ноосферная функция институтов власти, ноосферная декларация глобальной безопасности граждан, ноосферный мониторинг устойчивого развития субъектов геоцивилизации.*

The agenda of World Summit on Sustainable Development 'Rio+20' (Brazil, June 2012) reflects not only the necessity to overcome crisis models of state structures in different world regions, low efficiency of planetary and national instru-

ments and mechanisms of transition to the model of sustainable development, but also the need for a **noospheric revision (interpretation)** of 'Rio+20' process. This is evidenced by the growing threat of depopulation sharpened in the first decade of the 21st century.

Keywords: human depopulation, theory of biosphere evolving into noosphere, noospheric futurology, noospheric status of a Human, person, citizen in global society, noospheric mission of science and education system; noospheric function of government institutions, noospheric declaration of global security; noospheric monitoring of sustainable development of the subjects of geocivilization.

Депопуляция, процесс «Рио+» и учение о ноосфере

Информация о рождении семимиллиардного жителя планеты (ноябрь 2011 г.) совпала с прогнозами о странах – кандидатах на вымирание, в десятку которых вошла и Россия (см. на рис. 1 кривую снижения рождений и депопуляции).

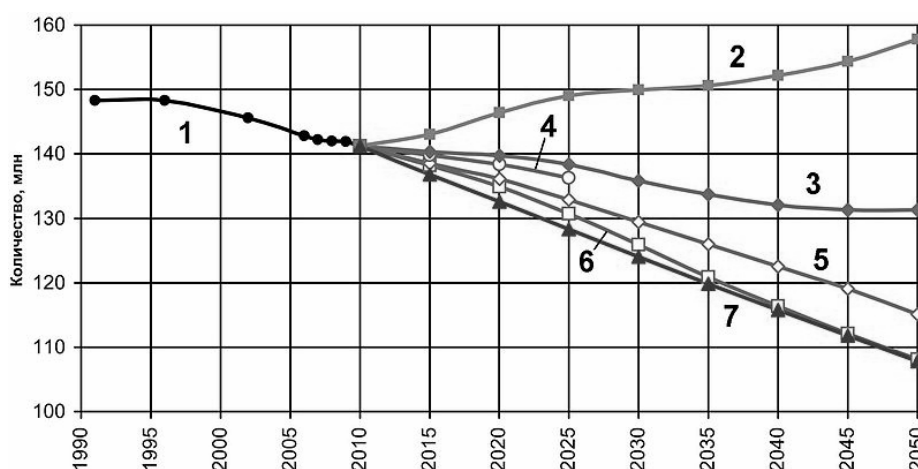

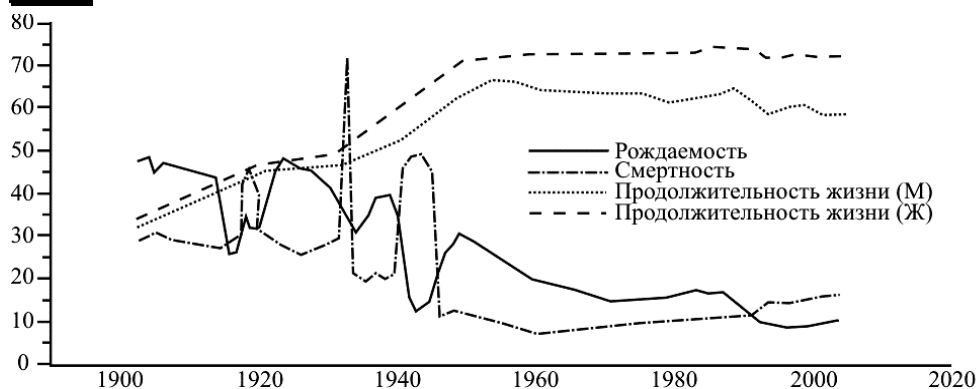
Рис. 1. Демографическое состояние и прогнозы развития России в 2010–2050 гг.

Численность населения России с 2010 по 2050 г. по различным прогнозам:

1 – фактическая численность; 2 – ИДЕМ ГУ ВШЭ (2007, нормативный прогноз); 3 – ИДЕМ ГУ ВШЭ (2007, аналитический прогноз); 4 – Росстат (2007, средний вариант); 5 – Бюро цензов США (2003); 6 – ИДЕМ ГУ ВШЭ (2007, прогноз с нулевой миграцией); 7 – ООН (2006, средний вариант)

Источник: [Демографический...]

Острота эколого-демографических проблем государств в регионах глобального сообщества подчеркивается как новая угроза в докладах ООН о развитии человека и национальных обзорах за последние 20 лет, подтверждая тенденцию убывания воспроизводства народонаселения в называющих себя «развитыми» странах, в России и ее регионах (см. рис. 2–5).

Для графиков ОПЖ до 50-х гг. при отсутствии данных сделана линейная интерполяция

Рис. 2. Динамика жизнеспособности народов России в XX и начале XXI в. [Сулакшин 2006]

Рис. 3. Демографический переход 1750–2100 гг. Прирост населения за декады лет: 1 – в развитых, 2 – в развивающихся странах [Капица 2006]

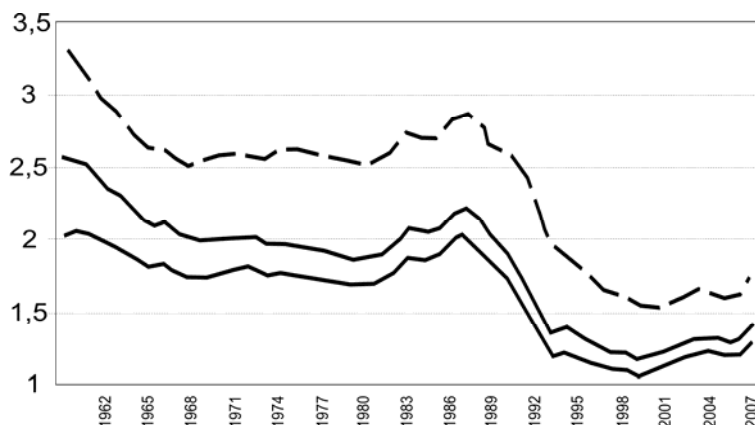

Рис. 4. Коэффициент суммарной рождаемости (см. сверху вниз) *сельского, общего и городского* народонаселения России, 1959–2007 гг. [Вишневский и др. 2009: 29]

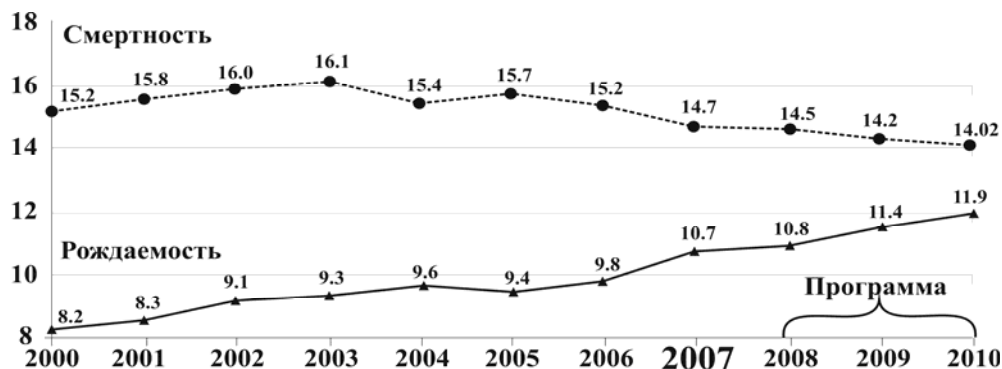

Рис. 5. Рождаемость и смертность народонаселения Волгоградской области

[Стратегия... 2008: 33]

Модели показывают планетарные и региональные аспекты эколого-демографического состояния территории в биосфере Земли, но причины депопуляции не отражены в демографической статистике, докладах ООН о развитии человека и национальных отчетах о развитии человеческого потенциала государств. **Остаточный подход органов власти и институтов глобального сообщества к эколого-демографическим проблемам оборачивается угрозами убывания нынешних и будущих поколений народов в общем Доме человечества – биосфере Земли.** В России в XX в. воспроизводство народонаселения снизилось с 7,5 в 1900 г. до 1–1,2 детей в 2000 г. и 1,4 в 2010 г. [Доклад ООН... 2009: 192]. В Европе, США, Японии рождаемость упала с 3,5–2 до 1,5–2 детей [Доклад о развитии... 2001: 181–184]. Депопуляция начинается при индексе рождения на семью меньше 2,3–2,5 ребенка. В эколого-демографической реальности России начала XXI в. среднее воспроизводство народонаселения составляет 70–85 %, то есть **поколение детей не замещает поколения родителей.**

Угроза убывания народонаселения Земли становится **футурологически неотвратимой**, так как в развитых странах и депрессивных поселениях России критически превышен порог бесплодия родителей (15 %), приближаясь к 20 % [Гундаров 2006]; в России бесплодны не менее 40 % мужчин [Иванова 2011]. Депопуляция в регионах планеты – следствие пренебрежения в глобальном взаимодействии общества с природой **экологическим императивом учения о биосфере** – презумпцией экологической опасности хозяйственной, политической, научной, образовательной, законотворческой, иной деятельности граждан общества в регионах планеты. **Это главная причина необходимости ноосферного подхода, особенно к анализу наиболее опасных угроз, вызовов глобализации бытию этносов человечества в регионах природного Дома.**

Необходимость ноосферного подхода [Василенко 2003; Василенко, Иманов 2010] к процессам и проблемам глобализации взаимодействия человечества с природой в Доме бытия (биосфере Земли) заложена в анализе В. И. Вернадским (1863–1945) гражданского подвига М. В. Ломоносова – «не только великого русского ученого, но и одного из передовых творцов человеческой мысли» [Вернадский 1986: 59]. В статье «Памяти М. В. Ломоносова», посвященной 200-летию первого русского академика, сделан вывод (1911 г.): «Он все время стоял за при-

ложение науки к жизни, он искал в науке сил для улучшения положения человечества. Наряду с философскими обобщениями его все время привлекало прикладное естествознание. Не чуждаясь широких обобщений, он неуклонно имел в виду возможную “пользу”, он стоял непрерывно в соприкосновении с жизнью». Член юбилейной комиссии Императорской Академии наук в «Общественном значении Ломоносовского дня» подчеркнул: «В частности, в Ломоносове мы имеем *создателя русского научного языка*: едва ли мы до сих пор достаточно полно оцениваем все, чем мы ему в этом отношении обязаны. Этот язык, которым мы пишем и мыслим, выковывался М. В. Ломоносовым, прозревшим в своих научных концепциях научные поколения и века... (выделено мной. – В. В.)» [Вернадский 1986: 60].

Продолжая и развивая традицию Ломоносова на новом уровне научных знаний, Вернадский делает выводы, имеющие ноосферологическое значение в эпоху глобализации взаимодействия этносов человечества с природой планеты:

«Только тот народ может сейчас выжить свободным и сильным в мировой жизни, который является творческим народом в научной работе человечества... Нет идеи, нет научной мысли, нет научной работы, научного открытия без человеческой личности» (1911 г.) [Там же];

«Революция не должна привести к распаду России. Многие не принимают в расчет, что есть общность более могучая, чем государственность, – есть научное единство территории. Сохранение единого государства и национальное возрождение – не противоречат друг другу, если решаются научным путем. ...Наука больше всего способствует международному пониманию. Ненасильственно и самым прочным способом она связывает людей и народы. Она выявляет огромные преимущества страны-континента. Пока мы этим преимуществом не пользуемся. ...Огромная сплошная территория, добытая кровью и страданиями нашей истории, должна нами охраняться, как общечеловеческое достояние, делающее более доступным, более исполнимым наступление единой мировой организации человечества» [Аксенов 2001: 201].

В «Вопросе о естественных производительных силах в России с XVIII по XX в.» он выделил особую роль научных знаний, свободного научного творчества личности в использовании сил природы. В этом смысле качество, уровень жизни народонаселения регионов является критерием научного единства территории государства:

«Нет идеи, нет научной мысли, нет научной работы, научного открытия без человеческой личности. ...Богатство страны или народа может быть разложено на две хотя и связанные, но во многом независимые друг от друга части: 1) силы природы той территории, которая находится в распоряжении страны, и 2) силы народа, который эту территорию занимает.

Естественные производительные силы страны – это потенциальная энергия, использованная или неиспользованная данной страной или данным народом, которая определяет его возможные действия... Духовные силы человечества – его мысль, его воля, его нравственная сила, – несомненно, являются основным, определяющим условием национального богатства. Обладая ими, народ в сложных условиях исторической жизни приобретет и добудет себе необходимые для их проявления силы природы.

...Организация научной творческой работы является основной задачей государства. Организация распределения богатств является второстепенной перед ор-

ганизацией их интенсивного и быстрого создания. **Ибо самое правильное, самое равномерное распределение, самое коммунистическое не даст ничего серьезного и прочного, если нет в достаточной мере того, что надо распределять: без науки его не создаст ни труд, ни любая форма организации жизни...**» [Вернадский 1986: 334, 337, 340–341].

Последователи В. И. Вернадского делают выводы, актуальнейшие для оценки причин угроз глобализации народам России, особенно во взаимодействии общества с природой Земли. В соответствии с указом президента, утвердившим концепцию перехода России к устойчивому развитию, они разработали научную стратегию реформ. В ней выделен главный критерий учета угроз глобализации: «В своем развитии человечество перешло допустимые экологические пределы, определяемые естественной емкостью биосферы. **Закончился длительный период условной независимости человечества от законов биосферы. Теперь человек зависит от этих законов**» [Стратегия... 2002: 26].

Ноосферные императивы устойчивого развития глобального общества

Ноосфера (с греч. *ноос* – разум; *сфера* – шар) – понимание субъектами жизни общества *сферы разума*, функциональной частью которого является человечество (*социальный вид природы Ното sariens* в биоразнообразии планеты). Толкование ноосферы с позиций *здравого смысла* живущих выражает:

а) происхождение (генезис) понятия *сферы разума* от именованного (онтологического и научного признания) человека *разумным*, способным понимать свою природу, миссию, роль в бытии поколений человечества;

б) функциональную взаимосвязь поколений человека *разумного* (*ноосферы* человечества) с *биосферой* – средой жизни, мысли, деятельности субъектов социального вида в природном Доме планеты Земля;

в) уровень реализации разумного потенциала интеллекта поколений народов и семей (*ноосферы* отечеств человечества) в биосфере планеты;

г) уровень реализации разумного (*ноосферного*) потенциала интеллекта Человека, Личности, Гражданина в институтах науки, системы образования, сферах жизни, мысли, деятельности субъектов глобального общества.

Толкование *ноосферы* в «пирамиде» Жизни предложено автором термина Э. Леруа [1928]: «Если мы хотим включить Человека во всеобщую историю Жизни, не искажая его роли и не дезорганизуя ее, то совершенно необходимо поместить Человека на самом верху предшествующей пирамиды в положении, в котором он над ней господствует, но не вырывать его из нее; и это сводится к тому представлению, что биосфера животная последовательно продолжается в человеческой сфере, сфере разума, мысли, свободного и сознательного творчества, собственно мышления, короче: сфере сознания или ноосфере» [Там же].

Эдуард Леруа (1870–1954) участвовал в семинарах В. И. Вернадского в Сорбонне (Париж, 1923–1925 гг.), который читал лекции по геологии и геохимии. В это время ученый изучал роль живого вещества в биосфере Земли (книга «Биосфера» опубликована в 1926 г.). Во фрагменте «Несколько слов о ноосфере» (1943 г.) Вернадский писал: «Исторический процесс на наших глазах коренным образом меняется. Впервые в истории человечества интересы народных масс – *всех и каждого* – и *свободной мысли личности* определяют жизнь человечества, являются мерилем его представлений о справедливости. Человечество, взятое

в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом становится вопрос о *перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого*. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть “ноосфера”. <...>

Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится *крупнейшей геологической силой*. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше. Перед ним открываются все более и более широкие творческие возможности. И может быть, поколение моей внучки уже приблизится к их расцвету» [Вернадский 2003: 480].

В понимании феномена ноосферы выражаются не только общемировоззренческие позиции ученых – их взгляд на природу вообще, человека в природе и биосфере планеты, но и оценка роли, миссии науки в бытии сообществ своего времени. Естественно-исторически доминируют две мировоззренческие позиции (концептуально противопоставляемые подходы) в понимании природы *феномена человека* и природы Дома его бытия в реальности:

– *мифологическая* (креационистская) концепция отстаивает божественное происхождение *человека и феномена его разума*. По постулатам институтов веры, структур Церкви человек – венец творения, поэтому он всецело зависит от воли Творца, Бога, Всевышнего. Креационистская концепция противопоставляет ценности веры основам естественно-научных и эмпирических знаний, а каноны церкви – социально-политическим законам (установлениям), политико-правовым нормам, политико-экономическим механизмам отношений в гражданском обществе;

– *естественно-научная* (эволюционная) концепция раскрывает социально-природное начало, биосферно-экологическую природу происхождения *человека* (вида *Ното*) в биоразнообразии планеты, рассматривая роль науки, системы образования в социально-политическом жизнеустройстве поколений народов глобального общества, в понимании этапов развития разума до *Ното sapiens*, в современной миссии институтов науки и веры в реальном бытии этносов человечества в биосфере Земли, переживающих региональную депопуляцию.

Мы опираемся на естественно-научную концепцию глобального развития этносов человечества в биосфере планеты, учитывающую эмпирические обобщения В. И. Вернадского о функциональной взаимосвязи человека разумного с природой: «Человек, как и все живое, не является самодовлеющим, независимым от окружающей среды природным объектом. ...Философы и современная философия в подавляющей мере не учитывают эту функциональную зависимость человека как природного объекта и человечества как природного явления от среды жизни и мысли» [Там же: 242–243]. Он считал: «Современный ученый, исходящий из признания реальности своего окружения, подлежащего его изучению мира – природы, космоса или мировой реальности, – не может становиться на эту точку зрения как исходную для научной работы». Для Вернадского *понятия природы и биосферы – синонимы*: «Понятие природы является, если взять его в историческом аспекте, понятием сложным. Оно охватывает очень часто только биосферу, и удобнее его употреблять именно в этом смысле или даже совсем не употреблять. Исторически это будет отвечать огромному большинству употреблений этого понятия в естествознании и в литературе. Понятие “космос”, может быть, удобнее приложить только к охваченной наукой части реальности, причем

в таком случае возможно философски плюралистическое представление о реальности, где для космоса не будет единого критерия» [Вернадский 2003: 243].

Толкование ноосферы с позиций здравого смысла показывает, что *природа (начало), статус (роль), функция (миссия)* человека разумного (*Homo sapiens*) в биосфере Земли приняты по самоназванию вида биоразнообразия в экосистеме планеты, выражающего высшее *духовно-интеллектуальное самоопределение, ценностно-нравственную самоидентификацию* поколений в жизнеустройстве этносов человечества в природном Доме (Космосе и Вселенной). Это значит, что *феномен человека разумного* в сфере разума поколений граждан в природе отечества есть интуитивный, потенциальный *субъект ноосферы в биосфере планеты*. В условиях глобализации бытия человечества в биосфере – среде жизни, мысли, деятельности субъектов общества, житейски правильнее вести речь не о ноосфере вообще, а о *ноосфере поколений человечества, ноосфере личности граждан, институтов науки, органов власти и управления в государствах планеты*.

Онтологически (в природной и социальной реальности) Человек, Личность, Гражданин является *интуитивным, и/или потенциальным субъектом ноосферы в поколениях субъектов малой и большой родины (государства) в регионах биосферы планеты*. Угрозы депопуляции в регионе месторазвития отечества «заставляют» преодолевать космополитическую обезличенность жизни граждан в *реальности природы* вообще и *человека в природе Земли*, то есть в условиях биосферы – среды жизни, мысли, деятельности поколений. Мировоззренческое «преодоление» космополитического отношения граждан сообществ к биосфере возможно посредством признания ***триединства ноосферной природы, ноосферного статуса, ноосферной функции Человека, Личности, Гражданина*** в ядре взаимодействия граждан с территорией, то есть бытия *Homo sapiens institutius* в эстафете поколений «вчера – сегодня – завтра» семьи и отечества.

О ноосферной миссии наук, знаний и образования граждан

Что это означает в природном и социальном бытии народов планеты? С момента рождения человек (социальный вид *Homo sapiens* в экосистемах биосферы Земли) включен в *институты* жизнеустройства отечества (принадлежность к гражданству и семье; развитость хозяйства, культуры, формы власти, школы, науки, религии, рынка и др.), *реализуя статус* человека разумного институционального общества, в котором конституционно выражены *ипостаси* Человека, Личности, Гражданина в государстве, имеющем территориально определенное социально-политическое жизнеустройство.

Но ноосферная природа (начала), ноосферный статус (роль), ноосферная функция (миссия) поколений *Homo sapiens* институционально не признаны ни на уровне ООН, ни в институтах власти государств, ни в нормативно-правовых актах, регулирующих природопользование граждан в регионах планеты, переживающих экологический и популяционный кризис. Угрозы глобализации показали, что пренебрежение ноосферной миссией Человека + Личности + Гражданина в регионах биосферы Земли разрушает природные основы и условия устойчивого жизнеобеспечения поколений человечества, незамещаемого потенциала жизнеспособности гецивилизации. В ноосферном подходе ***принцип презумпции экологической опасности*** деятельности граждан выступает ***экологическим*** (с позиций экологии человека) ***и ноосферным императивом жизнеспособно-***

сти поколений человечества. Пренебрежение властью экоограничениями территорий разрушает устойчивость воспроизводства семьи в отечестве и биосфере планеты. Это подтверждается остаточным подходом государств к Повестке дня ООН на XXI в., целям Декларации тысячелетия, вообще к процессу «Рио+».

Анализ причин «остаточного» отношения экспертов ООН и национальных обзоров по проблемам развития человека (человеческого потенциала) показывает, что в методах научных оценок эколого-демографического состояния регионов России, других субъектов сообщества (совокупного человечества в природном доме Земли) *нет... самого человека – разумного(!) субъекта, агента, актора, инструмента и поэтому – жертвы стихийной глобализации.* Нарастание эколого-демографических угроз народам России, других государств определяет необходимость применения гражданами *учения о ноосфере* к анализу процессов, проблем и вызовов глобализации поколениям этносов человечества в биосфере планеты, актуальность распространения *ноосферного подхода* на оценку докладов ООН о развитии человека, национальных и глобальных стратегий ООН.

В гражданском понимании *учения о ноосфере* можно выделить следующие концепции глобального взаимодействия субъектов общества с природой, определяющие уровень экологизации природопользования на территории государств в регионах биосферы Земли [Василенко 2003; Василенко, Иманов 2010].

Физико-географическая концепция взаимодействия с природой определяет философский антропоцентризм, выраженный «покорительно-преобразовательскими» способами природопользования в биосфере по формуле «общество – хозяйство – природа». Глобальный антропоцентризм доминирует в научной картине мира, философских основаниях науки, приоритетах развития институтов науки, системы образования граждан, определяя ресурсно-сырьевые цели, принципы регулирования природопользования в регионах планеты. Научно-мировоззренческий антропоцентризм в философии глобального хозяйства выражен экономическим детерминизмом в жизнеустройстве территории государств планеты (приоритет экономических интересов собственников над экологической безопасностью поколений) и рыночным фундаментализмом, в геополитике – глобальной стратегией стран «золотого миллиарда». Доминирование физико-географической концепции в глобализации природопользования государств является главной причиной депопуляции в кризисных регионах планеты, в том числе в России, превращая наше богатейшее отечество в сырьевую провинцию других стран.

В *эколого-географическом подходе* (экосистемном в регионах биосферы Земли) учитываются общие, особенные, частные экологические проблемы видов (экологии человека, биоразнообразия, территорий), но не раскрываются экологическая, генетическая, эволюционная, иные функции живого вещества, биогеохимической энергии в воспроизводстве устойчивости биосферы планеты. Экосистемный принцип позволяет выявлять экофобные и экофильные формы природопользования, но не предлагает адекватных угрозам человечества методов замещения неустойчивых моделей хозяйства устойчивыми.

Принцип средового подхода к природе применяется в Декларации по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.), Повестке дня на XXI в., экологических документах ООН, федеральном и региональных государственных докладах России, стран СНГ о состоянии окружающей среды и природопользования. Средовой подход рекомендует экологическую экспертизу хозяйственной,

иной деятельности граждан, но экологические принципы не являются обязательными в регулировании природопользования поселений в биосфере Земли [Свод... 1996]. Средовой подход к управлению территорией государства целостную функцию биосферы Земли «разделяет» на среды земле-, водо-, недро-, лесо-, воздухо-, космо-, иного природопользования. Средовой подход к глобализации «разделил» государства на экологически чистые (развитые) и грязные (опасные) для проживания (развивающиеся и наименее развитые) регионы, обостряя их борьбу за раздел природных ресурсов и регионов планеты.

Научной основой биосферно-экологической (биосферосовместимой, биосфероцентристской и поэтому ноосферной) концепции взаимодействия человека, общества с природой планеты является *учение об эволюции биосферы в ноосферу*, выражающей способность человека разумного упреждающе учитывать экологические законы (ограничения) регионов биосферы в законах жизнеустройства народонаселения планеты. С позиций **ноосферной футурологии** выделим доминирующие подходы аналитиков к проблемам и процессам глобализации, показывающие причины «остаточного» отношения субъектов власти к эколого-демографическим, иным угрозам народонаселению государств в биосфере Земли.

Космополитический подход к знаниям человечества показывает уровень учета гражданами опытных *социоприродотехногенных условий бытия* общества в регионах планеты в территориальном жизнеустройстве народонаселения – географически определенной среды жизни, мысли, деятельности поколений отечества в природе планеты. Космополитическая и экологическая обезличенность жизнеустройства сообществ в биосфере выражает информационно-математические методы использования знаний о процессах глобализации, статистическое накопление данных, разработку математически «слепых» моделей решения проблем человечества и государств планеты.

В синергетическом подходе (по теории самоорганизации) используются различные *методы космополитически и экологически обезличенного анализа процессов глобализации*, в основном количественные аспекты проблем бытия, производно трактующие социально-политические, экологические, ценностные и иные аспекты знаний. Синергетический взгляд на экологические оценки планеты выражают доклады ЮНЕП «Глобальная экологическая перспектива» ГЕО-3 (2002 г.) и ГЕО-4 (2009 г.), пренебрегающие депопуляцией в регионах Земли.

Главная причина пренебрежения эколого-демографическими проблемами и депопуляцией в государствах состоит в том, что в названных подходах экспертов ООН к процессам и вызовам глобализации человечества в биосфере Земли *нет собственно человека – основного субъекта, агента, актора, инструмента глобализации*. Так *человек, называющий себя разумным (Homo sapiens)*, разрушая среду бытия в природе, становится заложником *экофобного взаимодействия общества* с природой в экосистемах биосферы Земли. Поэтому в государствах, Организации Объединенных Наций планеты *не создано институтов, способных футурологически упреждать планетарные угрозы, вызовы поколениям человечества, умеющих на этой основе разумно управлять процессами глобального взаимодействия общества с природой*. Поэтому *убывание человека в регионах биосферы – главная угроза экологически тупиковой глобализации*.

Ноосферный мониторинг безопасности граждан глобального общества

Глобализация подтвердила футурологическую актуальность вынесенных в эпиграф выводов великих граждан России – М. В. Ломоносова и В. И. Вернадского. «Книгу жизни» «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения» [1987] В. И. Вернадский заканчивал во время борьбы народов СССР и планеты с фашизмом. В ней он сделал фундаментальные выводы о глобальной геологической силе человечества, о планетной силе научной мысли поколений, позволившие ему вывести планетарно актуальные *гражданские формулы учения о ноосфере*: «Для меня ноосфера – не фикция, не создание веры – а эмпирическое обобщение»; «Ноосфера, в которой мы живем, – является основным результатом моего понимания окружающего»; «Демократия – это *свобода мысли* и свобода веры».

Пренебрежение выводами Ломоносова и Вернадского в глобальной геополитике государств привело к нарастанию эколого-демографических угроз в депрессивных регионах России, переживающих критическую депопуляцию. Концептуальное понимание, экологическое осознание ноосферного статуса, ноосферной миссии Человека + Личности + Гражданина глобального общества должно быть конституционно признано *в ноосферном статусе, ноосферной миссии гражданства народов государств планеты*, суверенных субъектов ООН, чтобы ноосферную миссию наук, знаний, образования распространять на функции власти и управления ради повышения социоприродного потенциала жизнеспособности человечества. Это необходимо для проведения *ноосферно-ориентированной реформы* социально-политического жизнеустройства государств в регионах биосферы, направленной на *преодоление остаточного подхода* власти и управления к эколого-демографическим угрозам депопуляции, *футурологически близорукое отношения органов власти к вызовам планетарной безопасности этносов*.

В ноосферной парадигме глобализации жизни граждан государств, *планетарной концепции ноосферизма* (ноосферной организации глобального общества) [Субетто 2010] на первый план выходит ноосферная миссия науки и образования общества – *ноосферного института гражданства*, призванного футурологически упреждать эколого-демографические вызовы глобализации человечеству.

Ноосферная парадигма наук, знаний граждан отечества диктует:

- 1) распространение ноосферного подхода (ноосферной функции наук, роли знаний, миссии образования поколений граждан отечества) на функции институтов власти и управления территорией государств планеты;
- 2) ноосферологический анализ (биосферно-экологическую экспертизу) нормативно-правовых актов общества, определяющих вектор глобализации;
- 3) разработку ноосферно-ориентированных нормативно-правовых актов государства, определяющих безопасность субъектов глобального общества;
- 4) приоритетное развитие ноосферных функций наук, знаний в системе образования; становление ноосферной социологии, педагогики, психологии;
- 5) распространение ноосферных функций наук, миссии знаний, системы образования граждан – институтов футурологически упреждающего учета угроз, рисков, вызовов глобализации народам – на функции власти и управления территориями суверенных государств в регионах биосферы Земли.

Анализ причин обострения угроз, вызовов депопуляции гражданам государств в кризисных регионах планеты показывает необходимость:

– в функциях власти, управления территориями учитывать **биосферно-экологические основы ноосферной парадигмы** наук, знаний, образования поколений – критерии ноосферной организации жизнеустройства поколений граждан отечества в экосистемах регионов планеты, обязательные для управления взаимодействием субъектов глобального общества с природой;

– принятия на уровне ООН **проекта ноосферной декларации безопасности граждан государств**, предупреждающего вызовы глобализации человечеству;

– принятия **проекта ноосферной этико-экологической Конституции**, включающей институциональные инструменты, механизмы ноосферизации власти и управления, экологизации жизнеустройства государств планеты.

Ноосферные подходы к предупреждению эколого-демографических угроз глобализации поколениям народов отечества должны определять **конституционное признание ноосферного статуса Человека, Личности, Гражданина** в функциях институтов власти и управления глобализацией жизни человечества в биосфере планеты. Таким образом, планетарно универсальный ноосферный статус Человека + Личности + Гражданина, выраженный **ноосферным статусом народов в отечествах человечества**, необходимо признать во Всеобщей декларации прав человека ООН (принята в 1948 г.), в Декларации по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.), Декларации тысячелетия ООН (2000 г.), Йоханнесбургской декларации по устойчивому развитию (2002 г.), в Повестке дня ООН на XXI в., процессе «Рио+», концепциях национальной безопасности, в докладах ООН о развитии человека и экологическом состоянии регионов биосферы планеты.

В трудах Вернадского, его последователей, современных ученых-ноосферологов, обоснована необходимость **преодоления классово-формационного подхода к социально-политической организации жизнеустройства государств планеты, показаны институты, обоснованы инструменты, предлагаются механизмы и индикаторы управления переходом народов к устойчивому развитию, предупреждающие в политике рост угроз, рисков, вызовов глобализации будущему человечества**. Этой проблематике и поиску сценариев стратегической стабильности посвящаются постоянно действующие международные научные конгрессы «Глобалистика-2009: пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства» [Материалы... 2009], «Глобалистика-2011: пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления» [Материалы... 2011]; Всемирный форум духовной культуры (Астана, 2010, 2011 гг.); Мировой политический форум в Ярославле (2009, 2010, 2011 гг.); международные форум «Ноосферизм: Арктический взгляд на устойчивое развитие России и человечества» (2007, 2009, 2011 гг.) [Ноосферизм... 2011], конференция «Ноосферное образование в евразийском пространстве» (2009, 2010, 2011 гг.) и другие.

Анализ принятых в России и на уровне ООН институционально обязательных для соблюдения политических актов, обеспечивающих безопасность государств в регионах биосферы Земли, показывает **необходимость развития планетарных институтов, ответственных за предупреждающий учет эколого-демографических угроз, рисков, вызовов глобализации народам государств в природном Доме, переживающем экологический кризис**.

В Итоговой декларации по устойчивому развитию Рио-2012 «**Будущее, которое мы хотим**» [Будущее...], выделено более 280 задач, конкретизирующих политические приоритеты Повестки дня ООН на XXI в. Но в актах Организации Объединенных Наций упущены онтологически и футурологически главные **глобальные вызовы** поколениям этносов человечества в кризисных регионах биосферы Земли:

- 1) **не названы** проблемы и причины депопуляции этносов в странах;
- 2) **не определены** концептуальные и институциональные причины того, почему «модель глобального развития нерациональна» политически и футурологически;
- 3) **какие институты, каким образом** должны преодолевать нерациональную модель глобального развития этносов человечества в регионах природного Дома.

В Докладе к саммиту ООН «Рио+20» «**Жизнеспособная планета жизнеспособных людей: будущее, которое мы выбираем**», в «Видении Группы» сформулирована новая модель концепции устойчивого развития государств глобального общества:

1. Сегодня наша планета и наш мир переживают наилучшие и вместе с тем наихудшие времена. В мире наблюдается небывалое процветание, в то время как **планета находится в состоянии беспрецедентного кризиса. Усиливается неравенство между богатыми и бедными мира, и более миллиарда человек по-прежнему живут в нищете** (здесь и далее выделено мною. – В. В.). Во многих странах нарастают волны протеста, которые отражают всеобщее стремление к более благополучному, справедливому и **устойчивому мироустройству**.

2. Ежедневно люди, предприятия и правительства принимают миллионы решений, делая свой выбор. Наше общее будущее определяется всеми этими решениями о выборе. С учетом массы перекрывающихся задач, стоящих перед миром, сейчас, как никогда прежде, настоятельно необходимо, чтобы мы приняли меры к реализации принципов Повестки дня устойчивого развития. Пришла пора приложить поистине глобальные усилия к тому, чтобы люди, рынки и правительства имели возможность сделать свой рациональный выбор.

3. Задача по интеграции экономических, социальных и природоохранных аспектов развития в интересах достижения устойчивости была четко сформулирована четверть века назад. Сейчас настала пора реализовать ее. Возможности перемен широки. Мы не пассивные, беспомощные жертвы обезличенных детерминистских сил истории. И самое интересное – это то, что мы можем выбрать свое будущее <...>

5. Правда заключается в том, что устойчивое развитие, по существу, сводится к вопросу о возможностях людей определять свое будущее, требовать соблюдения своих прав и поднимать беспокоящие их вопросы. Демократическое правление и полное соблюдение прав человека являются ключевыми предпосылками расширения возможностей людей в части рационального выбора. **Народы мира просто не потерпят продолжающейся деградации окружающей среды и сохраняющегося неравенства, которые подрывают глубоко укоренившиеся универсальные принципы социальной справедливости.** Граждане более не будут считать правительства и компании, нарушающие свой общественный договор с ними, гарантами стабильного будущего для всех. В более широком смысле управление на международном, национальном и местном уровнях, повсюду в ми-

ре, равно как и гражданское общество, и частный сектор, должны в полной мере учитывать требования будущего с устойчивым развитием. В то же время необходимо поощрять местные общины к активному и последовательному участию в формировании, планировании и осуществлении политики обеспечения устойчивости. Центральным элементом этого является вовлечение молодых людей в общественную жизнь, политику и экономическую деятельность <...>

8. **Нынешняя модель глобального развития нерациональна.** Мы более не можем исходить из того, что наши коллективные действия не достигнут критической точки по мере превышения пороговых показателей состояния окружающей среды, создающего опасность причинения непоправимого ущерба экосистемам и человеческому обществу. В то же время такие пороговые показатели не должны использоваться для установления произвольных предельных параметров роста для развивающихся стран в интересах обеспечения возможности выжить их население из нищеты. **Если мы не решим дилемму устойчивого развития, мы рискуем обречь не менее 3 миллиардов членов нашей человеческой семьи на жизнь в условиях эндемической нищеты. Ни один из этих результатов не приемлем, и нам необходимо найти новый путь для продвижения вперед.**

Новый путь для политической реализации актов ООН, учитывающих вектор устойчивого развития государств, выражен в ноосферном потенциале наук, знаний, образования общества, накопленном предшествующими поколениями человечества и выраженном в обобщении Вернадского: «XX в. – век ноосферы».

Для решения выделенных проблем необходимы **интеграция ноосферной парадигмы развития цивилизации** в конституции национальных государств, международные и глобальные акты ООН, институционально обязательные для органов власти, управления глобализацией на уровне ООН и в условиях регионов биосферы. Необходимы разработка и принятие **пакета ноосферных актов граждан государств мирового сообщества**, призванного упреждающе учитывать эколого-демографические вызовы и угрозы депопуляции в этносах планеты.

21 августа 2012 г. В. В. Путин принял указ «**О праздновании 150-летия со дня рождения В. И. Вернадского**»:

«Учитывая выдающийся вклад русского ученого В. И. Вернадского в развитие отечественной и мировой науки и в связи с исполняющимся в 2013 году 150-летием со дня его рождения, постановляю:

1. Принять предложение Правительства Российской Федерации о праздновании в 2013 г/ 150-летия со дня рождения В. И. Вернадского.

2. Правительству Российской Федерации в 3-месячный срок:

образовать организационный комитет по подготовке и проведению празднования 150-летия со дня рождения В. И. Вернадского и утвердить его состав;

обеспечить разработку и утверждение плана основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 150-летия со дня рождения В. И. Вернадского.

3. Министерству иностранных дел Российской Федерации и Российской академии наук проинформировать ЮНЕСКО и заинтересованные международные научные организации о праздновании в Российской Федерации в 2013 г. 150-летия со дня рождения В. И. Вернадского.

4. Рекомендовать органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления принять участие в подготовке и проведении мероприятий, посвященных празднованию 150-летия со дня рождения В. И. Вернадского».

В официальных международных документах последней трети XX в., в Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию и экологической доктрине государства общепризнан кризис сложившейся техногенной цивилизации как способа глобального взаимодействия этносов человечества с природой в регионах планеты Земля, оценены его техногенные последствия, угрозы для выживания поколений. Первое десятилетие XXI в. обострило футурологическую опасность «отставания» политических институтов в принятии стратегически опережающих решений. По сути, **Саммит ООН «Рио+20» признал классово-формационную модель глобального развития мировоззренчески, институционально и футурологически нерациональной.**

На саммите АТЭС в 2000 г. президент В. В. Путин признал: «Наш соотечественник Владимир Вернадский еще в начале XX века создал учение об объединяющем человечество пространстве – ноосфере. В нем сочетаются интересы стран и народов, природы и общества, научное знание и государственная политика. Именно на фундаменте этого учения фактически строится сегодня концепция устойчивого развития». Мы считаем: юбилейный указ президента России о праздновании 150-летия академика В. И. Вернадского может быть основанием для того, **чтобы учение о биосфере, эволюции биосферы в ноосферу реализовывалось в государственной политике.** Рост угроз, вызовов глобализации России и человечеству диктует, что **императивы ноосферы, в которых «сочетаются интересы стран и народов, природы и общества, научное знание и государственная политика», должны определять цели принятия решений.** Россия не только имеет моральное право, но и должна стать инициатором разработки и принятия ноосферной концепции Повестки дня ООН на XXI в.

Поэтому необходимы разработка и принятие **ноосферной концепции Повестки дня России и человечества на XXI в.**, сочетающих безопасность народов, устойчивое развитие государств планеты. Политики говорят об умных власти, экономике, модернизации, подчиненных цели повышения качества, продолжительности жизни. В условиях глобализации это означает ноосферный подход к приоритетам развития науки, модернизации образования и институтов управления.

«В сущности, научная мысль при правильном ходе государственной работы не должна сталкиваться с государственной силой, *ибо она является главным, основным источником народного богатства, основой силы государства*» [Вернадский 1987: 103]. Выводы Вернадского остро актуальны для России: «Нет выработанных государственных форм, позволяющих быстро и удобно решать государственные вопросы, какими неизбежно является большинство вопросов создания ноосферы в бюджетном или финансовом выражении» [Он же 2003: 336].

Россия – евразийский донор глобальной безопасности, устойчивого развития человечества в биосфере Земли. Наше Отечество – родина учения о ноосфере, поэтому необходимо не только принять новую редакцию концепции перехода к устойчивому развитию, но и **выступить инициатором подготовки и проведения саммита ООН по устойчивому развитию «РИО+25» в 2017 г.**

С позиций ноосферной футурологии предлагается инициативный проект **Ноосферной декларации безопасности граждан глобального общества**, призванный выполнять функцию мониторинга безопасности нынешних и будущих поколений народов в биосфере Земли (проект обсуждался на международном форуме «Ноосферизм: Арктический взгляд на устойчивое развитие России и человечества в XXI в.», Санкт-Петербург, 1–3 марта 2011 г.).

Литература

Аксенов Г. Вернадский. Жизнь замечательных людей. М. : Молодая гвардия, 2001.

Будущее, которое мы хотим. Итоговый документ Саммита ООН по устойчивому развитию Рио-2012 г. // Электронный альманах «Ноосфера XXI века» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.socionauki.ru/almanac/noo21v/>; <http://vgi.volsu.ru>

Василенко В. Н. Устойчивая Россия. Ноосферная концепция управления природопользованием государства: институты, инструменты, механизмы. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003.

Василенко В. Н., Иманов Г. М. Ноосферная футурология: уч. пособ. СПб., 2010.

Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М. : Наука, 1986.

Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М. : Наука, 1987.

Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М. : Айрис-Пресс, 2003.

Вишневский А. Г., Захаров С. В. и др. Россия перед лицом демографических вызовов. М. : ПРООН, 2009.

Гундаров И. А. Новая стратегия повышения рождаемости // Экос. 2006. № 4. С. 20–29.

Демографический кризис в России [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Демографический_кризис_в_России

Доклад ООН о развитии человека 2009. Демографические тенденции [Электронный ресурс]. URL: <http://hdr.undp.org>

Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации в 2000 году / под общ. ред. проф. С. Н. Бобылева. М. : Права человека, 2001.

Жизнеспособная планета жизнеспособных людей: будущее, которое мы выбираем. Доклад экспертов ООН к саммиту по устойчивому развитию Рио+20 // Электронный альманах «Ноосфера XXI века» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.socionauki.ru/almanac/noo21v/>; <http://vgi.volsu.ru>

Иванова Л. Слабость сильных // Российская газета; Неделя. 11.08.2011.

Капица С. П. Информационное развитие общества, демографическая революция и будущее человечества. М. : Наука, 2006.

Капица С. П. Человечество переживает эпоху глобальной демографической революции // Зеленый мир. 2009. № 1–2.

Леруа Э. Происхождение человечества и эволюция разума. М. : Ноосфера, 1928.

Ломоносов М. В. О сохранении и размножении русского народа. Жажда познания // История отечества в романах, повестях, документах. Век XVIII. М. : Молодая гвардия, 1986. С. 408–423.

Материалы Международного научного конгресса «Глобалистика-2009: пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства» Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 20–23 мая 2009 г.: в 2 т. / под ред. И. И. Абылгазиева, И. И. Ильина. М. : МАКС Пресс, 2009.

Материалы Международного научного конгресса «Глобалистика-2011: пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления», Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 18–22 мая 2011 г.: в 2 т. / под ред. И. И. Абылгазиева, И. И. Ильина. М. : МАКС Пресс, 2011.

Ноосферизм: Арктический взгляд на устойчивое развитие России и человечества в XXI веке. Т. 3. Роль Ноосферы Арктики и Антарктики в становлении будущей ноосферной цивилизации человечества: взгляд из России: в 2 кн. / под науч. ред. И. Субетто. СПб. : Астерион, 2011.

Свод правовых принципов охраны окружающей среды и устойчивого развития, принятых группой экспертов МКОСР по праву окружающей среды; Цели и принципы оценки воздействий на окружающую среду // Ноосфера. 1996. № 1.

Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке / под ред. А. Г. Гранберга, В. И. Данилова-Данильяна, М. М. Циканова, Е. С. Шопхоева. М., 2002.

Стратегия успеха. Волгоградская область. Комитет по печати Администрации Волгоградской области. Волгоград, 2008.

Субетто А. И. Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке. СПб. : Астерион, 2010.

Сулакшин С. С. Российский демографический кризис: от диагностики к преодолению // Власть. 2006. № 11. С. 7–15.

НАУКА В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Лебедев С. А.

д. ф. н., проф. кафедры философии Института переподготовки
и повышения квалификации преподавателей гуманитарных
и социальных наук МГУ имени М. В. Ломоносова,
заслуженный профессор Московского университета.

E-mail: saleb@rambler.ru

В статье анализируются особенности функционирования науки в глобальном мире. Рассматриваются три основные проблемы глобализации современной науки: 1) процесс интеграции национальных наук в единую мировую науку; 2) синтез различных областей современного научного знания; 3) усиление взаимодействия современной науки с различными подсистемами культуры.

Ключевые слова: наука, глобальный мир, синтез, диалог, культура.

The article analyzes the specific features of modern science in global world. The following main problems of modern science's globalization are considered: 1) the integration of national scientific systems into general world science; 2) synthesis of different spheres of contemporary scientific knowledge; 3) growth of the interconnection of modern science with different culture subsystems.

Keywords: science, global world, synthesis, dialogue, culture.

Глобализация современной науки

Глобализация как универсальная закономерность в развитии современной цивилизации состоит не только в усилении интеграционных связей между различными странами и регионами мира и основными формами их жизнедеятельности (экономика, культура, политика, право, наука, идеология, здравоохранение, образование, СМИ и др.). Не менее важным фактором и необходимым условием успешного осуществления процесса глобализации является также стирание сложившихся когда-то резких границ и разграничений внутри каждой из указанных сфер общественного бытия, явившихся результатом прежней системы разделения труда в обществе. Главный смысл устранения прежних жестких структур – создание новых адаптационных возможностей для любого сегмента социальной системы и дополнительного ресурса ее развития. Эти процессы существенно сказались и на бытии современной науки, в значительной степени меняя ее прежний облик автономной системы с установившейся структурой и законами развития. При резком усилении интеграционных связей между всеми компонентами современной культуры существенно возросло значение не только диалога науки с окружающей ее социальной и культурной инфраструктурой, но и роль внутреннего диалога внутри самой науки между различными подсистемами ее знания и видами научной деятельности. Условно можно выделить две основные линии диалога науки

с современной культурой: внешнюю и внутреннюю. Внешнюю линию, в частности, образует взаимодействие между научными сообществами разных стран, информирование ими друг друга о своих научных результатах и вынесение их на суд мирового научного сообщества. Важным компонентом внешней линии диалога научных культур разных стран является также обмен своими научными ресурсами (кадрами, приборной базой, опытом организации научных исследований и др.). Интенсивность международных связей в сфере науки за последние десятилетия настолько возросла, что можно без преувеличения сказать: на наших глазах рождается новое и огромное по своей значимости явление – превращение совокупности национальных наук в единую мировую науку. Мировая наука, субъектом которой является мировое научное сообщество, легко преодолевает границы национальной науки, и они имеют для нее с каждым десятилетием все меньшее значение. Преодоление этих границ становится абсолютно необходимым условием успешного развития мировой науки и по финансовым соображениям. Экономический анализ финансовых и материальных затрат современных развитых стран на науку свидетельствует о том, что происходит постоянное удорожание научных исследований, и ни одна страна мира, даже такая богатая, как США, уже в принципе не может обеспечить проведение научных исследований по всему фронту современной науки, охватывая все направления научных исследований. Это касается и резкого увеличения цены как каждого нового шага в науке по сравнению со стоимостью аналогичного шага в прошлом, так и общей стоимости затрат на науку в рамках ВВП каждой из развитых стран. Эта доля сегодня составляет 2–3 % ВВП и в абсолютных цифрах исчисляется ежегодно десятками и сотнями миллиардов долларов. Так, ежегодные расходы на науку в США составляют примерно 250 млрд долларов (для сравнения – современная Россия тратит на науку ежегодно только около 10 млрд долларов). Поскольку сегодня ни одна страна мира не может позволить себе развивать науку по всему фронту исследований, она вынуждена выбирать для себя наиболее приоритетные направления. Правда, необходимо признать, что США как самая богатая страна мира имеет наиболее внушительный список таких направлений [Авдулов, Кулькин 2003]. Выход из этой ситуации только один: интеграция и кооперация научно-технической деятельности различных стран, включая их финансовые возможности. Основу этой интеграции должна составить оптимальная и динамичная система разделения труда в мировой науке как единой и целостной системе.

Необходимо отметить, что интеграция выгодна не только для развития мировой науки в целом, но и для национальной науки каждой отдельной страны. В частности, благодаря возможному доступу каждой из стран к общему информационному банку научных и технологических достижений человечества, интенсификации межстрановой мобильности научных кадров, обеспечению примерно равной оплаты научным сотрудникам разных стран за аналогичную работу и т. д. современное человечество в принципе располагает соответствующими информационными, организационными и образовательными ресурсами для реализации проекта единой мировой науки. Однако имеется целый ряд факторов, мешающих его осуществлению в необходимом и полном объеме. Такими факторами являются, в частности, существующие противоречия между геополитическими, экономическими и военными интересами разных стран. Очевидно, что эти противоречия вряд ли исчезнут в ближайшие десятилетия, поскольку они коренятся в суще-

ствующем типе цивилизационного устройства современного человечества, основанного на таких приоритетах общественного развития, как материальное богатство, сила, власть и их постоянное наращивание путем раскручивания спирали бесконечных, все возрастающих потребностей людей [Авдулов, Кулькин 1994].

Тем не менее и в этих условиях четко заявляет о себе неумолимая поступь интеграции научных потенциалов различных стран и рождение такого уникального явления современной культуры, как постепенное формирование единой мировой науки в качестве особой глобальной структуры. Формирование и функционирование этой структуры эмпирически постоянно отслеживается и фиксируется в виде различных баз данных, создаваемых институтами научной информации всех развитых стран мира. Наиболее мощным из них является Институт научной информации США, созданный в 60-х гг. XX в. под руководством Юджина Гарфилда. Задачей этого института является, во-первых, периодическая «томография» научных «организмов» различных стран, точная фиксация как их научных успехов и достижений, так и имеющегося отставания в тех или иных областях науки и определение на этой основе общего уровня и состояния науки в той или иной стране. Очевидно, что такая информация имеет важнейшее стратегическое значение. Другой не менее важной задачей современных институтов научной информации является определение на основе анализа сетей цитирования и научных коммуникаций наиболее продуктивных и перспективных направлений развития мировой науки. Характерно, что сегодня возникновение новых, прорывных научных областей происходит чаще всего в процессе неформальных когнитивных коммуникаций между учеными разных стран в режиме так называемых «невидимых колледжей» (Д. Дж. Прайс). Интегральным результатом деятельности институтов научной информации и библиометрического анализа ими мирового массива научных публикаций является составление карт и атласов науки, в которых в графической форме характеризуются состояние, география и прорывные точки современной мировой науки [Маршакова 1988]. Библиометрическая информация о науке имеет важное практическое значение, поскольку может быть использована в целях контроля над развитием науки и управления этим процессом. В частности, это делается путем опережающего финансирования новых перспективных научных направлений и предоставления их участникам необходимой организационной и правовой поддержки. Одной из важных областей практического применения библиометрических данных может быть также сознательно организуемый процесс «утечки научных мозгов» в необходимом направлении и в нужное место. В этом отношении сегодня более актуально звучит не старая максима «Кто владеет информацией, тот владеет миром», а более современный ее парафраз: «На вершине управления и власти находится тот, кто владеет информацией об информации».

Важный практический вывод, который вытекает из понимания особенностей развития современной мировой науки, состоит в том, что для успешного развития национальной науки все более оправданной становится стратегия не ее конкуренции с национальными науками других стран, а всемерная интеграция с ними и с мировой наукой в целом путем решительного усвоения и умелого использования ее основных результатов. В полной мере и особенно это относится к развитию науки и инноваций в современной России. Сегодня позиция автаркии (самодостаточности) и квазипатриотизма российской науки не просто бесперспективна в силу отсутствия необходимых для этого у современной России огромных мате-

риальных и финансовых средств. Такая стратегия губительна, так как в силу своей иллюзорности приведет к полной растрате даже тех возможностей, которыми пока еще располагает отечественная наука, а именно способности ее ученых ассимилировать достижения мировой науки и достойно участвовать в совместных с другими странами научных проектах [Авдулов, Кулькин 2005]. Поэтому главный смысл вновь создаваемых научных центров типа «Сколково» может быть только один: образование на территории России новой площадки для сотрудничества отечественной и мировой науки. Другой столь же важной мерой российского государства по возрождению и развитию отечественной науки могли бы стать осуществляемое по заказу государства централизованное и массовое обучение и переподготовка молодых российских ученых в ведущих научных центрах мира. Представляется, что на эти цели у российского государства вполне достаточно финансовых средств, особенно если иметь в виду, что это чрезвычайно выгодное вложение капитала, которое окупится сторицей за относительно короткое время. Высокую степень эффективности этой меры прекрасно продемонстрировали опыт становления молодой советской науки в 20–30-е гг. XX в. и последующие успехи ее развития. Конечно, и на этом пути неизбежны определенные издержки, но в целом он незаменим для всех стран с догоняющим типом экономики. Высокая мобильность науки и научных кадров – это абсолютное требование эффективного развития науки сегодняшнего дня, но в еще большей степени – завтрашнего.

Тренд синтеза современного научного знания

Наряду с внешней линией диалога научных культур различных стран в условиях глобализации имеется столь же напряженный внутренний вектор этого диалога. Каковы основные сюжеты этого вектора? Остановимся на двух из них: 1) диалоге естественно-научной и социально-гуманитарной субкультур внутри корпуса научного знания; 2) диалоге науки как особой подсистемы культуры и общества с другими подсистемами культуры: экономикой, политикой, правом, образованием и различными формами мировоззрения. Данные сюжеты были четко зафиксированы и подробно проанализированы в философии науки XX в. Как известно, вопрос о существовании качественной и непреодолимой границы между естествознанием (науками о природе) и социально-гуманитарным знанием (науками о духе) с особой силой был впервые поставлен еще неокантианцами, в конце XIX – начале XX в. Мы не будем подробно останавливаться на этой позиции и аргументации в ее пользу. Отметим лишь одно: согласно неокантианцам, естественные и социально-гуманитарные науки – это не только существенно различные по предметам области научного исследования, но и, что еще более важно, радикально противоположные по установкам и методам формы научной культуры (объектно-обобщающий, номотетический тип познания в естественных науках, индивидуализирующе-описательный и принципиально-ценностный тип познания в социально-гуманитарных науках). Естественно-научное познание регулируется, как известно, общезначимыми логико-методологическими нормами и процедурами. В социально-гуманитарном познании такие общезначимые методы отсутствуют, а основная нагрузка ложится на культурную эрудицию исследователя социально-гуманитарных явлений и событий, его интуицию, герменевтическое искусство истолкования смысла и значения изучаемых событий, реконструкцию заложенного в гуманитарных событиях и текстах их ценностного содер-

жания, художественно-выразительный талант исследователя при изложении им своей интерпретации происходивших или происходящих в данное время событий исторической и духовной жизни людей. В отношении несостоятельности резкого противопоставления неокантианцами естественно-научной и гуманитарной субкультур было выдвинуто пять основных аргументов: 1) возникновение и развитие технаук как олицетворяющих собой единство естественно-научного и социально-гуманитарного познания; 2) развитие комплексных и междисциплинарных научных исследований, также, как правило, объединяющих ресурсы естественно-научного и социально-гуманитарного знания (экология, антропология, социобиология, математическая экономика, демография, история науки, генетика человека, социальная медицина, техника безопасности и т. д.); 3) обнаружение неустранимого слоя философских, социально-гуманитарных по своей природе оснований у любой естественно-научной дисциплины и теории; 4) наличие культурно-антропологического и ценностного измерения у науки и научного знания независимо от их предметных областей, что неоспоримо подтверждается данными истории науки; 5) реконструкция в рамках лингвистической философии, в современных эпистемологических концепциях конструктивизма и постструктурализма общих законов построения любого текста, включая научные тексты. Эти законы утверждают: а) принципиальную роль субъекта в конструировании и структурировании любого текста и любого дискурса, включая научный дискурс; б) всегда незавершенный характер их смысла и значения; в) опору всякого научного текста и дискурса на огромный пласт неявного, подразумеваемого знания, который по самому своему существу никогда не может быть полностью реконструирован; г) фундаментальную диалогичность любого знания, его обращенность к другому субъекту как к своему возможному и равноправному интерпретатору и соавтору.

Все эти характеристики любого дискурса, включая естественные и математические науки, четко говорят о социально-гуманитарной природе любой области науки и любого научного знания. С другой стороны, очевидно, что степень объективности, общезначимости, ценностной нагруженности, языковой строгости, незавершенности, поливариативности интерпретаций научных текстов существенно различна в естественно-научных, математических и социально-гуманитарных науках. Вот почему и существенное различие между естественно-научным и социально-гуманитарным знанием, видимо, неустранимо в принципе, а потому диалог между ними за наиболее «честную» и адекватную репрезентацию природы научного познания будет неизбежен и в будущем. Для современной философии науки стало очевидным то обстоятельство, что различие между естественно-научным и социально-гуманитарным типом исследования определяется отнюдь не только и не столько объектом исследования, сколько познавательными установками ученого по отношению к нему. Можно, например, создавать не только общие экспериментально-математические модели описания определенных областей природы, но и писать гуманитарные поэмы о ней, как это прекрасно делал когда-то Лукреций. С другой стороны, в последние десятилетия мы являемся свидетелями мощного вторжения естественно-научной методологии в социальные и гуманитарные исследования. Наиболее яркими проявлениями этого вторжения стали: 1) введение в современную космологию в качестве важнейшего объясняющего начала эволюции Вселенной «антропного принципа», явно гуманитарного компонента знания; 2) создание интуиционистской математики и логики;

3) все большее использование математических моделей в современных исторических исследованиях, языкознании, экспериментальных и математических методов в моделировании психических и культурных явлений; 4) становление на наших глазах нового социокультурного типа науки, называемого постмодернистской или постнеклассической наукой. Очевидно, что непрерывный диалог между сторонниками сциентистского и гуманитарного понимания науки, между «физиками» и «лириками» в науке хотя и создает некоторое недопонимание, а иногда и конфронтацию между представителями естественно-научной и социально-гуманитарной субкультур внутри науки, однако в целом этот диалог, несомненно, играет положительную роль в общем развитии науки, способствуя взаимному оплодотворению естественно-научного и гуманитарного познания окружающей человека действительности.

Диалог современной науки с другими подсистемами культуры

Важной формой диалога науки с культурой в условиях современной глобализации является взаимодействие науки с такими подсистемами культуры, как экономика, государство, политика, право, искусство, мораль, философия, религия и др. Насколько свободна современная наука в своем функционировании и развитии от вышеуказанных факторов? Подчиняется ли ее развитие только внутренним законам эволюции объективного знания («третьего мира» – К. Поппер) или эволюция науки складывается под воздействием не только внутринаучных, но и социокультурных факторов? Причем, возможно, именно социокультурные факторы развития науки (потребности техники, технологий, необходимость экономических, социальных и культурных инноваций) являются главными детерминантами, определяющими развитие науки, как считают, например, экстерналисты (О. Шпенглер, Б. Гессен, Дж. Бернал, П. Фейерабенд, Т. Кун, Г. Гачев и др.). Как показали современные исторические и культурологические исследования динамики науки (В. С. Библер, П. П. Гайденко, В. С. Степин и др.), влияние социокультурных факторов на функционирование и развитие науки является существенным и неоспоримым. В этом смысле диалог науки с окружающей ее культурой и различными ее подсистемами столь же неустрашим, сколь и амбивалентен с точки зрения их влияния, оказываемого на развитие науки. Интерналисты очевидно неправы, когда рассматривают науку в качестве абсолютно самодостаточной подсистемы культуры, зависящей в своем содержании только от изучаемых ею объектов, накопленного ранее научного знания и используемого в ней некоторого беспристрастного и объективного научного метода. С другой стороны, очевидно неправы и представители грубого экстернализма, явно переоценивающие влияние различных факторов социокультуры на развитие науки (например, ее детерминации со стороны материальной общественной практики – марксизм).

Вероятнее всего, развитие науки обусловлено взаимодействием и диалогом внутринаучных и социокультурных факторов. При этом необходимо иметь в виду, что в силу различия предметных областей науки, уровней исследования (эмпирический, теоретический, метатеоретический), этапа развития науки (нормальная наука или экстраординарная наука периода научной революции) принципиально невозможна какая-то единая интегральная формула степени «завязки» науки на общие факторы культуры. Истина здесь, видимо, как никогда конкретна и может быть более или менее точно установлена только после тщатель-

ного историко-научного исследования того или иного этапа или эпизода в развитии науки.

Несомненно одно: диалог науки с ее социально-культурным окружением – одна из важнейших современных закономерностей ее развития. И поэтому наука и ее представители должны быть постоянно открыты диалогу на равных с представителями других, вненаучных форм культуры. С другой стороны, столь же важным, но сегодня неизмеримо более трудным делом, чем это было в прежние времена, является сохранение наукой «своего лица» как особой подсистемы культуры со своим особым «духом» и предназначением. Только в этом случае наука сможет эффективно выполнять те познавательные, мировоззренческие и практические функции, которые она взяла на себя с момента возникновения и пронесла через всю историю, в целом оправдав все связанные с ней ожидания общества.

Выводы

1. Одной из закономерностей развития науки в современном мире является резкое усиление ее интернационализации и стирание прежних жестких границ между национальными науками. Ведущим субъектом науки все больше становится международное научное сообщество.

2. Новым явлением бытия современной науки является усиление тенденции синтеза внутри системы научного знания и, в частности, стирания прежних жестких различий между естественно-научным и социально-гуманитарным знанием, между науками о природе и науками о человеке и обществе.

3. В современном мире происходит осознание существенной взаимосвязи между наукой и культурой и соответственно усиление диалога и взаимодействия науки с различными подсистемами культуры (философией, правом, экономикой, политикой, искусством и др.). Все большее число сторонников теряет чисто интернационалистский подход к объяснению закономерностей развития науки и научного знания, все больше возрастает доверие ученых и философов к концепции единства внутринаучных и социокультурных факторов в развитии научного знания.

Литература

Авдулов А. Н., Кулькин А. М. Власть, наука, общество. М., 1994.

Авдулов А. Н., Кулькин А. М. Системы государственной поддержки научно-технической деятельности в России и США. М., 2003.

Авдулов А. Н., Кулькин А. М. Контуры информационного общества. М., 2005.

Маршакова И. В. Система цитирования научной литературы как средство слежения за развитием науки. М., 1988.

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

РОССИЙСКИЙ КАПИТАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО СПОРА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ И ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИЙ*

Запесоцкий А. С.

ректор Санкт-Петербургского гуманитарного
университета профсоюзов, доктор культурологии, профессор,
член-корреспондент РАН.

E-mail: info@gup.ru

В статье проанализирован современный российский капитализм в контексте противостояния социалистической и либеральной идеологии, при этом российская модель характеризуется как ультралиберальная. Если передовые страны стремятся к оптимальному синтезу социалистического и либерального подходов, то российская ситуация уникальна: реально существующая рыночная идеология, используемая коррумпированным государством, камуфлируется словесно провозглашаемыми демократическими ценностями. При этом традиционные гуманистические идеалы: труд, честность, патриотизм – оттесняются, теряют значимость. Отсюда произвол, коррупция, экономическая неэффективность. Показана пагубная роль всевластия рынка для «нерыночных» сфер, таких как судебная система, полиция, армия, культура и образование. Подчеркивается необходимость выхода России на магистральные пути цивилизационного развития.

Ключевые слова: российский капитализм, ультралиберализм, государственная идеология, рынок, традиционные ценности, культура, образование.

The article provides the analysis of contemporary Russian capitalism in the context of heated controversy between socialist and liberal ideology, and the Russian model is characterized as ultraliberal. While advanced nations are striving for a well-balanced synthesis of socialist and liberal approaches, Russia's situation is unique: corrupt government is verbally setting forward democratic values whereby concealing market ideology that is actually employed. Meanwhile, traditional humanistic values – labour, integrity and patriotism – are pushed aside and lose their meaning. This results in abuse of power, corruption and economic inefficiency. The article also reveals the omnipotent market's fatal impact on 'non-market' spheres, such as judicial system, police, army, culture and education. The article emphasizes the necessity for Russia to pursue the main track of civilizational development.

* В основу материала положено выступление автора на пленарном заседании IV Всероссийского социологического конгресса «Социология в системе научного управления обществом» (Москва, Колонный зал Дома Союзов, 2 февраля 2012 г.).

Keywords: *Russian capitalism, ultraliberalism, state ideology, market, traditional values, culture, education.*

Какой капитализм строился в России в 90-е гг. XX в.? Этот вопрос неоднократно возникал в нашей стране, но пока так и не получил убедительного ответа. Неожиданно он обрел новую актуальность в контексте политической активности некоторых слоев общества после неудачных для них парламентских выборов в конце 2011 г. Тогда противники В. В. Путина попытались возложить на него ответственность за проблемы развития страны, корни которых уходят в постсоветское десятилетие. Оставив в стороне моральные оценки этих попыток, попытаемся рассмотреть наследие ельцинского периода, с которым пришлось иметь дело Российскому государству в нулевые годы.

Исследования, проведенные специалистами Российской академии наук – философами, социологами, юристами, экономистами и др. [Неэкономические... 2010; Права... 2011; Модернизация... 2011; Нереализованный... 2011], показывают, что в нашей стране снова, второй раз за последние 100 лет, реализован уникальный и грандиозный по масштабам социально-экономический эксперимент. Опять создана небывалая ранее в истории человечества дефективная формация, на этот раз ультралиберальная, противоречащая действующей Конституции, по которой Россия является социальным государством.

То, что у нас построено, несложно соотнести с мировой практикой: длящийся несколько веков спор между идеологиями социализма и либерализма протекает в последние десятилетия в русле теории конвергенции [When... 2008]. В основе спора – различия между двумя системами ценностей. Как известно, в соответствии с одной из них жизнедеятельность социума регулируется государством, поведение людей подчиняется интересам коллектива, а человек понимается как существо социальное. В основе другой – положения о том, что жизнедеятельность общества регулируется рынком, поведение людей определяется личной выгодой, а человек – это существо экономическое. Современные развитые государства соревнуются сегодня в создании механизмов социально-экономической и культурной жизни, эффективно сочетающих преимущества социалистического и либерального подходов.

В этой связи понятно, почему Китай стремится к обогащению социализма рыночными механизмами [Кондрашова 2010: 316–346], а в капиталистическом Давосе в январе 2012 г. председатель Всемирного экономического форума Клаус Шваб заявил: «Срочно необходимы глобальные преобразования, а начать надо с возрождения чувства социальной ответственности» [Кравченко 2012: 1]. Это и есть торжество идей конвергенции. Характерно, что в 2007 г. китайский академик Ли Цзинцзе, выступая в нашем университете на Лихачевских чтениях, сказал: «России надо избавляться от ошибок левого толка, допущенных во времена СССР, а также правоуклонистских ошибок, сделанных в 1990-х гг.». Его доклад имел красноречивое название – «Заимствование западной культуры: нельзя допускать отклонений как “влево”, так и “вправо»» [Цзинцзе Ли 2007: 49]. Это – диагноз ошибок, допущенных в нашей стране.

Следует отметить, что определение российского капитализма как ультралиберальной формации нередко встречает возражения специалистов. Нам говорят: «Нет, у нас – государственный монополистический капитализм. Ведь всем ко-

мандует государство». Но что представляет собой государство? Систему исполнительных структур, фактически приватизированных должностными лицами. Использование занимаемых должностей в целях извлечения личной прибыли стало в постсоветской России неформальной нормой. Коррупция – родовое свойство этой системы.

Ультралиберальная версия капитализма отличается от либеральной в первую очередь своей идеологией, иерархией ценностей. Формально по Конституции в России сегодня государственной идеологии быть не должно. Статья 13, пункт 2 гласит: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [Конституция... 2011]. Это положение трактуется как норма для чиновников, что на самом деле странно, если вдуматься. В реальности государственная идеология, конечно, существует. В том смысле, что она существует в тех слоях общества, которые разрабатывают и реализуют политику от имени государства, поскольку идеология – это определенным образом систематизированная совокупность идей, система представлений о мире, заключающая в себе творческий потенциал и получающая воплощение в конкретных проектах и действиях. Речь идет, разумеется, о социально значимых идеях. Без идеологии в этом смысле государство существовать не может [Баталов 2010: 62–103].

Нам хорошо известно, что в ходе многовекового общественного развития сложилась практика, при которой различные слои общества оформляют свои интересы в виде соответствующих идеологий и на идеологической основе формируют политические партии. В конкуренции идеологий те или иные партии побеждают и приходят к власти, осуществляя в дальнейшем соответствующую своей идеологии политику от имени государства, имея на то «мандат» от большинства членов общества.

В современной России создана уникальная ситуация: реально существующая с момента прихода к власти господина Гайдара государственная идеология является неформальной. Она исповедуется госаппаратом, но не провозглашена официально, поскольку противоречит Конституции, не получала и в принципе не может получить поддержки общества, на ее основе не может быть создана массовая партия, такая партия не может победить на выборах и т. д. В основе этой идеологии лежит идея денег как ведущей, главной ценности в жизни человека, как меры вещей и меры человека, идея выгоды как единственной движущей силы общественного развития [Запесоцкий 2009а; 2010д; Гайдар... 2010].

При таком взгляде на вещи все остальные ценности, выстраданные человечеством за тысячелетия его развития, теряют смысл; труд, честность, патриотизм, уважение к старшим, любовь, дружба, служение закону – все это может быть только предано осмеянию и глумлению. Поруганию предаются и такие либеральные ценности, как демократия, свобода слова, равенство перед законом, уважение к личности, право частной собственности. Прямыми производными от этой идеологии являются: тотальная экономическая неэффективность, судебный произвол, коррупция, anomia и социальная дезорганизация, практически всесторонняя деградация социума, разрушение нашего главного национального богатства – великой российской культуры.

Государственная политика последнего 20-летия не поддается анализу традиционными методами, потому что сегодняшнее российское чиновничество имеет две политики: одну – вырабатываемую высшими должностными лицами государ-

ства и декларируемую госаппаратом, другую – реально осуществляемую. Трансформация из одной в другую происходит, судя по всему, вопреки воле первых лиц государства. В итоге декларируемая политика оказывается предназначенной для успокоения общества, для поддержания иллюзии деятельности на благо страны, она ориентирована на клиповое сознание населения и представляет собой, по существу, набор PR-программ. Другая политика нацелена на освоение государственных ресурсов с использованием властной вертикали и неформальных распределительных механизмов, отработанных в последние годы.

Абсолютизация всеислия денег и всемогущества рынка разъедает все без исключения социальные институты общества как раковая опухоль. Взрывающиеся шахты и разрушающиеся гидроэлектростанции, падающие самолеты и провалы в космосе – не столько симптомы изношенности техники, сколько свидетельство катастрофического кризиса социальной инфраструктуры, перерождения важнейших социальных институтов под влиянием ущербной ультралиберальной идеологии.

Реализуя подобные воззрения, органы госуправления пытаются перевести на рыночные рельсы и те социальные институты, которые вообще не предназначены для инкорпорирования рыночных механизмов. Но способна ли «костлявая рука рынка» отрегулировать работу прокуратуры, судебной системы, полиции, деятельность вооруженных сил? Коммерциализация разрушает сферу СМИ [Запесоцкий 2009б; 2010а; 2010б]. Вертикаль власти нам усиленно навязывает в корне порочное понимание образования как платной услуги, хотя хорошо известно, что это – совместная деятельность педагога и ученика, профессора и студента и т. д. [Он же 2002; 2003; 2004; 2005а; 2011а]. Не выдержав испытания практикой, ультралиберализм оказывается на деле даже менее эффективен, чем казарменный социализм минувшей эпохи.

Неслучайно и настоящие либералы сегодня уже чувствуют фундаментальные отличия отечественного ультралиберализма от либерализма традиционного. Например, в юридической среде развернулась дискуссия: можно ли адвокатскую деятельность отнести к предпринимательской? И виднейший, образованнейший российский либерал, правозащитник Генри Резник вдруг заявляет адвокатам: «Ваша задача конституционного значения – оказывать квалифицированную помощь, извлечение дохода служит этой задаче. Не наоборот!» [Резник 2011: 9]. Иначе говоря, в жизни есть вещи важнее прибыли.

Разумеется, ультралиберальная версия капитализма предполагает формирование уникальной социальной структуры общества. И это касается не только трансформации формальных социальных институтов [Запесоцкий 2011б; 2011г], но и неформальных общностей. На смену сплоченным сообществам с устойчивыми и разнообразными социальными связями приходит «атомизация» общества, человеческое одиночество [Он же 2008]. Индивидуальные способы достижения профессионального успеха сопровождаются обособлением людей в непроизводительных сферах жизнедеятельности.

В итоге провозглашенная свобода общественной жизни не приводит к укреплению гражданского общества. За последние 20 лет исчезло огромное количество самодельных общественных организаций, ослабло по сравнению с советским временем профсоюзное движение, выведена на периферию общественной жизни единственная существовавшая в СССР политическая партия, а новое партийное строительство, по существу, так и не развернуто. Оказывается, что в условиях

ультралиберальной формации гражданское общество еще менее уместно, чем при тоталитарном социализме сталинских времен.

Как убедительно показал в ряде работ академик В. С. Степин, никакие экономические реформы невозможны без преобразований культуры [Степин 2011; Запесоцкий 2010г]. В этой связи закономерно, что начиная с 90-х гг. проведение ультралиберальной политики выдвигает на первый план задачу формирования новой культуры, не имеющей ничего общего в базисных основах не только с советской, но и с российской культурой дореволюционного периода, а также с мировой культурой [Запесоцкий 2010в: 230–260].

Формально провозглашается полная свобода культурной жизни в стране. На самом деле резко сужается доступ населения к учреждениям культуры: библиотекам, музеям, театрам, выставочным залам и др. Мы обобщили результаты сотен различных социологических исследований в этой сфере. Они неутешительны: в 90-е годы возможности приобщения граждан России к деятельности учреждений культуры катастрофически упали. За последние 10 лет произошло определенное улучшение ситуации, но существующие возможности в разы уступают как последним годам советского периода, так и современной практике Европейского союза. Кроме того, произошло качественное перерождение многих форм культурно-досуговой деятельности. Это касается социальных функций кинематографа и содержания театрально-концертной деятельности, художественного уровня книгоиздания и коллективных форм проведения свободного времени, самостоятельного творчества, увлечений спортом и т. д. [Он же 2011в: 182–205].

В целом произошло разительное обеднение досуга граждан, его «одомашнивание». Образно говоря, вся страна «уселась у телеэкрана». В 70 % случаях россияне включают телеприемник, как свет в комнате, сразу же при входе в жилище. И чаще всего он работает до самой ночи, чем бы члены семьи ни занимались [Он же 2010в: 36].

Наши исследования показывают, что телевидение стало главным архитектором строительства новой российской культуры. Здесь следует упомянуть о некоторых принципиальных особенностях, свойственных современному информационно-индустриальному обществу. Речь идет о том, что в конце XX в. рынок перестал быть игрой свободных производительных сил, описанных Карлом Марксом и его современниками. Рынок больше не подчиняется утилитарным потребностям людей и влиянию свободной конкуренции, превращаясь в систему, производную от идей. На смену производству материальных ценностей приходит производство смыслов. Роль смыслов кардинально меняет структуру производства. Смыслы производятся как продукты. Они генерируются в сознании людей с помощью внешних воздействий, манипуляций, и, будучи произведенными, порождают новые потребности. То есть и потребности производятся как продукты. Манипулирование вытесняет конкуренцию. Произошли радикальные перемены в соотношении между влиянием объективных экономических законов и механизмов изменения сознания людей [Мамардашвили 1992: 283–290]. Ключевую роль в этих процессах в силу ряда особенностей сегодня и играет телевидение.

Упомяну всего лишь одну из этих особенностей: наличие неявного знания. Выражаясь словами академика В. С. Степина, неявное знание – это прежде всего образцы деятельности. Их зачастую даже трудно описать в виде инструкций, но они усваиваются и понимаются через подражание. В повседневной жизни образцы деятельности, поведения и общения выступают необходимым компонентом

воспроизводства того или иного образа жизни. Подражая, люди как бы считывают друг с друга программы поведения и деятельности. Человек, выступающий в качестве образца, функционирует как своего рода семиотическая система [Степин 2010: 9]. Неявные знания, транслируемые в первую очередь телевидением, трансформируют российскую культуру.

Вот как говорит об этом руководитель Первого телеканала К. Эрнст: «Почему в первые годы такая популярность была у русских сериалов про реальность? Потому что, когда глобально изменилась ценностная шкала, люди не знали, как себя вести в новой реальности. И они понимали это как модель поведения, которая проговаривалась под видом развлечения. В целом общество само вырабатывать модели поведения не может. Основная суть телевидения – в том, чтобы проговаривать текущую ситуацию и правильные моральные модели поведения. Это эффективнее, чем просто учить. Учителя можно послать. А того, кто опосредованно формирует модели поведения, послать трудно, потому что это происходит помимо твоей воли и сознания. Ты же развлекаешься!» И еще одно замечание господина Эрнста: «Маркс, как мне кажется, ошибался. Так как надстройка формирует базис, надстройка главнее» [Эрнст 2010: 19–28].

Разумеется, господин Эрнст плохо читал Маркса, если вообще читал. Но важно другое. В его словах содержится ключ к пониманию реальной политики российского государства в сфере управления строительством нового социума, сложившейся в 90-е годы и осуществляемой до настоящего времени. Увы, это – эффективная политика. Мы потеряли культуру, возвращающую в гражданах гуманизм, творческие начала, систему ценностей, испытанную тысячелетиями развития мировой цивилизации. Новая Россия хорошо умеет потреблять, но все меньше способна производить и тем более – творить. Формируется культура неоварварства, дикости, строится царство всемогущества денег. Живущие в этой культуре люди искренне убеждены, что Солнце вращается вокруг Земли (по последним опросам так считают свыше 30 % наших сограждан [Солнце... 2012])...

Следует заключить, что созданная в 1990-е годы в нашей стране ультралиберальная версия капитализма в корне противоречит интересам Российского государства и общества – как неконкурентоспособная в контексте процессов мирового экономического и социально-культурного развития, в условиях глобализации. Перед Россией вновь встает задача выхода из очередного тупика – на магистральные пути общественного развития.

Литература

Баталов Э. Я. Движущая сила идей // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. М., 2010.

Гайдар умер, но дело его живет и побеждает // Московский комсомолец. 2010. 10 февраля.

Запесоцкий А. С. Платное образование – не услуга, студент – не клиент // Высшее образование в России. 2002. № 2. С. 48–50.

Запесоцкий А. С. Какая модернизация нам нужна? (Об опыте системного преобразования вуза) // Высшее образование в России. 2003. № 6. С. 25–34.

- Запесоцкий А. С. Высшее образование: доступное и платное // Высшее образование в России. 2004. № 9. С. 30–39.
- Запесоцкий А. С. Симуляция образования или образование симуляции? // Высшее образование в России. 2005а. № 7. С. 65–69.
- Запесоцкий А. С. Ставка – будущее России. Азартная игра – Болонский процесс // Высшее образование в России. 2005б. № 9. С. 3–8.
- Запесоцкий А. С. Образование и средства массовой информации как факторы социализации современной молодежи. СПб., 2008.
- Запесоцкий А. С. В калошах Ельцина, под зонтиком Гайдара // Санкт-Петербургские ведомости. 2009а. 26 октября.
- Запесоцкий А. С. СМИ как фактор трансформации российской культуры: науч. докл. 6 октября 2009 г. СПб., 2009б.
- Запесоцкий А. С. Влияние СМИ на молодежь как проблема отечественной педагогики // Педагогика. 2010а. № 2. С. 3–16.
- Запесоцкий А. С. Метаморфозы СМИ: новое качество или новые болезни // Социс. 2010б. № 7. С. 7–17.
- Запесоцкий А. С. СМИ как фактор трансформации российской культуры: науч. докл. и материалы дискуссий. СПб., 2010в.
- Запесоцкий А. С. Теория культуры академика В. С. Степина. СПб., 2010г.
- Запесоцкий А. С. Тупик № 2. Незнайка как новый символ России // Поиск. 2010д. 19 марта.
- Запесоцкий А. С. Воспитательный процесс в университете в контексте культуроцентристской концепции образования // Проблемы управления качеством в гуманитарном вузе : материалы XVI Междунар. науч.-метод. конф., 28 октября. СПб., 2011а.
- Запесоцкий А. С. Молодежь России: проблемы социализации // Социология образования. 2011б. № 11. С. 4–17.
- Запесоцкий А. С. Обеспечение права на доступ к пользованию достижениями культуры – условие формирования социального качества жизни // Права человека и правовое социальное государство в России. Гл. IV. М., 2011в.
- Запесоцкий А. С. Проблемы деятельности институтов социализации в современной России // Педагогика. 2011г. № 9. С. 3–15.
- Кондрашова Л. И. Какая демократия нужна Китаю? // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. М., 2010. С. 316–346.
- Конституция Российской Федерации. М., 2011.
- Кравченко Е. Мир невыученных уроков // Ведомости. 2012. 25 января.
- Мамардашвили М. К. Интеллигенция в современном обществе / М. К. Мамардашвили // Как я понимаю философию. М., 1992.
- Модернизация России: социально-гуманитарные измерения / под ред. Н. Я. Петракова. М.; СПб., 2011.
- Нереализованный потенциал модернизации / науч. ред. О. Т. Богомолов, А. С. Запесоцкий. СПб., 2011.
- Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние: науч. и публицист. заметки обществоведов / науч. ред. О. Т. Богомолов. М., 2010.

Права человека и правовое социальное государство в России / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2011.

Резник Г. М. Не поддаваться искусству коммерции // Новая адвокатская газета. 2011. № 23.

«Солнце – спутник Земли», или рейтинг научных заблуждений россиян // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111345> (дата обращения: 06.02.2012).

Степин В. С. Куда идет российская культура [Выступление на круглом столе]. СПб., 2010.

Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб., 2011.

Цзинцзе Ли. Заимствование западной культуры: нельзя допускать отклонений как «влево», так и «вправо» // Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире: VII Междунар. Лихачевские науч. чтения. 24–25 мая 2007 г. СПб., 2007.

Эрнст К. Телевидение и эволюция // Научные и учебные тетради Высшей школы телевидения МГУ имени М. В. Ломоносова. Тетрадь № 1, сентябрь – декабрь. 2009 г. М., 2010.

When Fortune Frowned: A Special Report on World Economy // The Economist. 2008. October 11 [Электронный ресурс]. URL: http://www.uni-graz.at/vwlwww_stm_survey_2008.pdf (дата обращения 06.02.2012).

СОЗДАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СТРАН В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Шапкин И. Н.

д. э. н., профессор, заведующий кафедрой экономической истории
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

E-mail: ishapkin@mail.ru

Бондаренко Н. Е.

к. э. н., доцент кафедры экономической теории
Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.

E-mail: vita06@inbox.ru

В условиях формирующейся глобальной экономики для всех стран, независимо от уровня хозяйственного развития, огромное значение приобретает проблема формирования национальной инновационной системы, которая призвана обеспечить их конкурентоспособность, определить место в мировом хозяйстве. В представленной статье авторы рассматривают историю становления и развития национальных инновационных систем, анализируют методы и факторы, влияющие на процесс их формирования, дают характеристику инновационным системам, сложившимся в настоящее время в различных странах мира.

Ключевые слова: *глобализация, экономическое развитие, конкурентные преимущества, национальная инновационная система, инновационное развитие, инновация, государственная инновационная политика.*

In the context of forming global economy, for all countries regardless of their economic development the establishment of the national innovative system is becoming very important. This system has to secure the competitiveness of these countries, and to define their place in the worldwide economy. In this article the authors examine the history of formation and development of different innovative systems, analyze factors that influence the formation; give characteristics to different innovative systems that have been already formed in different countries.

Keywords: *globalization, economic development, competitive advantage, national innovative system, innovation, innovative development, national innovative policy.*

Инновация отличает лидера
от догоняющего.

*С. Джобс, основатель
и руководитель компании Apple*

Важнейшим явлением современного мирового экономического развития является глобализация, представляющая качественно новый этап в интернационализации современной хозяйственной жизни. Ее характерной чертой стало преодоление

ние национальных границ и формирование всемирной экономической системы, основанной на тесном экономическом сотрудничестве.

Нынешнее экономическое состояние мира отличает углубление процессов международной экономической интеграции, расширение и усложнение взаимозависимости между отдельными экономическими субъектами, национальными экономиками, интенсивное развитие процессов интеграции, создание всемирного информационного пространства, мирового рынка капиталов, товаров, технологий и рабочей силы. Интеграционные процессы в мире выходят на новый уровень развития – глобальный, охватывающий все большее число стран. Количественное расширение ареала интернационализации придало ей новое качество. Крупные хозяйствующие субъекты превратились в игроков глобального масштаба, принципиально изменилось соотношение внутренних и внешних факторов развития национальных (страновых) общественных организмов, трансформировалась роль государств как организационно-политических инструментов, обеспечивающих их функционирование [Шишков 2000].

Наибольшее развитие процессы глобализации получили в финансовой сфере. Компьютеризация, системы электронных счетов и кредитных карт, спутниковая и оптико-волоконная связь позволяют практически мгновенно перемещать финансовую информацию, заключать сделки, переводить средства с одних счетов на другие независимо от расстояния и государственных границ. Это способствовало резкому сокращению трансакционных издержек и явилось одним из основных факторов образования мирового финансового рынка. Процессы финансовой глобализации нередко сопровождаются международной денежной и финансовой нестабильностью, могут привести к разрушительным процессам, к ускоренному распространению кризиса. Особенно ярко это проявляется в условиях продолжающегося мирового экономического кризиса, который начался именно в финансовой сфере в 2008 г. Слабая эффективность существующих регулирующих механизмов создает условия для дестабилизации экономической и социально-политической ситуации в отдельных странах и мировом сообществе в целом. На сегодняшний день не разработана действенная мировая система регулирования мирового финансового рынка.

Глобализация – это относительно новое понятие. Первым автором, использовавшим этот термин, был американский ученый Т. Левитт. В 1983 г. в статье в «Гарвард бизнес ревью» он писал о слиянии рынков отдельных продуктов, производимых крупными транснациональными корпорациями (ТНК), назвав этот процесс глобализацией [Осьмова, Бойченко 2011: 1–2]. В 1980 – начале 1990-х гг. в экономических науках термин «глобализация» использовался преимущественно для характеристики деятельности и корпоративной стратегии крупных ТНК, направленных на действия в глобальном масштабе. В 1990-х гг. понятие «глобализация» расширилось. Его начали использовать для обозначения качественно новых черт и характеристик мирового хозяйства, претерпевшего изменения в сравнении с предыдущими этапами эволюции.

Относительная новизна самого объекта исследования, сложность и комплексность происходящих в мировой экономике процессов не сформировали единого понимания и определения этого явления. До настоящего времени в экономической науке сохраняются различные подходы к определению понятия «глобализа-

ция», различные трактовки ее содержания и даже временные рамки [Осьмова, Бойченко 2011: 1–2].

Ряд экономистов под глобализацией в сфере экономики понимают процесс, определяемый рыночными, а не государственными силами, сбалансированным бюджетом, приватизацией, открытостью инвестициям и рыночным потокам, стабильностью валюты. Другие видят в глобализации общемировое усиление открытости и взаимозависимости стран, регионов, предприятий и сообществ людей. Некоторые ученые усматривают в глобализации слияние национальных экономик в единую общемировую систему, базирующуюся на свободном перемещении капитала, новой информационной открытости мира, технологической революции, коммуникационном сближении, на приверженности идеям экономического либерализма, интернационализации образования [Боди 1983: 77].

Разночтения в подходах не могут не влиять на характер и результативность исследования. Вместе с тем все исследователи отмечают, что глобализация наиболее полно проявляется в финансовой сфере, что деятельность ТНК приобретает мировой размах, происходят глобальная регионализация секторов мировой экономики, интенсификация мировой торговли, ускоренное развитие процессов конвергенции и т. д. Все эти изменения, начавшиеся в предыдущие десятилетия, в последнее время приобретают новое качество.

Движущей силой глобализации является научно-технический прогресс, прогресс технологических инноваций [Матвеев 2010]. Наиболее зримо он проявляется в совершенствовании средств транспорта и связи, сектора информации и телекоммуникаций, создающих новые возможности для быстрого и малозатратного трансграничного перемещения товаров, услуг, финансовых средств, идей и информационных продуктов. Появление новых информационных и коммуникационных технологий способствовало развитию быстродействующей компьютерной техники, оптико-волоконных технологий передачи сигналов, спутниковой и мобильной телефонной связи, кибернетики, сетевых технологий, цифровых технологий кодирования, новых поколений телевизионных технологий, компактных электронных устройств, созданию глобальной сети Интернет и других технических достижений. Принципиально новые информационно-коммуникационные возможности позволяют говорить о настоящей информационно-инновационной революции, основанной на знаниях и стимулирующей развитие процессов глобализации [Осьмова, Бойченко 2011: 7].

Глобализация в экономике – очень сложное явление, имеющее позитивные и негативные последствия. Положительные стороны глобализации проявляются в:

- облегчении хозяйственного взаимодействия между государствами. Глобализация стимулирует экономический рост, способствует ускорению, увеличению масштабов обмена и создает условия для доступа стран к передовым достижениям человечества в экономической, научно-технической и интеллектуальной сферах, содействует прогрессу стран мира, обеспечивает экономию ресурсов, стимулирует мировой прогресс;
- совершенствовании мирового разделения труда, позволяя перемещать капитал в любую страну, которая предлагает более выгодные условия для инвестиций;
- стимулировании экономического прогресса за счет обогащения национальных экономик достижениями других стран, увеличения мобильности капитала

и трудовых ресурсов, возможности реализации международных проектов, которые не могли бы быть осуществлены одним государством и др.

Вместе с тем глобализация имеет и отрицательные стороны, к главным из них следует отнести:

- закрепление периферийной модели экономики, потеря своих ресурсов странами, не входящими в «золотой миллиард». Растущая дифференциация в уровне благосостояния и степени вовлеченности в процессы глобализации между богатыми и бедными странами и вытеснение беднейших стран на обочину мирового хозяйства;
- растущую открытость процессов воспроизводства отдельных стран негативным внешним воздействиям. Быстрое распространение локальных экономических сбоев на другие регионы мира;
- дестабилизирующее воздействие на мировую экономику и финансы трансграничных переливов краткосрочных капиталов, действий международных финансовых спекулянтов;
- трудности в приспособлении к глобализации развивающихся стран и государств с переходной экономикой из-за отсутствия у них необходимых средств, неподготовленности национальных экономических, административных и правовых систем к деятельности в новых условиях;
- «электронно-цифровой разрыв» – увеличивающийся разрыв в доступе к достижениям информатизации как между отдельными странами, так и внутри стран между различными социальными группами;
- вытеснение из сферы занятости работников, менее приспособленных к прогрессу техники и изменениям в условиях труда, и как следствие – рост безработицы, особенно в развивающихся странах;
- опасность навязывания глобализации на основе определенных моделей, без должного учета национальной специфики и конкретных условий экономического развития различных стран;
- перерастание организованной экономической преступности из национальной в международную и др.

В XXI в. успех экономического развития и способность преодолевать социальные проблемы во многом зависят от того, насколько общество способно адаптироваться к новым мировым реалиям и использовать их в интересах модернизации. Это ставит перед ними дилемму – включиться в мировое развитие либо обречь себя на отставание и стагнацию.

Процесс глобализации по-разному воздействует на страны с различным уровнем развития, представляющие ядро мирового хозяйства – передовые экономики; а также его периферию – развивающиеся страны и страны с переходной экономикой. Прежде всего следует отметить принципиальную асимметричность рисков и выгод глобализации для различных групп стран.

Отношения между ядром и периферией мировой экономической системы характеризуются неэквивалентным экономическим обменом, при котором находящиеся на периферии страны вынуждены оплачивать интеллектуальную ренту, содержащуюся в импортных товарах и услугах, за счет природной ренты и затрат

труда, содержащихся в экспортируемых сырьевых и низкотехнологичных товарах [Матвеев 2010].

В условиях глобализации, когда национальные экономики вынуждены конкурировать с высококачественной импортной продукцией не только на внешнем, но и на внутреннем рынке, важнейшей экономической проблемой для товаропроизводителей является проблема национальной конкурентоспособности, представляющей собой синтез сравнительных и конкурентных преимуществ страны. К сравнительным преимуществам относятся благоприятные географические и климатические условия, природные ресурсы, дешевый труд, инфраструктурные факторы. Конкурентные преимущества – это научно-технический и образовательный потенциал общества, новые технологии и инновации.

Сравнительные преимущества стран, как правило, не носят постоянный характер. Однако в определенный временной отрезок они обладают неким стабильным, статичным характером. Конкурентные преимущества, напротив, достаточно динамичны, поскольку зависят от меняющихся инвестиционных и инновационных ресурсов, рыночной конъюнктуры, научно-технических открытий и их внедрения в производство.

Как показывает историческая практика, важнейшим условием экономического развития ведущих стран мира стало повышение их конкурентоспособности и обеспечение лидирующих позиций национальных экономик на международных рынках наукоемкой продукции. Добиться этого они смогли за счет перевода экономики на инновационный путь развития и создания национальной инновационной системы (НИС).

Понятие национальной инновационной системы с начала 1990-х гг. находится в центре внимания как ученых, занимающихся проблемами экономического, технологического и инновационного развития, так и государственных и международных организаций, отвечающих за разработку инновационной и промышленной политики. В результате развития наукоемкого сектора промышленности в развитых странах сформировались два важнейших элемента, на которых базируется национальная инновационная деятельность: НИС и научно-техническая политика государства.

Впервые термин НИС ввел английский экономист К. Фриман в 1987 г. [Freeman 1987: 16]. Исследуя инновационную систему Японии, он пришел к выводу, что она представляет собой сеть институциональных и государственных структур в государственном и частном секторах экономики, совместная деятельность которых ведет к созданию и распространению новых технологий. Следует отметить, что в данной формулировке отсутствует в явном виде термин «знания». Понятие НИС Фриман свел к новым технологиям, в которых знания воплощены неявно.

По его мнению, эффективность инновационного развития экономики зависит не только от эффективной деятельности самостоятельных экономических агентов (фирм, научных организаций, вузов, и др.), но и от того, как они взаимодействуют друг с другом в качестве элементов единой системы создания и использования знаний, а также с общественными институтами (такими как ценности, нормы, право). Таким образом, для него НИС – это совокупность взаимосвязанных организаций (структур), занятых производством и коммерческой реализацией научных знаний и технологий в пределах национальных границ; комплекс институтов

правового, финансового и социального характера, обеспечивающих инновационные процессы и имеющих прочные национальные корни, традиции, политические и культурные особенности [Иванова 2002: 16].

Датский ученый Б.-О. Лундвалл рассматривает НИС более широко. Он считает, что она включает в себя все элементы экономической системы, взаимодействующие при производстве, распространении и использовании экономически полезных знаний, что уровень развития технологий и инноваций определяется национальными особенностями исторического развития страны [Lundvall 1992].

Американский экономист Р. Нельсон утверждает, что НИС – это система национальных институтов, чье взаимодействие определяет эффективность инновационной деятельности национальных фирм. Для него элементы НИС представляют собой национальные институты [Nelson 1993].

Д. С. Меткалф – английский экономист из Манчестерского университета, директор Центра исследований инноваций и конкуренции – предлагает рассматривать НИС как совокупность развитых институтов, которые по отдельности и во взаимодействии вносят вклад в развитие и передачу технологий и обеспечивают рамки для формирования государственной политики, оказывающей влияние на инновационные процессы. Он считает, что НИС – это система различающихся взаимосвязанных институтов, производящих, хранящих и передающих знания, мастерство и созданные человеком продукты, используемые при разработке новых технологий [Metcalf 1995].

В настоящее время существуют как минимум три основные трактовки понятия НИС.

Первая состоит в рассмотрении НИС как совокупности институтов, деятельность которых направлена на генерирование и диффузию инноваций. Такой подход позволяет рассматривать инновационные процессы как проявляющиеся непосредственно в хозяйственной практике, поскольку появление нового продукта связано с совместной работой множества хозяйствующих субъектов.

Вторая интерпретирует НИС как комплекс сопряженных экономических механизмов и видов деятельности, обеспечивающих инновационные процессы, подчеркивая динамизм взаимодействия субъектов НИС.

Третья трактовка рассматривает НИС как часть национальной экономической системы, обеспечивающей органическое встраивание инновационных процессов в поступательное развитие экономики и общества в целом. Такой подход предполагает, что создание формальных инновационных структур само по себе не гарантирует успеха нововведений. Необходимо формирование адекватной экономической атмосферы, благоприятного для инноваций социального климата.

Следует заметить, что представленные определения национальной инновационной системы имеют различные интерпретации.

В концепции НИС термин «национальные», во-первых, подразумевает совокупность отраслевых инновационных систем в рамках определенных стран и, во-вторых, указывает на роль национальных правительств как основного системообразующего элемента.

В большинстве случаев термин «инновация» рассматривается достаточно широко, например как «процесс, благодаря которому компании создают и внедряют в практику продукты и производственные процессы, новые для данной фирмы или для данной страны, или вообще не имеющие аналогов в мире» [Иванова 2002: 19]. Это означает, что НИС включает в себя не только фирмы, лидирующие в разработке новейшей технологии, но также институты, ведущие наиболее перспек-

тивные исследования, и элементы, расширяющие возможности технологического развития страны – государственную поддержку инноваций через финансирование, налоги, введение стандартов и норм, технопарки, бизнес-инкубаторы, венчурный капитал и др.

Системный подход к определению концепции НИС предполагает, что совокупность взаимосвязанных институциональных структур (малые и крупные фирмы, университеты и государственные научно-исследовательские центры, центральное правительство и региональные власти, центры по трансферу технологий, финансовые рынки и т. д.) оказывает влияние на инновационное развитие и его направления, что основные ее элементы действуют совместно для достижения главных целей НИС.

В рамках исследований НИС центральное место занимает определение важнейших ее составляющих и анализ форм циркуляции знаний внутри нее. Набор элементов, входящих в НИС, не является жестко определенным, но можно выделить те из них, которым уделяется основное внимание (рис. 1).

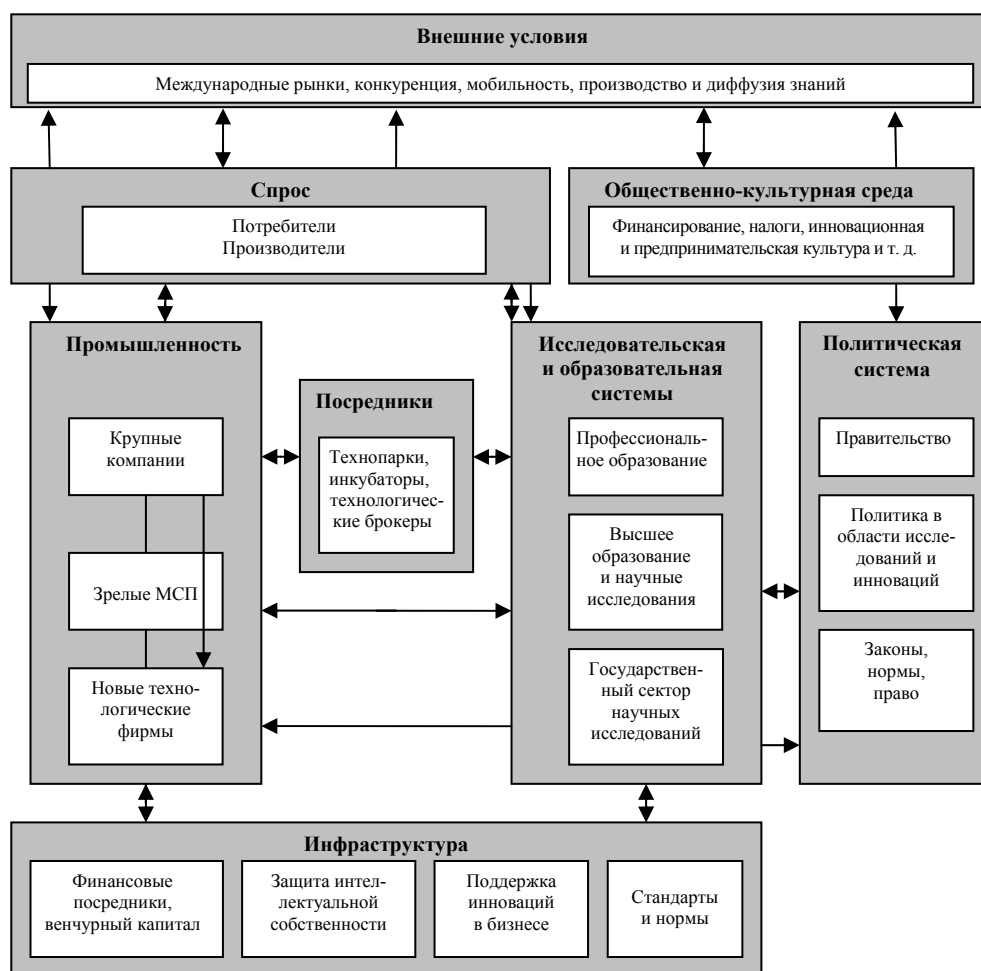

Рис. 1. Основные элементы НИС и взаимодействие между ними [Хватова 2009: 31]

Основу НИС составляет подсистема генерации знаний, которая представляет собой совокупность организаций, выполняющих фундаментальные исследования.

Во-первых, это комплекс институтов, участвующих в производстве, передаче и использовании знаний – фирмы и образуемые фирмами сети, научно-исследовательские учреждения. Сюда же входят элементы экономической инфраструктуры обеспечения исследований и разработок – национальные службы научно-технической информации, патентования и лицензирования, стандартизации, сертификации, статистики, аналитические центры для изучения зарубежного опыта, подготовки прогнозов научно-технического развития и формирования на их основе системы национальных научных приоритетов в обеспечении информацией лиц, принимающих решения.

Во-вторых, это факторы, влияющие на инновационный процесс, условия, создаваемые макроэкономической политикой и государственным регулированием; система образования и профессиональной подготовки; особенности товарных рынков и рынков факторов производства; система финансирования инноваций и др.

Практически во всех исследованиях, посвященных НИС, внимание акцентируется на том, что потоки технологий и информации между людьми, предприятиями и институтами играют ключевую роль в инновационном процессе. Технологическое развитие является результатом сложного комплекса взаимосвязей между участниками системы – предприятиями, университетами и государственными научными учреждениями.

В разных странах НИС отличаются друг от друга. Перед ними ставятся свои специфические цели и задачи. Стратегия развития НИС определяется стратегией экономического развития, проводимой макроэкономической политикой, нормативным и правовым обеспечением, формами прямого и косвенного государственного регулирования, состоянием научно-технологического и промышленного потенциала, внутренних товарных рынков, рынков труда, историческими и культурными традициями и особенностями [Иванов, Иванова 2006].

Для создания инновационной среды, способной обеспечить лидерство страны на глобальном мировом рынке, необходима разработка комплексной и эффективной системы мер регулирования инновационной сферы, способной повысить не только спрос на инновации со стороны большей части отраслей экономики, но и эффективность фундаментальной и прикладной науки. Ключевая роль в организации этого процесса принадлежит государству не только как его инициатору, но и как гаранту выполнения поставленных целей.

Инновационная политика государства складывается из поиска оптимальных путей развития общества, выявления перспективных отраслей производств и их финансовой поддержки, экономического регулирования инновационных процессов, организационного, правового и иного обеспечения скорейшего внедрения в сферу производства и услуг достижений науки и техники.

За последние десятилетия поддержка государством инноваций претерпела изменения. В 1980-х гг. государство оказывало влияние на инновационный процесс по трем направлениям, то есть посредством создания рынков знаний и инноваций, развития института интеллектуальной собственности; стимулирования частной инициативы за счет предоставления субсидий на НИОКР; производства знаний в государственных научных организациях с разрешением их свободного

использования. В 1990-е гг. получили распространение новые методы и подходы. Главными стали организация системы распространения знаний, стимулирование сотрудничества между государственным, университетским и предпринимательским секторами научной и инновационной деятельности. Таким образом, государственная инновационная политика – это постоянно развивающаяся система, представляющая комплекс организационных мероприятий, направленных на создание благоприятных условий возникновения и последующего функционирования инновационной инфраструктуры.

Несмотря на смену приоритетов в государственной инновационной политике, можно сформулировать ее основные неизменные направления:

- поддержка фундаментальных исследований, направленных на получение результатов, революционизирующих науку и технику;
- финансирование поисковых НИОКР для создания новой техники и технологий с опережающими техническими решениями для последующей передачи результатов в сферу материального производства;
- создание законодательной и информационной базы, обеспечивающей экономическую заинтересованность производителей в осуществлении инноваций, способствующих радикальному изменению технического уровня производства и экономики в целом [Казанцева, Миндели 2004: 33–34].

Реализация государственной инновационной политики включает прямые и косвенные методы. К числу прямых методов относятся:

- финансирование за счет государственного бюджета НИОКР и инновационных проектов (преимущественно фундаментальные и прикладные исследования общегосударственного, межотраслевого и социального значения);
- разработка прогнозов развития науки и техники на долгосрочную перспективу, оценка среднесрочных тенденций развития инновационных процессов;
- формирование государственной инновационной инфраструктуры (центры распространения нововведений, консультационные центры, биржи инноваций, информационные сети, обеспечивающие доступ к специализированным центрам научно-технической информации, и т. д.);
- защита прав на промышленную собственность и обеспечение прав на передачу результатов научно-технической деятельности;
- ограничение действия антимонопольных мер на доконкурентных стадиях инновационного цикла и важнейших инновационных проектов;
- подготовка кадров в сфере инновационного менеджмента для частнопредпринимательского сектора экономики;
- оказание содействия внедрению результатов НИОКР в производство путем передачи созданной в рамках государственного сектора на государственные средства научно-технической продукции частному сектору с целью ее коммерциализации [Герчикова 2002: 617].

Преобладающее значение в системе прямого экономического воздействия государства на инновационные процессы занимают методы, имеющие конечной целью стимулирование кооперации промышленных корпораций в области научных исследований, взаимодействие университетов, занимающихся инновациями, с субъектами реального сектора, прежде всего промышленностью. В качестве инструментов прямого стимулирования инноваций в Канаде, например, использу-

ются государственные гарантии при получении кредитов в коммерческих банках или прямое государственное финансирование инновационного процесса. В Японии – бюджетное субсидирование и льготное кредитование государственных отраслевых научно-исследовательских институтов, госкорпораций, центров, осуществляющих создание и освоение инноваций совместно с частными фирмами на принципах частно-государственного партнерства. В Германии осуществляется прямое государственное финансирование долгосрочных исследований приоритетных научных направлений, которые характеризуются высокой степенью неопределенности прогнозируемого результата и обладают высокой степенью риска для бизнес-сектора.

Среди косвенных методов государственной поддержки инновационной деятельности выделяются: налоговые льготы, льготное кредитование, государственная поддержка финансового лизинга, меры стимулирования франчайзинга, проведение политики ускоренной амортизации и др.

Огромное влияние на стимулирование инновационной деятельности оказывает деятельность государства по формированию благоприятного инновационного климата в экономике, то есть по созданию условий, прямо или косвенно влияющих на возможность реализации инновационного потенциала страны.

Национальные инновационные системы сегодняшних стран – лидеров в области инновационного и технологического развития (США, ФРГ, Япония) сложились в целом в конце 1980-х гг., причем в каждой стране складывалась собственная модель. В настоящее время правительства прилагают большие усилия для поиска и создания дополнительных конкурентных преимуществ своих стран на международном глобальном рынке, для обеспечения устойчивого инновационного и экономического развития в долгосрочной перспективе. Много делается для увеличения эффективности функционирования НИС.

Модель НИС США называют рыночной. В стране хорошо развит рынок знаний и технологий, отработаны федеральные программы финансирования малых инновационных предприятий, программы венчурного финансирования. Важнейшей ее особенностью является сосредоточение ведущих научно-исследовательских мощностей в руках государства. Именно через эти лаборатории реализуется политика в интересах государства. В них, а также в университеты инвестируется 90 % всех средств, выделяемых государством на НИОКР. В США создана эффективная законодательная система поддержки исследований и инноваций. Огромное значение придается стимулированию патентования, защите интеллектуальной собственности. НИС ориентирована на обучение всех ее субъектов при разработке инновационной политики, поощряя, таким образом, различные организации и штаты к экспериментам в вопросах выработки стратегии в этой области и ее реализации. В США созданы эффективные сети взаимодействия между научно-исследовательскими центрами и бизнесом, университетами и правительством, правительством и бизнесом. В общем финансировании НИОКР велика роль венчурного капитала.

Модель НИС ФРГ нередко называют интеграционно-европейской или социальной. Ее главными чертами являются децентрализация и прочные связи между научно-исследовательской средой и бизнесом. Все концепции развития НИС, программы, инициативы выходят за пределы формирования только научно-технологической политики, они являются интегрированными, учитывают требо-

вания рынка, основной акцент в них делается на обеспечение роста экономики и занятости, уменьшение безработицы, а важнейшую роль в достижении этих целей призваны сыграть малые и средние инновационные предприятия. Для этого правительство разрабатывает особые меры поддержки, налоговые льготы, налаженный доступ к информации и технологиям. Главными целями германской НИС являются эффективность научно-исследовательской деятельности, смещение НИОКР в сторону наукоемких и передовых технологий (фармацевтика, нано- и биотехнологии, ИКТ), инвестирование в знания.

Модель НИС Японии является корпоративной, так как центральную роль в ней играет промышленный сектор. Государственная инновационная политика максимально централизована. Главным инструментом при составлении инновационной стратегии было и остается форсайт-прогнозирование. Большое внимание здесь уделяется защите интеллектуальной собственности, системам оценки исследований. Основными целями японской НИС являются накопление и создание разных знаний как основы для непрекращающихся инноваций, прорыв в высоких технологиях и участие в проектах мирового значения, экономический рост и защита окружающей среды, проблемы энергетического обеспечения и т. д. Приоритетными областями признаются науки о жизни, информационные и коммуникационные технологии, окружающая среда и нанотехнологии.

Китай в настоящее время еще находится в процессе формирования НИС, хотя стратегия ее развития была заложена в 1970-х гг. Большое внимание в стране уделяется развитию технологических кластеров и привлечению иностранных инвестиций. Темпы технологического развития огромны, а поставленные цели поражают своими масштабами. Китай с большим успехом сумел мобилизовать ресурсы для развития науки и технологий и сейчас играет значительную роль в исследованиях и разработках в мире. Крупные инвестиции привели к быстрому росту экономики, однако инновационная деятельность не развивается такими же темпами. Иностранные инвестиции в НИОКР растут, причем главным интересом западных фирм является уже не просто доступ к рынку, а доступ к человеческим ресурсам. Одновременно с этим многие китайские фирмы сумели создать узнаваемый бренд (например, компания Huawei, производящая телекоммуникационную аппаратуру, или Foxconn, производящая iPad и другие подобные продукты) и успешно выйти на международный рынок.

Одним из средств совершенствования НИС в Китае должно стать расширение возможностей для инновационной деятельности за пределы технопарков и бизнес-инкубаторов, продвижение и поддержка более рыночно ориентированных инновационных кластеров и сетей взаимодействия.

Несмотря на национальные различия, все НИС обладают рядом общих черт. Во-первых, во всех странах существует стратегия развития на несколько десятилетий вперед. Историческая практика показывает, что побеждает тот, кто формирует свою стратегию и последовательно ее придерживается. Так, сегодня все китайские программы, реформы, инновационная политика четко структурированы до 2020 г. Во-вторых, НИС стран-лидеров являются адаптивными и динамичными – способными стремительно развиваться, быстро перестраиваться и конкурировать в условиях глобальной экономики. В-третьих, особое место в инновационной политике занимают программы поддержки малых инновационных фирм.

В-четвертых, во всех странах, но в особенности в Японии, уделяется большое внимание формированию инновационного климата в обществе, понимания необходимости инновационной восприимчивости в стране [Хватова 2009].

Проблема создания НИС приобретает в высшей степени актуальный характер для нашей страны. России необходимо найти свое место в формирующейся глобальной экономике, развивать собственные конкурентные преимущества, основанные на инновациях. К сожалению, сегодня наша страна участвует в мировой экономике в основном в качестве потребителя готовой продукции, пытается интегрироваться в мировое хозяйство, имея деформированную народно-хозяйственную структуру, стремительно стареющие производственные фонды. Россия остается страной сырьевого экспорта. 2/3 российского экспорта приходится на сырье, в то время как в США этот показатель составляет 1/12 [Кузык 2008]. Чтобы не оказаться на обочине мирового прогресса, России необходимо перевести экономику на инновационный путь развития, придав народному хозяйству новый импульс движения.

В нашей стране по-прежнему сохраняются предпосылки для перехода к инновационному развитию и создания действенной НИС. Она обладает фундаментальной наукой, прикладными исследованиями и технологическими разработками, системой образования, отдельными базовыми элементами инновационной структуры – инновационно-технологическими центрами, центрами трансфера технологий, технопарками и фондами. Однако формирование национальной инновационной системы у нас сталкивается с целым рядом проблем, основными из которых являются:

- недостаточная проработанность законодательной базы для осуществления эффективной инновационной деятельности;
- отсутствие действенных механизмов реализации определенных государством приоритетных направлений развития науки, технологий и техники, что влечет за собой нерациональное использование бюджетных средств и недофинансирование исследований в перспективных областях науки;
- ослабление кооперационных связей между научными организациями, учреждениями образования и производственными предприятиями;
- недостаточный уровень развития малого инновационного предпринимательства;
- низкая эффективность инновационных предприятий;
- наличие низкого спроса со стороны реального сектора экономики на перспективные с точки зрения их коммерческого применения результаты научно-технической деятельности;
- недостаточная привлекательность научных организаций и инновационно активных предприятий как объекта инвестиций и кредитования.

Современные цели и задачи инновационной политики в России закреплены рядом программных документов. основополагающими на сегодняшний день являются Стратегия развития науки и инноваций в РФ на период до 2015 г. (от 2006 г.), Комплексная программа научно-технологического развития и технологической модернизации экономики РФ до 2015 г. (от 2007 г.), Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. (от 2008 г.).

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. сформулированы четыре направления перехода страны на инновационный путь развития:

Первое направление – обеспечение использования глобальных конкурентных преимуществ России в сферах энергетики, транспорта, аграрного сектора, прежде всего обеспечение стабильности энергетического снабжения крупнейших мировых потребителей энергоресурсов и использование транспортного (транзитного) потенциала российской экономики.

Второе направление – формирование научно-технологического комплекса, обеспечивающего глобальную специализацию России на высокотехнологичных рынках: достижение и поддержание лидерства в научных исследованиях и технологиях по ряду приоритетных направлений (нанотехнологии, ядерная энергетика, авиация, судостроение, космос, программное обеспечение). Следует отметить, что среди приоритетных направлений нет биотехнологий, новых систем связи, новой медицины, производства новых материалов, хотя в России существуют уникальные разработки в этих областях.

Третье направление – структурная диверсификация экономики на основе повышения конкурентоспособности перерабатывающей промышленности, высокотехнологичных отраслей и «экономики знаний», куда входит также улучшение условий предпринимательской деятельности, создание благоприятного инвестиционного климата и механизмов обеспечения инновационной активности компаний и т. д.

Четвертое направление – развитие демократии и обеспечение защиты прав и свобод личности, создание экономических и социальных условий для реализации творческого потенциала человека [Концепция... 2008].

Большое внимание в Концепции уделено вопросам развития НИС, в частности системе прогнозирования, предоставления грантов, единству академической науки и промышленности, развитию кластеров, технопарков, бизнес-инкубаторам, защите интеллектуальной собственности, то есть базовым элементам национальной инновационной системы.

Для интеграции России в глобальную экономику настоятельно требуется, чтобы государственная инновационная политика, важнейшей составной частью которой является формирование национальной инновационной системы, стала основой долгосрочного экономического развития страны.

Таким образом, одной из закономерностей современного мирового развития является сложный и противоречивый процесс экономической глобализации. С одной стороны, глобализация облегчает хозяйственное взаимодействие между государствами, стимулирует мировой прогресс, а с другой – имеет определенные негативные последствия. В условиях возрастающих рисков важнейшей задачей стран являются поиск своего места в глобальной экономике, развитие отраслей экономики, обладающих конкурентными преимуществами. Последнее напрямую зависит от структуры и эффективности инновационной системы страны. Инновационная система позволяет государству занять определенную нишу в системе международного разделения труда, найти свое место в международных отношениях.

Проблема создания институтов инновационной системы, позволяющей генерировать, воспроизводить и использовать научно-технические инновации для повышения темпов экономического развития и качества жизни в нашей стране, приобретает чрезвычайно важное значение. Проблема повышения конкурентоспособности экономики остро стоит перед Россией. Не случайно вопрос о перспективах формирования национальной инновационной системы в последние годы занимает заметное место в российской политике.

Литература

- Боди Б. Культура политического. М., 1983.
- Герчикова И. Н. Регулирование предпринимательской деятельности: государственное и межфирменное. М. : Консалт-банк, 2002.
- Иванов В. В., Иванова Н. И. НИС в России и ЕС. М. : Наука, 2006.
- Иванова Н. И. Национальные инновационные системы. М. : Наука, 2002.
- Казанцева А. К., Миндели Л. Э. Основы инновационного менеджмента. М. : Экономика, 2004.
- Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс] : Министерство экономического развития РФ. 2008. URL: <http://www.economy.gov.ru>
- Кузык Б. Н. Россия в цивилизационном измерении: фундаментальные основы стратегии инновационного развития. М. : Институт экономических стратегий, 2008.
- Матвеев Ю. В. Особенности взаимодействия глобализации и конкурентоспособности российской экономики // Экономические науки. 2010. № 7(68). С. 9–17.
- Осьмова М. Н., Бойченко А. В. Глобализация мирового хозяйства. М. : ИНФРА-М, 2011.
- Хватова Т. Ю. Национальные инновационные системы зарубежных стран: цели и стратегии развития. СПб. : Изд-во Политехнического ун-та, 2009.
- Шишков Ю. Европа и процессы глобализации экономики // Современная Европа. 2000. № 1. С. 38–47.
- Freeman C. Technology Policy and Economic Performance: Lessons from Japan. London : Pinter, 1987.
- Lundvall B.-Å. National Innovation Systems: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning. London : Pinter Publishers, 1992.
- Metcalf S. The Economic Foundations of Technology Policy: Equilibrium and Evolutionary Perspectives // Handbook of the Economics of Innovation and Technological Change. Oxford (U.K.); Cambridge (US) : Blackwell, 1995.
- Nelson R. National Innovation Systems: A Comparative Analysis. New York; London : Oxford University Press, 1993.

РОССИЯ И ТУРЦИЯ В XXI в.: ОТ МНОГОПЛАНОВОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА К ИМПЕРАТИВУ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Иманов Г. М.

к. т. н., президент научно-образовательного комплекса
«Смольный университет», председатель региональной общественной
организации «Азербайджанская диаспора Санкт-Петербурга».

E-mail: geydar_iman@mail.ru, smun_spb@mail.ru

В статье утверждается, что на рубеже XX–XXI столетий Анкара и Москва стали надежными партнерами. Российско-турецкие отношения приобретают мощную динамику развития. Многовековая история российской и турецкой цивилизации имеет много общего. Они исторически формировались как евразийские мир-империи. Россия и Турция – страны евразийского имперского прошлого. К сходным чертам российской и турецкой цивилизации следует отнести и их формирование под сильнейшим влиянием духовных ценностей. Более конкретно – религиозного фактора. Растет влияние евразийских настроений в России и Турции. Представляется целесообразным инициирование широкой общественной дискуссии о возможном вступлении Турецкой Республики в Евразийский Союз.

Ключевые слова: *Россия, Турция, партнерство, интеграция, цивилизация, евразийство, евразийская идея, Евразийский Союз.*

The article argues that at the turn of the 20th –21st centuries Ankara and Moscow became reliable partners. The Russian-Turkish relations get a powerful dynamics of development. The centuries-old history of the Russian and Turkish civilizations has much in common. They were historically formed as the Eurasian world-empires. Russia and Turkey are the countries of the Eurasian imperial past. Their formation under the strongest influence of cultural values, and, to be more exact, under the influence of the religious factor, should be considered as similarities between the Russian and Turkish civilizations. Influence of the Eurasian public moods grows in Russia and Turkey. It seems reasonable to initiate a wide public discussion about the possible entry of the Turkish Republic into the Eurasian Union alliance.

Keywords: *Russia, Turkey, partnership, integration, civilization, Eurasianism, Eurasian idea, the Eurasian Union.*

На рубеже XX–XXI столетий **Анкара** и **Москва** стали надежными партнерами. Российско-турецкие отношения приобретают мощную динамику развития. Важно отметить расширение российского экономического присутствия в Турции и турецкого – в России. Торгово-экономическое сотрудничество охватывает все новые и новые сферы, ведет к повышению благосостояния населения и, несомненно, становится фактором, который будет способствовать процветанию эко-

Век глобализации 2/2012 174–178

номик двух стран. Взаимодействие в энергетической области может быть понято в контексте складывающегося единства геоэкономических и геополитических позиций. Намечается сближение военно-политических интересов. Политический диалог отличается интенсивностью. Новая суть российско-турецких отношений проявляется в углублении культурно-гуманитарных связей, развитии народной дипломатии.

Со всей основательностью можно говорить о качественно новом этапе в развитии отношений двух стран, насчитывающих более чем пятисотлетнюю историю. Сегодня они носят характер многопланового стратегического партнерства. Надо полагать, в XXI столетии Россия и Турция откроют для себя новые горизонты сотрудничества.

Детальный анализ современного этапа российско-турецкого взаимодействия показывает, что он не может быть объяснен простым совпадением прагматических интересов. Непрерывно возрастающая динамика отношений обусловлена прежде всего схожими чертами культурно-цивилизационного развития. Именно культурно-цивилизационные слагаемые определяют укрепление связей между Москвой и Анкарой.

Многовековая история российской и турецкой цивилизации имеет много общего. Они исторически формировались как евразийские мир-империи. Россия и Турция – страны евразийского имперского прошлого.

Сегодня важно вспомнить, что идея собирания земель, воплощенная московскими князьями и родом Османа, имела очень глубокий смысл. Внутри устойчивых, политически стабильных государственных образований складывалась система культурных связей, послужившая прочной основой евразийского проекта многонационального государства. В границах Османской и Российской империй происходили интенсивные контакты между различными народами, способствующие их взаимообогащению и сближению. Территории России и Турции стали пространством осуществления универсального творческого синтеза – синтеза ценностных миров Запада и Востока, Азии и Европы. Государственное строительство было теснейшим образом связано с евразийской культуротворческой миссией – служить мостом между народами, быть связующим началом между различными культурными мирами, объединять их при сохранении неповторимого своеобразия. Будучи открытыми к восприятию других традиций, исторически осуществляя евразийскую интегративную идею, обе цивилизации складывались как два полюса притяжения евразийской вселенной.

К сходным чертам российской и турецкой цивилизации следует отнести и их формирование под сильнейшим влиянием духовных ценностей. Более конкретно – религиозного фактора. Религиозные традиции имели огромное государствообразующее и культуросозидающее значение. Ценности духовного достоинства человека и альтруистического служения, укорененные в православии и исламе, стали жизнестроительными на имперских пространствах России и Турции. Эти сердцевинные ценности народов двух стран всегда были источником их творческих сил, грандиозных исторических свершений.

Конечно, отношения между Россией и Турцией не всегда были добрососедскими. Однако образ двух стран, находящихся в состоянии перманентной войны, не имеет под собой никаких исторических оснований. Перед нами довольно грубая фальсификация истории. За пять веков установленных дипломатических от-

ношений Россия и Турция были в состоянии войны лишь 25 лет. Их народы никогда не испытывали фобии друг к другу, ощущения расового или культурного превосходства. Создавали они и эффективно действующие стратегические военные союзы.

Важно преодолеть устаревшие стереотипы и штампы при историческом анализе российско-турецких противоречий и конфликтов. Современные исследования позволяют аргументированно утверждать: трагическое для народов России и Турции противостояние было обусловлено агрессивными планами держав, мечтающих об ослаблении и колонизации евразийского мира. Враждебные игроки обладали желанием сорвать российско-турецкий диалог, искусственно навязать странам образы естественных соперников и тем самым дестабилизировать евразийское пространство.

Актуально звучат сегодня размышления Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891) – выдающегося отечественного мыслителя, дипломата (погрузившегося на длительное время в жизнь Османской империи), государственного и общественного деятеля, православного подвижника (сопричастного духовности монастырей Афона и Оптиной пустыни). Его творческое наследие проливает свет на прошлое, настоящее, а возможно, и будущее отношений России и исламского мира. Мыслитель выступал сторонником стратегического союза между Россией и Турцией – союза, который должен стать фундаментом объединения народов, исповедующих православие и ислам. Он видел мусульманские регионы России драгоценными окраинами, культурное своеобразие которых придает ей неповторимый духовный облик. Исламский мир был для него неотъемлемой частью российской цивилизационной идентичности. Будучи центром мусульманского мира, Османская империя включает в себя православное население, народы, родственные россиянам (речь идет прежде всего о тюркских народах), что делает союз с ней естественным. Леонтьев подчеркивал духовную близость, общие ценности, тесное взаимодействие народов двух государств. Его мысли об интригах иностранной дипломатии, не соответствующих подлинным интересам Турции и России, но в то же время выступающих основной причиной русско-турецких войн, появились в итоге пристального наблюдения за современной ему политической жизнью. Именно перед лицом этих интриг, по мнению философа, и необходимо объединение. Его итогом станет формирование нового цивилизационного полюса, являющегося источником мировой стабильности. Проект Леонтьева – проект воссоединения, собирания евразийского пространства, системно дестабилизируемого посредством дипломатических интриг.

Размышления К. Н. Леонтьева – размышления предтечи отечественного евразийства. Развивая его взгляды, российские ученые (П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, Н. С. Трубецкой, Л. Н. Гумилев и др.) отмечали историческую общность судьбы славянских и тюркских народов, их открытость, взаимопроницаемость друг для друга. В итоге глубокого исследования тюркской культуротворческой и государствообразующей деятельности им удалось со всей очевидностью показать ее неоспоримое значение в деле созидания российской государственности, культуры и цивилизации, раскрыть тюркскую составляющую российского исторического процесса и идентичности. Евразийство исходило из идеи славяно-тюркского взаимодействия как основы стратегии евразийской интеграции.

В России и на постсоветском пространстве сегодня можно говорить о ренессансе евразийских идей. Они активно влияют на политическую и экономическую жизнь, определяют векторы движения интеграционных процессов.

Растет влияние евразийских настроений и в современной Турции. Все более ощущается оно в заявлениях политической элиты страны. Активно генерирует евразийские теории турецкая интеллигенция. При этом речь идет о базовых принципах развития, выходящих за границы какой-либо одной политической силы. Образ Турции как евразийской державы – государства с евразийским географическим и культурным ландшафтом – прочно утверждается в повседневном сознании. Евразийство становится неотъемлемой частью определения турецкой идентичности.

Турецкое евразийство исходит из идеи сближения двух бывших империй через всестороннее укрепление и развитие славяно-тюркских отношений. Как и в России, оно означает формирование вокруг страны поясов дружбы, процветания и стабильности, участие в созидании целостного экономического, политического и культурного поля Евразии.

Находя себя в глобальной геополитической системе, современная Анкара пришла к осознанию бесперспективности антироссийских геополитических сценариев, пониманию внутренней противоречивости однозначной лояльности атлантистскому курсу, уяснению важности разработки многовекторной политики и выстраивания системы взаимодействия с Россией на принципиально новых подходах. Односторонняя атлантистская стратегия более не способна обеспечить государственные интересы. Страна находится в процессе смены политических приоритетов с атлантистских на континентальные.

При отказе от восприятия себя в качестве форпоста атлантизма Турция способна играть огромную роль в конструировании евразийского геополитического блока. Отдаление от атлантистской стратегии не только увеличивает ее политический вес, но и превращает из конкурента в естественного союзника России. Став евразийской силой, придав своей политике системный евразийский характер, Анкара наполняет контент своего влияния принципиально новыми смыслами. Ее позиция на Кавказе и в Центральной Азии становится содействующей интеграции. Государственные интересы связываются с объединительными процессами в Евразии.

Детальное рассмотрение внешнеполитических доктрин России и Турции показывает, что они развиваются сегодня в общем евразийском ключе. Представляется целесообразным инициирование широкой общественной дискуссии о возможном вступлении Турецкой Республики в Евразийский Союз.

Становясь полноправным участником Евразийского Союза, Анкара открывает новые возможности упрочения своих экономических достижений. При опоре на российский научно-технический и промышленный потенциал, привлечении передовых технологий и подготовки квалифицированных кадров Турция способна перейти к новому этапу технологического развития. Такой переход придаст импульс совершенствованию российской промышленности, науки и техники. Российско-турецкое сотрудничество, основывающееся на принципе взаимодополняемости экономических систем, окажет всестороннюю поддержку модернизационным процессам в двух странах.

Переход к совместному осуществлению проектов на основе новейших промышленных технологий, развитие совместного производства, разработка единой стратегии в сфере энергетической политики, объединенное урегулирование региональных конфликтов, выход на уровень заключения военно-стратегических союзов, координированное участие в международных экономических и политических структурах, общее содействие интеграционным процессам на евразийском пространстве, развитие гуманитарных связей как платформы всех форм сотрудничества – вот далеко не полный перечень перспективных направлений взаимодействия, открывающихся в итоге усиления взаимного притяжения Москвы и Анкары.

Турция играет особую роль в тюркском и мусульманском мире. Близость культур народов Кавказа, Центральной Азии и Турции, их конфессиональное и этническое родство укрепит целостность Евразийского Союза, а также, несомненно, обеспечит прочные дружеские связи России с исламским миром в целом, что многократно усилит ее международные позиции.

Культура Турции, как и культура России, основанная на признании духовного достоинства человека и этике служения, содержит в себе мощнейший потенциал, призванный способствовать решению глобальных проблем в общечеловеческих интересах.

Интеграция держав, обладающих ключевым геостратегическим положением в Евразии, способна изменить расстановку сил в мире, обернуться формированием качественно новой геополитической ситуации. Последовательное собирание евразийского пространства приведет к образованию полюса устойчивого развития, утверждению модели многополярной глобализации, реализуемой не вопреки, а благодаря культурному многообразию человечества.

Общие интересы России и Турции выдвигают на первый план императив интеграции. Есть все основания полагать, что существуют мощные противники сближения этих стран, желающие видеть их конкурентами. Именно сегодня у нас есть уникальный шанс осуществить стратегию объединения, и мы не должны его упустить.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРА

Филюхина С. В.

к. ф. н., редактор сайта Центра проблемного анализа
и государственно-управленческого проектирования.

E-mail: f.svtln@gmail.com

14 июня 2012 г. в Институте научной информации по общественным наукам РАН состоялась Всероссийская научная конференция «Глобальные тенденции развития мира». Участники выделили основные глобальные тенденции мирового развития в ближайшие десятилетия, среди которых – перераспределение игроков на глобальном рынке энергетики, новая индустриализация, интенсивная миграция, концентрация информационных ресурсов, учащение мировых кризисов. Были названы и основные проблемы, которые стоят перед человечеством, в том числе поддержание продовольственного баланса, необходимость выстраивания глобальной системы управления миром (мировой законодательной, исполнительной и судебной власти).

Ключевые слова: *глобализация, мировой кризис, экономические циклы, управление, постиндустриализм, энергетика.*

The All-Russian conference “Global trends of the world development” was held on June 14, 2012, at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. The participants defined the main global trends of the world development for the next decades among which are redistribution on the world’s energy market, reindustrialization, intensive migration, centralization of the mass-media, and more frequent world crises. The most important problems of the future globalizing world were also defined including the maintaining of the global food supply balance, organization of the global management system (world legislative, executive and judiciary powers).

Keywords: *globalization, world crisis, economic cycles, governance, postindustrialism, energy.*

14 июня 2012 г. в Москве в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН состоялась Всероссийская научная конференция «Глобальные тенденции развития мира». Организаторами выступили Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН, Центральный экономико-математический институт РАН, ИНИОН РАН, Институт экономики РАН, Институт философии РАН, факультет глобальных процессов и факультет политологии МГУ имени М. В. Ломоносова.

Век глобализации 2/2012 179–188

В конференции приняли участие директор Института экономики РАН Руслан Гринберг, директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования Степан Сулакшин, иностранный член РАН Аскар Акаев, первый вице-президент Российского философского общества Александр Чумаков и др.

С учетом развертывающегося процесса глобализации актуальность темы, как подчеркнул председатель конференции, заведующий кафедрой государственной политики МГУ и научный руководитель Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования Владимир Якунин, даже не нуждается в особом обосновании. Мир объединяется, связи между странами становятся все более крепкими и тесными, а взаимное влияние – все более неотвратимым. Особенно сильно это чувствуется, пожалуй, сегодня, в период мирового финансового и экономического кризиса. Яркий пример напрашивается благодаря одному совпадению: конференция проходила буквально накануне парламентских выборов в Греции, результат которых фактически определял, останется ли страна в еврозоне или покинет ее. А это, в свою очередь, сказалось бы и прямо, и косвенно различными и далеко не всегда предсказуемыми путями на всем ставшем глобальным мире и в конечном счете – на каждом его жителе.

Глобализация бросает человечеству серьезные вызовы, осмыслить и принять которые – задача ученого и экспертного сообщества. Цель прошедшей конференции – увидеть главные глобальные тенденции и вызовы, которые будут определять развитие мира в ближайшие десятилетия, и предложить глобальный же, всеобщий план ответных действий. Тенденции мирового развития, возможности многополярности и глобального управления миром, шансы евразийской интеграции, глобальный неокOLONиализм и паразитизм, мировой кризис и мировой хаос, глобализация и проблема государственного суверенитета – вот лишь немногие темы, которые успели обсудить участники конференции.

Владимир Якунин: «Одна из самых больших опасностей – глобальное господство общества потребления»

В начале своего доклада «Глобальные тенденции современного мирового развития», которым открылось пленарное заседание конференции, заведующий кафедрой государственной политики МГУ Владимир Якунин перечислил основные направления, от которых зависит облик будущего мира:

- развитие энергетики, в том числе освоение альтернативных источников энергии;
- возможность «нового индустриализма» (и глобальные цивилизационные конфликты, конфликты реальной и виртуальной экономики, а также возможность неоиндустриализма);
- поддержание продовольственного баланса в мире, обеспечение населения планеты питьевой водой;
- миграция и изменение состава населения;
- движение информационных потоков.

Энергетической теме была посвящена большая часть выступления Владимира Якунина. Говоря об энергетике как об одном из главных факторов будущего, он

подчеркнул, что мы находимся в периоде смены энергетических укладов: нефтяной уклад, по всей видимости, уже начинает уступать место газовому. Запас нефти конечен, и хотя по прогнозам в ближайшие десятилетия ископаемое топливо останется основным источником первичной энергии и к 2030 г. будет обеспечивать 3/4 всех энергопотребностей мира, уже сегодня разрабатываются альтернативные источники энергии.

По оценкам экспертов, неизвлекаемые энергоресурсы составляют сегодня не менее 1/3 всех запасов углеводородов, объем неизвлекаемого газа в 5 раз больше мировых запасов извлекаемого газа. На эти ресурсы через несколько десятков лет будет приходиться 45 % всего потребления. К 2030 г. «нетрадиционный» газ займет 14 % рынка.

В связи с этим становится все более важной роль новых технологий: страны, которые смогут разработать и применить соответствующие технологии, выйдут на лидирующие позиции.

Важно предусмотреть, как в связи с этим процессом изменится положение России.

Некоторые наши политики так активно называли страну энергетической державой, что этому поверили даже за рубежом: иностранные коллеги начали отстраивать систему противодействия супердержаве. Однако это не более чем риторическая формула, имеющая мало общего с действительностью.

Традиционными поставщиками, видимо, будут оставаться Катар, Иран и Россия. Но и США, активно разрабатывающие новые технологии (в частности, добычи сланцевого газа), уже с 2015 г. могут стать не импортерами, а экспортерами углеводородного сырья, а это, безусловно, окажет влияние на мировой рынок и может поколебать позиции России.

Китай, традиционно «угольная» страна, к 2030 г. не меньше чем на 2/3 будет зависеть от импорта нефти. То же самое можно сказать и об Индии.

Очевидной, по мнению Владимира Якунина, становится необходимость коренной смены управления энергетической системой, введения международной системы регулирования производства энергии.

«Я избегаю слова “глобализм”, так как оно приобрело явный политический оттенок. Говоря “глобализм”, мы имеем в виду, что мир стал единым, сжался благодаря информационным потокам и мировой торговле. А для политиков – это хорошо отлаженная система доминирования в собственных интересах», – подчеркнул Владимир Якунин.

Затем докладчик охарактеризовал другой важнейший фактор, который будет оказывать влияние на облик мира, – новый индустриализм. Он напомнил о недавних выступлениях Дэвида Кэмерона: на весьма представительных собраниях британский премьер не раз возвращался к идее реиндустриализации Великобритании. Таким образом, несмотря на то, что Британия ассоциируется с англосаксонской моделью мира, в которой постулировалась идея постиндустриализма, британский истеблишмент сам начинает понимать несостоятельность этой теории, лежащей в основе неолиберального подхода. На фоне лозунгов о том, что материальное производство теряет роль в экономике, идет вывод вредного производства в развивающиеся страны, в которых формируются центры индустриального развития.

Владимир Якунин подчеркнул, что процентного снижения материального производства нет.

Теория постиндустриализма является обоснованием практики нового перераспределения благ в обмен на виртуальные ценности.

Сейчас данные ценности, генерируемые гигантским финансовым сектором, все больше отрываются от реальных ценностей. Соотношение реальной и виртуальной экономики по некоторым данным равняется 1:10 (в 60 трлн долларов оценивается объем реальной экономики, в 600 трлн долларов – объем бумажных денег, деривативов и пр.).

Докладчик отметил, что дистанция между кризисами сокращается. Также было сказано и о разработанной в Центре проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования модели кризисов, согласно которой – по крайней мере в математической перспективе – скоро наступит сплошное состояние кризиса (Рис. 1).

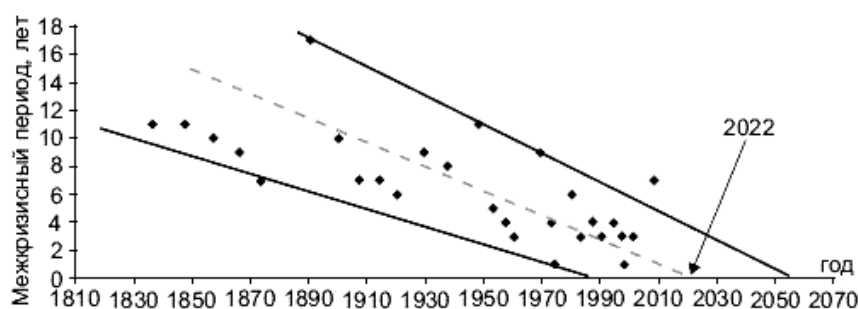

Рис. 1. Прогноз zero-point для мировой долларовой пирамиды

Говоря об изменениях в мировом населении, Якунин упомянул о некоторых значимых тенденциях, в частности об изменении соотношения католиков и мусульман. Соотношение количества рабочего населения и пенсионеров за 50 лет изменится с сегодняшних 5:1 до 2:1.

Наконец, одна из самых ярких мировых тенденций – колоссальная монополизация информационного сектора. Если в 1983 г. в мире подсчитывалось 50 медиа-корпораций, то менее чем за 20 лет их количество сократилось до шести.

Владимир Якунин отметил, что теперь с помощью информационных технологий одни страны можно записать в разряд «лузеров», а другие сделать носителями мировых ценностей, навязываемых всему человечеству.

И все же главная проблема глобального мира, по мнению Владимира Якунина, – это не продовольствие или вода, а утрата нравственности, угроза низведения интересов людей исключительно к материальным благам. Установление глобального господства ценностей общества потребления – это одна из самых больших опасностей будущего мира.

Руслан Гринберг: «Праволиберальная философия вышла из моды»

Пленарное заседание продолжил член-корреспондент РАН, директор Института экономики Академии наук (ИЭ РАН) Руслан Гринберг. В докладе «Мировые

тенденции и шансы евразийской интеграции» ученый констатировал «четыре возвращения», свидетелями которых мы сейчас являемся.

Первое возвращение – централизация и концентрация капитала. По мнению докладчика, сейчас происходят буквально такие же процессы концентрации капитала, слияния и поглощения, что и в конце XIX – начале XX в. Кризис кейнсианства и триумфальное шествие либерализма вызвали к жизни формулу *small is beautiful* – «малое прекрасно». Но это, считает директор Института экономики, было лишь отклонением от общего тренда: на самом деле миром правят гиганты. В этом контексте характерна дискуссия в России о пользе госкорпораций.

Второе возвращение – возвращение материальной экономики. Здесь Руслан Гринберг сослался на предыдущий доклад, в котором Владимир Якунин упомянул о выступлениях Дэвида Кэмерона.

«Финансовый сектор перестает быть целью и снова становится средством развития экономики», – констатирует ученый.

Третье – возвращение циклов. Казалось, что циклы удалось преодолеть, мир выработал серьезный арсенал действий против циклического развития, особенно денежно-кредитная политика в рамках монетаризма – тут ее надо похвалить – работала очень эффективно, признает Руслан Гринберг.

Однако циклы вернулись. Идет дискуссия по поводу природы текущего кризиса. «Как президент фонда Кондратьева, я должен был бы стоять насмерть на стороне нашего ученого, но я больше соглашаюсь с теорией Саймона Кузнецца», – говорит докладчик.

«Я склоняюсь к простой теории тучных и тощих годов, – говорит ученый. – После 130 месяцев бурного роста на Западе, “золотого века” экономики, моды на дерегулирование пришла инвестиционная пауза. Вряд ли она связана с переходом к новому укладу».

Наконец, четвертое возвращение – возвращение императива глобального регулирования. Глобальная экономика требует глобального регулятора, убежден Руслан Гринберг, иначе она не может больше развиваться. Здесь возникает проблема: ведутся абстрактные разговоры о глобальном мире, но страны не хотят терять национальные суверенитеты.

Говоря о потенциальных конфликтах, директор ИЭ РАН отметил, что основой для них может стать происходящее в глобальных масштабах сужение среднего класса.

В результате победы либерализма возник средний класс, что привело как бы к бесклассовому обществу. Теперь же снова идет возвращение к классам, «восстание» среднего класса. С особой силой это видно в России, убежден Руслан Гринберг. Характерная черта этого «восстания» – недовольство властью, но отсутствие реального проекта. Это создает почву для победы на выборах правых и левых популистов.

Похоже, заканчиваются 500 лет доминирования евро-американской цивилизации, считает Руслан Гринберг. В этой связи особое внимание привлекает Китай. Как он будет себя вести?

«Мы знаем, что Америка может совершать очень большие ошибки, но мы знаем, как она себя ведет, а как поведет себя Китай, – не знаем. Это создает хо-

рошие условия для России, которая сможет стать балансирующей силой в мире», – говорит Гринберг.

В заключение докладчик констатировал, что праволиберальная философия вышла из моды: Обама и Олланд, а также другие примеры подтверждают, что идет возвращение социального государства.

Степан Сулакшин: «В мире установилась глобальная система паразитирования»

Доктор физико-математических и политических наук Степан Сулакшин представил участникам конференции доклад «Глобальный паразитизм и мировые кризисы». Социальный паразитизм он определяет как потребление не произведенного, а присваиваемого блага.

Обмен товарами между производителями и потребителями существует давно, и деньги появились как эквивалент, позволяющий интенсифицировать этот обмен. Однако социальный паразитизм привел к тому, что потребление стало возможным без производства. Деньги печатаются без материального обеспечения. Ценообразование идет в отрыве от спросовой активности: фондово-рыночный механизм спекулятивно накручивает искусственный спрос, подогревает ситуацию денежными вливаниями и маневровыми компаниями. Эти деньги печатают Федеральная резервная служба США и надгосударственная группа людей, которая управляет этой системой.

Наблюдается линейный рост и повторяющиеся «подбросы» цен на нефть и другие глобальные товары, причем дистанция между этими «подбросами» сокращается. Проанализировав возникновение мировых финансовых кризисов, «гребенку» кризисов (рис. 2), сотрудники Центра пришли к выводу: ни одна из существующих математических моделей случайного распределения не объясняет их цикличности.

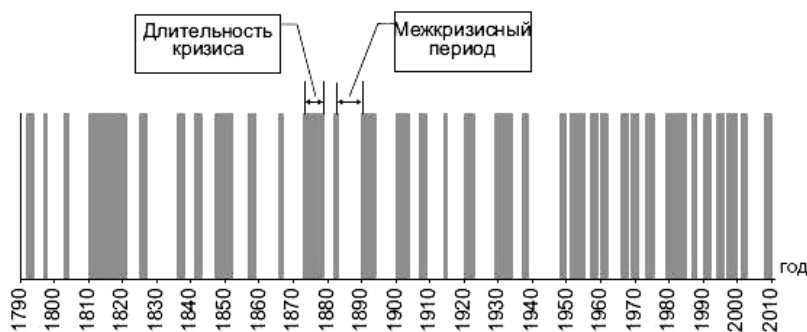

Рис. 2. «Гребенка» значимых финансово-экономических кризисов

Между тем межкризисный интервал подчинен закономерности. Так, например, сотрудники Центра построили трехфазную модель кризиса и описали теоретическую модель управляемого финансового кризиса, которая, видимо, работает на протяжении уже 200 лет.

Построив обобщенный цикл рыночной конъюнктуры и попробовав фазировать с ним цикл мировых кризисов, сотрудники пришли к выводу, что убедительный синхронизм отсутствует (рис. 3).

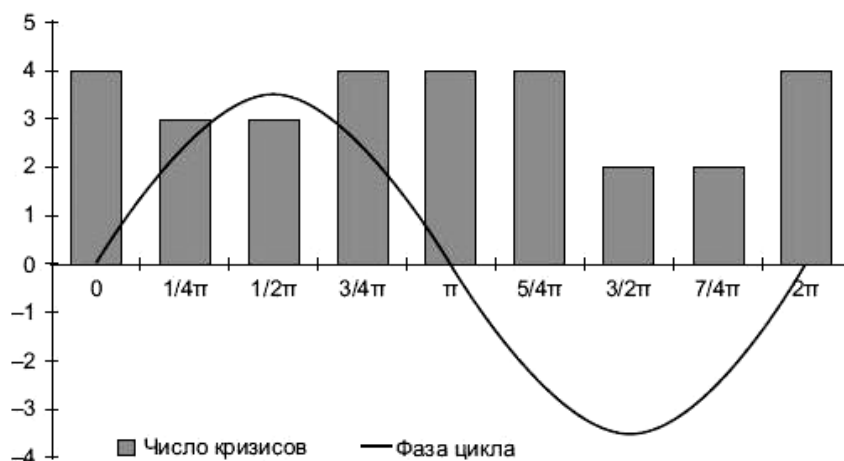

Рис. 3. Обобщенный цикл рыночной конъюнктуры и фазирования с ним мировых кризисов. Отсутствие убедительного синхронизма

Кризисы не связаны с циклическим развитием (во всяком случае, с точностью до исторической статистики). Они связаны со стяжательством, с интересами группы бенефициаров, убежден Степан Сулакшин. ФРС США, эмитирующая доллары, – это сложно устроенная надгосударственная структура, вплетенная в политический механизм. Клуб бенефициаров оказывает влияние на все страны мира. Сами США фактически являются заложником этой надстройки.

Таким образом, в мире функционирует неокOLONиальная система, а стадию развития, на которой находится современное человечество, можно назвать мировым глобальным паразитизмом.

Он существует за счет того, что материальное обеспечение в десять раз ниже денежного эквивалента. Повышение стоимости доллара в национальных и региональных валютах дает бенефициарам возможность получать больше реальных благ.

В России тоже действует модель паразитизма. Центральный банк страны устанавливает необоснованную ставку рефинансирования; страна живет на ренту, не производит материальных благ, а лишь экспортирует сырье. Растет количество миллионеров, увеличиваются объемы вывозимого за рубеж капитала.

То, что ФРС и США являются бенефициарами, доказывает величина ущерба, нанесенного кризисами ВВП разных стран (рис. 4).

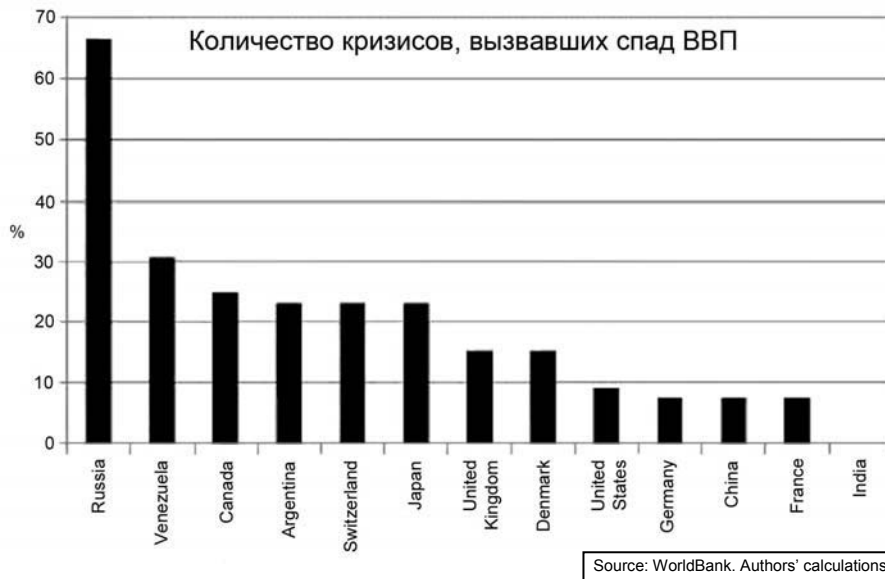

Рис. 4. Сопоставление ущерба от мировых финансовых кризисов для разных стран мира по ВВП

Степан Сулакшин убежден, что суперкризис, который сможет разрушить систему паразитирования, произойдет в ближайшие десятилетия.

По окончании пленарного заседания состоялась презентация коллективной монографии сотрудников Центра «Политическое измерение мировых финансовых кризисов», в которой проанализирован огромный фактический материал и подробно описана управляемая модель кризисных явлений.

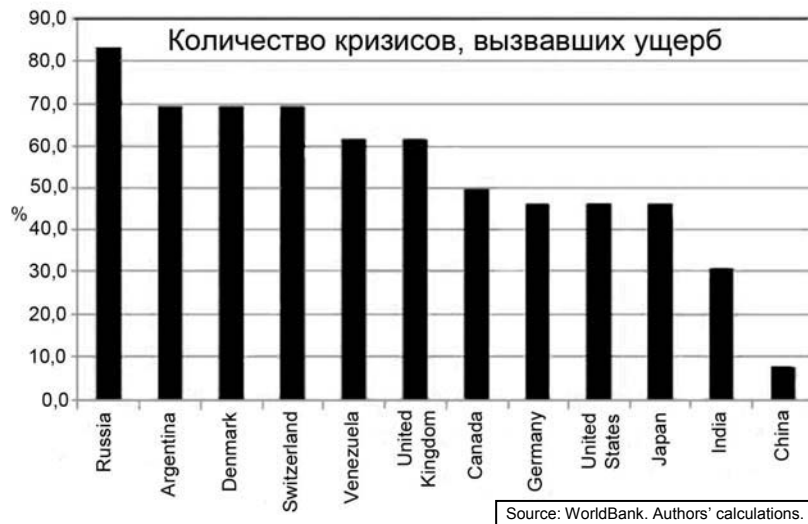

Рис. 5. Сопоставление ущерба от мировых финансовых кризисов для разных стран мира по ВВП, инфляции, безработице и инвестициям

Александр Чумаков: «Человечество на пороге глобальной войны всех против всех»

Первый вице-президент Российского философского общества Александр Чумаков выступил с докладом «Глобальное управление миром: реалии и перспективы».

По его словам, среди главных задач современного человечества необходимость формирования механизмов глобального управления становится центральной, поскольку любая общественная система в отсутствие управления живет по законам самоорганизации, где различные элементы такой системы любыми средствами стремятся занять доминирующее (более выгодное) положение. Борьба на уничтожение логически завершает конфликт, если одна из сторон не признает себя побежденной со всеми вытекающими отсюда последствиями. Приступая к рассмотрению проблемы, докладчик уточнил понятия, которые играют ключевую роль для решения поставленной задачи.

Поскольку «современный глобальный мир имманентно связан с глобализацией», важно подчеркнуть, что в понимании этого явления даже в экспертном сообществе, не говоря уже о широком общественном сознании, существуют серьезные разночтения. А. Чумаков понимает глобализацию как «прежде всего объективный исторический процесс, где субъективный фактор играет порой принципиальную роль, но не является исходным». Именно поэтому, говоря о глобальном управлении, надо правильно определить объект и субъект управления. При этом если с объектом все более-менее ясно (это все мировое сообщество, которое к концу XX в. образовало единую систему), то с субъектом – управляющим началом – дело обстоит сложнее. Здесь, как было подчеркнуто, важно освободиться от иллюзий, что мировым сообществом можно управлять из одного какого бы то ни было центра или посредством какой-то одной структуры, организации и т. п. К тому же необходимо проводить различие между регулированием и управлением, что предполагает уточнение этих ключевых понятий. Далее была показана диалектика соотношения этих понятий и приведены примеры их работы на уровне национальных государств.

Так как перед человечеством остро встала задача организации управления ме-гасистемой, то центральным вопросом становится то, каким образом станет возможным такое управление. По мнению докладчика, здесь в основу должен быть положен исторически оправдавший себя принцип разделения властей на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную. И именно в этом контексте можно и нужно говорить уже не только о мировом правительстве (как исполнительной власти), но и о совокупности всех необходимых структур, которые представляли бы власть законодательную (мировой парламент), судебную и все остальное, что связано с воспитанием, образованием, поощрением и принуждением на этом уровне.

Однако в силу колоссальной дифференциации мирового сообщества и эгоистической природы человека ближайшее будущее на планете, по мнению А. Чумакова, будет подчинено, по всей вероятности, естественному ходу событий, что чревато серьезными социальными конфликтами и потрясениями.

Далее работа конференции продолжилась в рамках стендовой секции, где несколько десятков участников из разных городов России представляли свои работы. Как подчеркнул Степан Сулакшин, стендовая секция конференции очень обширна, и это крайне важно, так как именно там происходит живое, непосредственное общение участников. Увлекательные и порой вызывавшие споры доклады можно было послушать, посетив одну из четырех секций конференции:

- «Человечество в мегаистории и универсуме: смысл “проекта”»;
- «История глобального мира»;
- «Переходные процессы в мире»;
- «Угрозы миру».

Итак, основные глобальные тенденции развития мира озвучены, варианты действия предложены. Подводя итоги конференции, нельзя, однако, сказать, что участникам пленарного заседания и секций всегда удавалось достичь единодушия или хотя бы устойчивого взаимопонимания. Это лишь подтверждает, насколько сложны проблемы глобального мира, которые человечеству неизбежно придется решать. Их обсуждение необходимо, попытки увидеть вызовы и поставить задачи крайне важны сами по себе. Поэтому значение конференции, в рамках которой ученым и экспертам удалось «сверить часы», трудно переоценить.

По итогам конференции планируется издание сборника трудов.

Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник / гл. ред. И. В. Ильин, И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М. : Альфа-М, 2012. 430 с.
ISBN 5-8126-0004-2

Новая книга по глобалистике, вышедшая из печати в III квартале этого года, является русским вариантом уникального справочного издания, включающего в себя информацию о наиболее известных ученых, политических и общественных деятелях, которые внесли выдающийся вклад в становление и развитие глобалистики или оказали беспрецедентное влияние на формирование глобального мира. Справочник содержит также наиболее полную информацию об

организациях, периодических изданиях и специальной литературе, имеющих непосредственное отношение к теории и практике глобалистики, и наиболее полно показывает состояние дел в данной области на мировом уровне.

Данный проект является продолжением многолетней работы, результатом которой стала публикация международных междисциплинарных изданий: Энциклопедии (2003) и словаря «Глобалистика» (2006), получивших широкую известность и признание. Издание предназначено как для специалистов, преподавателей, аспирантов и студентов, так и для широкого круга читателей, интересующихся различными аспектами современной глобалистики и непосредственно сопутствующей ей информацией.

* * *

По вопросам приобретения энциклопедического справочника «Глобалистика» можно обращаться по адресу: 119991, Москва, ул. Волхонка, д. 14/1, стр. 5, к. 102. Тел.: (495) 609-90-76; E-mail: rphs@iph.ras.ru

НАШИ АВТОРЫ

АЛЕШКОВСКИЙ Иван Андреевич – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры народонаселения экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. *E-mail: aleshkovski@yandex.ru*

БОНДАРЕНКО Валентина Михайловна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, директор Международного фонда Н. Д. Кондратьева. *E-mail: bondarenko@inecon.ru*

БОНДАРЕНКО Наталия Евгеньевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. *E-mail: vita06@inbox.ru*

ВАСИЛЕНКО Василий Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии Волжского гуманитарного института (филиала) Волгоградского государственного университета. *E-mail: vasnoos@bk.ru*

ГАНЧЕВ Петко – доктор философских и политологических наук, профессор, посол, председатель Геополитического центра Евразия – София. *E-mail: petko_ganchev@abv.bg*

ГРИНИН Леонид Ефимович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, заместитель руководителя Евро-азиатского центра мегаистории и глобального прогнозирования, шеф-редактор журнала «Век глобализации». *E-mail: lgrinin@mail.ru*

ЗАПЕСОЦКИЙ Александр Сергеевич – доктор культурологии, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов. *E-mail: info@gup.ru*

ИМАНОВ Гейдар Мамедович – кандидат технических наук, президент научно-образовательного комплекса «Смольный университет». *E-mail: geydariman@mail.ru, smun_spb@mail.ru*

КРАСАВИНА Лидия Николаевна – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра исследований международных экономических отношений Института финансово-экономических исследований ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». *E-mail: Mvikhreva@mail.ru*

ЛЕБЕДЕВ Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Института переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук МГУ имени М. В. Ломоносова, заслуженный профессор Московского государственного университета. *E-mail: saleb@rambler.ru*

РОЗАНОВ Александр Сергеевич – аспирант факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова, руководитель научного отдела. *E-mail: rozanov@fgp.msu.ru*

СИЛИНА Елена Валерьевна – аспирант, Финансовый университет при Правительстве РФ. *E-mail: silina-e@mail.ru*

ТЕЙМУРИ Вали – руководитель международного отдела Иранского национального центра по исследованию глобализации. *E-mail: waliteymouri@yahoo.fr*

УРСУЛ Аркадий Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Республики Молдова, директор Центра исследований глобальных процессов и устойчивого развития Российского государственного торгово-экономического университета, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова. *E-mail: ursul-ad@mail.ru*

ФИЛЮХИНА Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, редактор сайта Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. *E-mail: f.svtln@gmail.com*

ЧУМАКОВ Александр Николаевич – доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества, заведующий кафедрой философии Финансового университета при Правительстве РФ. *E-mail: chumakov@iph.ras.ru*

ШАПКИН Игорь Николаевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической истории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. *E-mail: ishapkin@mail.ru*

VEK GLOBALIZATSII
[AGE OF GLOBALIZATION]
Journal of Global Studies

Contents

Theory

Krasavina L. N. Monetary globalization: Tendencies and perspectives of development (pp. 3–16).

Ursul A. D. Cosmo-globalistics: The genesis and research approaches (pp. 17–31).

Chumakov A. N. The problem of government as a cause for discussion (pp. 32–42).

Globalization Processes

Grinin L. E. The Chinese model and the perspectives of Chinese leadership in the world (pp. 43–61).

Ganchev P. The Global crisis: The need for new principles, institutions, values (pp. 62–78).

Bondarenko V. M. Global processes: Two paradigms of development (pp. 79–88).

Silina E. V. Globalization phenomenon: Social aspect (pp. 89–95).

Global Problems

Aleshkovski I. A. The demographic crisis as a threat to Russia's national security (pp. 96–114).

Rozanov A. S. International terrorism as a modern global problem (pp. 115–118).

Nature, Man, Society

Teymuri V. The world leaders and cultural diversity (pp. 119–127).

Vasilenko V. N. 'Rio+20': Security of the global society' citizens (pp. 128–144).

Lebedev S. A. The science in the global world (pp. 145–151).

Russia in the Global World

Zapesotski A. S. The Russian capitalism in the context of the global dispute between the socialist and liberal ideologies (pp. 152–159).

Shapkin I. N., Bondarenko N. E. Creation of the national innovative system as a prerequisite for competitive recovery in the global economy (pp. 160–173).

Imanov G. M. Russia and Turkey in the 21st century: From the multidimensional strategic partnership to the imperative of the Eurasian integration (pp. 174–178).

Academic Life

Philyukhina S. V. The global tendencies of the world development (pp. 179–188).

Globalistics. Biographies, organizations, publications. Reference book (p. 189).

The Authors of the Issue (p. 190).

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегель 14) на одной стороне листа; сноски подстрочные (кегель 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой... 2008]. При наличии прямой («закавыченной») цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

Дройзен И. Г. История эллинизма. СПб. : Наука; Ювента, 1997. Т. 1.

Воронов А. М. Оценка региональных изменений гидроклиматических условий Европейской территории СССР по историческим данным // Водные ресурсы. 1992. № 4. С. 97–105.

Шишков Ю. В. 2003. Мировоззственный механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономика. С. 25–47.

История Древнего Востока / под ред. В. И. Кузищина. М. : Высшая школа, 1988.

Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2aBek.pdf> (дата обращения: 14.03.2011).

U.S. Bureau of the Census. World Population Information: [сайт]. URL: <http://www.census.gov/ipc/www/world.html> (дата обращения: 24.02.2008).

Ссылки на **интернет-публикации** рекомендуется приводить лишь в тех случаях, если источник не существует либо недоступен на бумажных носителях.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и ключевые слова к ней, а также авторская справка и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации». 2(10), 2012. – 192 с.

Ответственная за выпуск *Е. В. Еманова*
Технический редактор *Е. А. Никифорова*
Корректоры *И. Г. Гергель, Н. В. Самсонова*
Верстка *Е. Ф. Прыгуновой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г.

© Издательство «Учитель»
400059, г. Волгоград, а/я 114.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru

Подписано в печать 19.11.2012. Формат 70×100/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,48.
Тираж 1000 экз. Заказ № .

Диапозитивы предоставлены издательством.

Отпечатано ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»
Полиграфкомбинат «Офсет»
400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.
Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10